

СТИХОТВОРЕНІЯ

Петра Карбанова,

Нравственныя, Лирическія,

Любовныя, Шуточныя

и

Смѣшанныя,

Оригинальныя и въ переводѣ.

Въ Санктпетербургѣ,
печатано въ Императорской Типографіи,
1801 года.

Рукопись подъ названіемъ: разныя Стихотворенія собранныя изъ рукописей, изъ печатныхъ журналовъ и тетрадей, Нравственныя, Лирическія, Любовныя, Шуточныя и Смѣшанныя — Санктпетербургская Ценсура къ напечатанію одобряетъ. Августа 24 дня 1800 года,

Гражданскій Ценсоръ *Туманскій*.

Его Сіяшельсшву,
Господину Дѣйсвиштельному Тайному
Совѣшнику,

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Совѣша Члену,

Государспвенной Коллегіи Иноспранныхъ Дѣлъ
Перьвому присушсшвующему,

Главному Директору Почшъ,
Державнаго Ордена Св: Іоанна Іерусалимскаго
Великому Канцлеру,

и орденовъ Россійско-ИМПЕРАТОРСКИХЪ:

Св: Апостола Андрея Первозваннаго,
Св: Александра Невскаго,
Св: Анны перьваго класса,
Св: Іоанна Іерусалимскаго Большаго Креста;
Шведскаго Серафимовъ,
Сардинскихъ: Анонсіады и Св: Мавриція
и Лазаря,
Неаполитанскаго Св: Фердинанда, и
Пфальцъ-Баварскаго Св: Губерта Кавалеру

Графу

Теодору Васильевиту

Растолтину

приношеніе.

О Г Л А В Л Е Н І Е

содержащимся въ сей книжкѣ разнымъ спихопвореніямъ, съ означеніемъ, копорыя изъ нихъ и въ какихъ журналахъ были уже напечатаны прежде, или когда писаны.

	страни :
Божіе всемогущество и премудрость	1
<i>нал. въ Журн.: Лѣкарство отъ Скуки и Заботъ 1786 года. часть I. стр. 214.</i>	
Злашо.	4
<i>нал. въ Журн.: Растущій виноградъ 1785.</i>	
Воинская жизнь.	9
<i>нал. въ Журн.: Зеркал. Свѣт. т. I. стр. 362.</i>	
Сладостраспный.	14
<i>нал. въ Лѣк. отъ Ск. и Заб. т. I. стр. 124.</i>	
Пѣснь въ прославленіе вѣры и проч.	18
<i>нал. особо въ 1794.</i>	
Испинное блаженство.	24
<i>нал. въ Лѣк. отъ Ск. и Заб. т. I. стр. 25.</i>	
Ночь.	28
<i>нал. въ Зерк. Св. т. I. стр. 90.</i>	
Сонъ.	32
<i>нал. въ Лѣк. отъ Ск. и Заб. т. I. стр. 9.</i>	

Опасность любви.	35
<i>нал. въ Лѣк. отъ Ск. и Заб. т. I. стр. 50.</i>	
Вольное подражаніе Монологу трагедіи Гамлета соч. Шакесперомъ	37
<i>нал. въ Лѣк. отъ Ск. и Заб. т. I. стр. 195.</i>	
Картина двора, переводъ изъ сочиненій Кардинала Берниса.	41
<i>нал. въ Лѣк. отъ Ск. и Заб. т. I. стр. 233.</i>	
Спихи на благосостояніе жителей подмо- сковной деревни Любимовской	43
<i>нал. въ Лѣк. отъ Ск. и Заб. т. I. стр. 269.</i>	
Гласъ пустытника	47
<i>нал. въ Зерк. Св. т. I. стр. 108.</i>	
Твердость духа.	51
<i>нал. въ Зерк. Св. т. II. стр. 143.</i>	
Пороки свѣта или видѣніе ле Брюня, переводъ.	54
<i>нал. въ Зерк. Св. т. II. стр. 207.</i>	
Ошѣбшы на вопросъ о женѣ ревнивой и имѣющей ревниваго мужа, которая нещасливѣ	62
<i>нал. въ Зерк. Св. т. III. стр. 11.</i>	
Бѣдность.	64
<i>нал. въ Зерк. Св. т. VI. стр. 656.</i>	
Признаніе другу въ чувствованіи исправле- нія при видѣ одного зрѣлища въ ше- стрѣ.	67
Мнимая вольность, равенство и самодер- жавная власть	69
Спихи на мѣстѣ бесѣдки при гробницѣ, или завтракъ для кадешовъ въ не-	

дѣлю Св. Пасхи. Мысли Оксен- спирна.	84
<i>нал. въ С. П. бургскомъ Меркуріѣ 1793</i>	
<i>т. III. стр. 198. переводъ съ Франц:</i>	
Совѣщъ Темирѣ	86
<i>нал. въ С. П. бургскомъ Меркуріѣ т.</i>	
<i>II. стран. 10.</i>	

П р и ш ч и.

1. Пльшивый и Орелъ.	88
<i>нал. въ Лѣк. отъ Ск. и Заб. т. I. стр. 143.</i>	
2. Лилія и другіе цвѣтшы	89
<i>нал. въ С. П. бургскомъ ежем: изданіи</i>	
<i>Зритель, 1792 года Алрѣля, стр. 187.</i>	
3. Упопробленіе вольности	91
<i>нал. въ С. П. бургскомъ Меркуріѣ 1793</i>	
<i>т. III. стран. 209.</i>	
4. На равенство, Органы.	92
<i>нал. тамъ же, стран. 211.</i>	
5. На правленіе народное, Пшицы	93
<i>нал. тамъ же; стран. 213.</i>	
6. Саширѣ и Орфей	94
<i>нал. въ Москов. Журн. въ Декабрѣ 1792.</i>	
<i>стран. 204.</i>	
Надпись Россійскому Орлу.	97
<i>нал. въ Лѣк. отъ Ск. и Заб. въ 1786.</i>	
<i>т. I. стран. 3.</i>	
Сонетъ на день возшествія на престолъ Екатерины II.	—
<i>нал. тамъ же; стран: 4.</i>	
На одержанныя воинствомъ Россійскимъ	

побѣды 1790 на Черномъ морѣ, у рѣки Кубани и при берегахъ Дунайскихъ. <i>писано въ томъ же году и нал. особо.</i>	
На покореніе Бендеръ въ 1790 году. <i>писано въ томъ же году.</i>	104
На подорваніе Бендерскихъ бастионовъ по сдачѣ города въ томъ же году. <i>писано тогда же.</i>	106
На взятіе Турецкаго города Измаила. <i>нал. особо въ Бендерахъ въ 1790.</i>	107
На покореніе Крымской области въ 1783 <i>нал. особо въ 1795. въ титл. Корлуца Чужестранныхъ единовѣрцевъ.</i>	112
На взятіе Варшавы въ 1794, Окт. 29 дня. <i>нал. особо въ 1795.</i>	117
Геройскій подвигъ бывшаго Екатеринославскаго корпуса Егеря и проч. <i>нал. особо въ 1795.</i>	120
На рожденіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. <i>нал. въ 1796 особо.</i>	122
Успокоенная и прославленная Россія. <i>писан. въ 1795 году.</i>	124
Къ торжеству возшесствія на престолъ Екатерины II. переводъ. <i>писан. въ 1795 году,</i>	139
Чувствованія бранноноснаго 1795 года, переводъ. <i>писан. въ 1795.</i>	141
Искренность пастушки <i>нал. въ Лѣк. отъ Ск. и Заб:</i>	147

Изображеніе Анешы въ легкихъ чертахъ.	152
<i>нал. въ С. II. бургскомъ Меркуріѣ, тастъ III. стран. 193.</i>	
Похищенные волоски у Анешы въ перспень.	155
<i>нал. тамъ же, тастъ III. стр. 202.</i>	
Письмо къ Анешѣ.	157
<i>нал. въ Лѣк. отъ Ск. и Заб.</i>	
Идиллія.	160
<i>нал. тамъ же.</i>	
На просуду Кашеньки	164
<i>нал. тамъ же.</i>	
На возвращеніе Лизешы изъ путешествія .	166
<i>нал. тамъ же.</i>	
Письмо Анюпы къ Викшору	168
<i>нал. въ Зер. Св. 1787 г. IV стр. 209.</i>	
Елегія на измѣну А.	175
<i>писан. въ 1789 году.</i>	
Одной красавицѣ на представленіе роли изъ трагедіи Г. Вольшера и проч. .	177
<i>налет. въ С. II. бургскомъ Меркуріѣ 1793, тастъ IV. стран. 38.</i>	
Восхищеніе стихотворца при видѣ одной красавицы въ Молдавіи	180
<i>писан. въ 1790 году.</i>	
Выраженіе любви стихотворицы Сафо къ Фаону	183
Прекрасной Деліѣ искреннее приношеніе	184
Медригалъ двумъ красавицамъ	185
Къ актрисѣ игравшей роль Діаны въ оперѣ называемой: <i>Діанно древо</i>	186

Чувствованія любовника по разлукѣ съ его любезною при свиданіи	189
Освобожденный изъ неволи любви.	191
Изображеніе Анеты	195
Признаніе вины предъ Анетою въ нѣкоп- рой любовной вольности.	200

П ъ с н и.

1. Что мнѣ радости въ покоѣ	202					
2. Можешь ли ударъ быть злѣе .	203					
3. Несклонный къ нѣжной страсти	205					
4. Спремлюсь къ тебѣ всечасно . . .	207					
5. Не льщусь твоей взаимной страстью	208					
6. Бесѣдуя съ тобою	209					
7. Охъ! какъ шо мнѣ жить	210					
8. Мучь меня жестокая любовь	211					
9. Лети къ моей любезной	213					
10. На ревность	215					
11. Подозрѣніе въ холодности	216					
12. Гдѣ, въ какой странѣ блаженной	217					
13. Пльнено сердце нѣжной Лилой	219					
Двадцать двѣ загадки съ отгадками	<table> <tr> <td rowspan="3" style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">}</td> <td>опш</td> </tr> <tr> <td>221</td> </tr> <tr> <td>до</td> </tr> <tr> <td>229</td> </tr> </table>	}	опш	221	до	229
}	опш					
	221					
	до					
229						

Х о р ы.

I. Въ священнѣйшій день Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ
--

Государя Императора Всероссийскаго ПАВЛА ПЕТРОВИЧА I. и Супруги Его Императрицы МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ	230
II. На заключеніе мира съ Опшоманскою Поршою въ 1791 году	232
III. Въ день рожденія Его Высокопревосходительства Льва Александровича Нарышкина.	233
IV. На высочайшее Ея Императорскаго Величества посѣщеніе дому Льва Александровича Нарышкина въ 1795 году.	235
V. Въ день рожденія Его Высокопревосходительства Александра Львовича Нарышкина	237
На рожденіе Ея Высокопревосходительства Марины Осиповны Нарышкиной	239
Для серенады въ мызѣ Левендалѣ ко дню именинъ Ея Высокопр: Марины Осиповны Нарышкиной	241
Приношеніе Маринѣ Дмитріевнѣ перво-рожденной дочерѣ ихъ Превосходительствъ Дмитрія Львовича и Маріи Антоновны Нарышкиныхъ и проч:	242
Надпись къ портрету Его Свѣшлости Канцлера Князя Безбородка	243
Благодарность Его Высокопревосходительству Александру Львовичу Нарышкину за предстательство и проч:	244
Его Высокопревосходительству Льву Александровичу Нарышкину при поднесеніи экземпляра предвѣдущихъ сшивовъ	146

На его кончину	247
Надгробіе Васинькѣ	250
Сказка <i>Пѣтѣ</i>	252
Мужѣ хвастунѣ	257
Эпиграмма скрипачу	—
Рога	—
Старый набѣдникѣ хвастунѣ	258
Кручина стараго пахаря	260
Двѣ пѣсни Поэмы Садовѣ или искусства украшашь сельскіе виды, въ переводѣ.	

Ошибкою съ 256 по 280 страницу сдѣланы опечатки
въ нумераціи страницъ.

Къ лирѣ мой.

И ты — съ нестройными, съ незвучными струнами,
 Межь сладкими пѣвцовъ избранныхъ голосами,
 Которые поютъ блаженство нашихъ дней,
 Побѣды Россіянъ и славу ихъ Царей,
 Героевъ ПАВЛОВЫХЪ, въ Италіи недавно
 Украсившихъ себя побѣдами преславно,
 Прешедшихъ пропасти, верьхи Швейцарскихъ горъ,
 Видъ коихъ ужасалъ и самый смѣлый взоръ,
 И ты — средь сихъ пѣвцовъ, любимцевъ Аполлона,
 Извѣстныхъ по своимъ достоинствамъ у шрона,
 Безсмертны ПАВЛОВЫ вѣщающихъ дѣла,
 Которыхъ громкая и истинна хвала
 Промчалася во всѣ концы пространныя міра,
 И ты безвѣстная бряцаешь держаешь Лира!
 Кого бряцаніемъ надѣнешя плѣнить?
 Не лучше-ль сладостнымъ ихъ пѣснямъ уступить?
 Сколь многіе на верьхъ Парнаескихъ горъ держали,
 И устрашась спремникъ, спремглавъ ошнуда пали!
 Ихъ Лиры раздробясь о каменны скалы,
 Не возмogli воспѣшь и слабой похвалы,
 А шолько звукъ одинъ нескладный ошдавали,

Которому вдали Сапирѣ хохотали.
Тажъ участь ждешъ тебя. Однако не робѣй;
Будь крошка и скромна въ незнакомости твоей;
Сверхъ силъ не напрягай струнъ пѣсней высокою,
Старайся нравиться твоею просопоєю.
Пусть наши Пиндары, Гораціи гремятъ,
Пусть пріемъ своимъ Виргиліи дивятъ;
Не позавидуй имъ, зря славы ихъ сіянье,
И пѣсню хоть одной склони къ себѣ вниманье.

БОЖІЕ ВСЕМОГУЩЕСТВО И ПРЕМУДРОСТЬ.

Тебе сотворшаго чудесно
Обширность дивную сію,
Тебе живущаго всемѣстно,
Всесильный Боже! воспою.
Изъ пьмы глубокой и ужасной
Ты сей воздвигнулъ свѣшъ прекрасной
Единымъ словомъ успѣ svojъ.
Ты рекъ; и бысть земля и воды,
И шварей неисчислины роды
Живущі въ славу дѣлъ Твоихъ:

Горяшъ безчисленны свѣшїа
Въ недосыгаемыхъ спранахъ!
Твоя всемошность ушвердила
Ихъ пягосшь въ понкихъ небесахъ:
Возженну искру предъ Тобою
Ты въ швердї сильною рукою
Безмѣрно солнце укрѣпилъ;
Громаду пяжесшью грозящу
И пламенемъ пожрашь хощащу
Ошъ всѣхъ планетъ Ты удалахъ:

Твоей премудрости закономъ
 Спрямленье огненныхъ валовъ
 Въ горящемъ океанѣ ономъ
 Сдержалъ, не положа бреговъ; .
 И естляибъ землю въ гнѣвъ яромъ,
 Ты спрашныхъ волю его ударомъ
 За беззаконья поразилъ;
 Лѣса ояб, горы превысоки,
 Долины и моря глубоки
 Въ единый мигъ бы изшребилъ.

Но всѣмъ тѣламъ безмѣрна свѣща
 Отдѣлъ Ты положилъ такой,
 Чтосбъ не могла одна планета
 Въ движеньи подавить другой.
 Твоя премудрость, власшь и сила
 Изъищи онымъ воспретгла
 Изъ положенныхъ имъ круговъ:
 Воскощешь, небо потрясется,
 И связь ихъ шверда пресѣчется,
 Изчезнетъ спрой и видъ міровъ.

Простершы къ небу оти брены
 Подобны искрамъ звѣзды зрящъ:
 Творца десницей вдругъ возженны
 Такія-жъ солнцы то горящъ:
 Ихъ блещутъ миліоны цѣлы; —
 Такъ гдѣ-жъ Вселенныя предѣлы? —
 Что держитъ оной шягошу? —
 Не можетъ смерпныхъ бренио око
 Прѣикнуть въ шакнство глубино,
 Сокрышо въ вѣчну шемношу.

На славу Божию взирая,
 Чтя мудросшь, силу, власшь Его,
 Признайся, человекъ, смиряя
 Надменность сердца своего,
 Сколь ты предъ Нимъ и слабъ и низокъ,
 И сколь къ ничтожеству ты близокъ!
 Предъ блескомъ Творческихъ очей
 Величье скиптровъ и короны,
 Владѣючи полсвѣтомъ проны
 Такъ почно, какъ игра дѣшей.

Впери свой дужъ въ Его шворенье,
 Возри на самага себя,
 Всмотрись въ малѣйшее расенье,
 Все можешъ изумить тебя;
 Вездѣ Его премудрость блестя,
 Повсюду яркій лучъ свей мецень.
 Опвергни міра суешы,
 Забуди тщетныя желанья,
 И дѣль Владыки въ созерцаньи
 Свое блаженство найдешъ ты.

З Л А Т О .

Металъ, сяньемъ одаренный
 Нашъ слабый помрачати взоръ,
 Трудами смертныхъ извлеченный
 Изъ страшныхъ пронастей и горъ,
 О злато! идожь злобный міра!
 Твою стремишься нынѣ лира
 Тиранскую вѣщати власть.
 Коликъ ты себя прославилъ,
 Что къ шрону своему заощавилъ
 Только слабыхъ смертныхъ пасть!

Взведи свой взоръ, о Царь надменный!
 На пварей любящихъ твоей пльнѣ;
 зри сей олтарь окровавленный,
 что въ честь тебѣ сооруженъ:
 Тамъ чиспу совѣсть сожигаютъ,
 Тамъ честь нещадно закадаютъ,
 и жалобный ихъ вопль забвенъ.
 Какія жертвы сихъ святѣ?
 И есть ли власть сей власти злѣе?
 Но смертный игомъ симъ надменъ.

На споны бѣдныхъ и мученья
 Въ богатствѣ гордый мещещъ взглядъ;
 А самъ бездушнаго пворенья
 Онъ жертва бѣдная и рабъ. —
 Кто можешъ всѣ бѣды изчислить
 И не спрашася о нихъ помыслишь,
 Которыми злой идолъ сей
 Прелестнымъ видомъ уловляя,
 И сѣпи всюду распавляя,
 Толико изшреблялъ людей?

Вамъ, спрашны пропасти земныя,
 Что жадный смертный ископалъ;
 Вамъ бездны мрачныя морскія,
 По коимъ онъ переплывалъ
 За знапомъ во страны далеки,
 Вамъ вѣспно, гибли-ль человекъ? —
 Тамъ пьмы раздавленныхъ головъ
 Подъ пляжками земли буграми,
 И скрылись вѣчно подъ волнами
 Здѣсь шьсячи морскихъ судовъ.

Еще намъ память сохраняешъ
 Прошедшихъ бышіе вещей:
 Она намъ жадность обличаетъ
 И звѣрство пагубно людей,
 Когда Америка несчастна
 Спенала отъ врага ужасна.
 На шоль въ незнаемый предѣлъ
 Плылъ смертный чрезъ моря пространны,
 Препятства видѣвъ непрестанны,
 Чшобъ новый свѣтъ врага въ немъ зрѣлъ?

Вотще прудилась тамъ природа
 Златыя горы основашъ,
 Чтобъ души жаднаго народа
 Безъ кровопійства напнать,
 Вотще; — онъ въ бездну проникаешъ
 И въ мрачность оной досягаешъ
 Чрезъ тьму расперзанныхъ имъ пль, —
 Съ огнемъ тамъ борется, съ водою;
 Но чтожь? доволенъ ли собою? —
 Для злата въ адъ бы онъ сошелъ.

На чтожь ты, смершнй, жадны руки
 Къ хищенью злата проспираешъ,
 На неповинныхъ пляжки мукъ
 И смерть поносу налагаешъ?
 Иль щастье мнилъ свое устройшъ? —
 Лезя-ль душу златомъ успокоишъ?
 Ты зависть лишь къ себъ родилъ;
 Умножилъ грабежи, раздоры,
 И разрушая злата горы,
 Ты горы шруновъ сорудилъ.

Возрймъ на сихъ мы шварей вредныхъ,
 Что къ злату жадностью кипяшъ,
 Стенапьемъ, мукой, плачемъ бѣдныхъ
 Спяжать сокровища хопяшъ,
 Друзей и ближнихъ разоряюшъ;
 На что металъ сей собираюшъ?
 Порокъ въ жестокихъ ихъ сердцахъ
 Ко злату жадность поселяешъ,
 Порокъ его и покищаетъ,
 И сей порокъ ихъ первый врагъ.

Роскошный роскошью бѣднѣетъ,
 Скупой хоть и богатъ, убогъ;
 Не онъ сокровищемъ владѣетъ,
 Сокровище его есть богъ:
 Тотъ слѣдуя спрасшей волненью,
 Иль общему предразсужденью,
 Своихъ сокровищъ не щадитъ;
 Сей хищниковъ прельщая очи,
 Хоть бодрствуетъ всѣ дни и ночи,
 Но часто пустъ онъ домъ свой зритъ.

Вотъ участь златомъ ослѣпленныхъ! —
 Но бѣдный часто слезы льетъ,
 Что жизнь сихъ пварей толь презрѣнныхъ
 Въ богатствѣ, въ роскошахъ печетъ:
 А самъ, когда бы жилъ въ ихъ долъ,
 Онъ такъ же все желалъ бы болъ,
 И бѣдный былъ бы человекъ:
 Днесь щасливъ онъ хоть мигъ бываетъ,
 Онъ радость въ сердцѣ ощущаетъ;
 А тѣ не чувствуютъ во вѣкъ.

Хоть солнце міръ весь освѣщаетъ,
 Но менѣ чудесъ пворитъ;
 Блескъ солнца очи ослѣпляетъ,
 Блескъ злапа души всѣхъ мрачитъ.
 И такъ предъ нами не виновны
 Судьи и свѣтски и духовны,
 Что ихъ неправдой духъ живетъ:
 Мешалъ сердца ихъ развратившій
 И взоръ души ихъ помрачившій,
 Препитъ имъ видѣшь правды свѣтъ.

Гласъ звонкаго сего мешалла
 Есть спорогій на судѣ законъ,
 Взгремилъ, и предъ лицемъ зерцала
 Въ единый мигъ исполненъ онъ:
 Нѣтъ нужды въ помощи правдивыхъ,
 Въ законахъ сильныхъ, справедливыхъ,
 Сильнѣе всѣхъ законъ — металлъ;
 Онъ гласъ премудрыхъ заглушаетъ,
 И строго смертному вѣщаетъ,
 Чѣмъ онъ на истинѣ возсталъ,

О злато! ты тому виною,
 Что истины ужъ въ мирѣ нѣтъ;
 На то ли естества рукою
 На стройный ты возникло свѣтъ,
 Дабы порядокъ въ нсмъ разспронилъ
 И сильну власть себѣ присвоилъ?
 Доколѣ жадныя сердца
 Тѣснишь неправдой будущъ бѣдныхъ?
 Доколѣ ихъ желаній вредныхъ
 Не узрятъ бѣднѣе конца?

Вселенныя Творецъ великій!
 Простри Ты истины лучи,
 Разрушь несчастія толки
 И въ нѣдра пакы заключи
 Ты злато, чѣмъ уже оштолѣ
 Не могъ его изторгнушь болѣ
 Ненасышимый человекъ!
 Или оставь его не многимъ,
 Дабы несчастнымъ и убогимъ
 Давъ помощь, ихъ продали въкъ!

ВОИНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Подвигнутый оружіем звукомъ
Хочу возвысить лирный гласъ,
И къ Марсу прилѣпленный духомъ
Лечу съ воспоргомъ на Парнассъ.
Военнымъ воспаленну жаромъ
Мнѣ мнился, что въ сраженіи яромъ
Средь громовъ и мечей спюю,
Межъ стрѣлъ и копій обращаюсь,
Дивлюсь, робѣю, восхищаюсь,
И жизнь воинскую пою.

О вы! которыхъ бодрость духа
Ко славъ звучныхъ дѣлъ зовешъ,
Которыхъ мужественна слуха
Свистъ ядръ, громъ ружій не мяшетъ!
Васъ нынѣ я хочу прославить
И выше смертнаго поспавить,
Вашъ славный жребій вознеси:
Пусть шѣмъ неробкіе бодрятся;
А робкіе да поспыдятся,
Какъ спанешъ муза лавръ плесци,

Презрѣвъ роскошныя забавы,
 Постыдну лѣнность и любовь,
 Ся двѣ лесныя оправы,
 Что нѣжатъ тѣло, духъ и кровь,
 Блестанье славы помрачаютъ,
 Геройство въ робость превращаютъ,
 И сами гнусны наконецъ ;
 Безстрашна грудь шуда стремятся,
 Гдѣ смерть прошивъ все ярился,
 Чтوبъ Марсовъ заслужишь вѣнецъ.

Пускай кто хочеть разсуждаеть,
 Бывъ въ ужасъ приведенъ войной :
 Что ближній ближнихъ тамъ сражаетъ,
 Что кровь лѣтся тамъ рѣкой ;
 Что нѣтъ тамъ страждущимъ отрады,
 И человѣчеству пощады,
 Что звѣрство тамъ во всѣхъ сердцахъ,
 Забыта жалость и природа,
 Свергаютъ тамо шумы народа,
 Что всюду тамо смерти страхъ.

Но съ пѣмъ ли воинъ въ поле мчится,
 Чтобъ злобу къ смертнымъ изтопить ?
 Онъ съ равнымъ сердцемъ намъ родился
 И кровь жалеть ближнихъ лишь :
 Когда онъ мечъ на нихъ возноситъ,
 Не крови ихъ, не жизни проситъ,
 Но чтобы свой защитишь вѣкъ,
 Хранить отечество, законы,
 Спокойство оградишь короны ;
 Чѣмъ всякъ обязанъ человекъ.

Когда бы предъ единымъ трономъ
 Повергся сей дѣлимый свѣтъ,
 И былъ бы подъ однимъ закономъ;
 Не зрѣли-бъ мы ужасныхъ бѣдъ,
 Которыя война рождаетъ:
 Но власть весь свѣтъ сей раздѣляетъ,
 И сколько царствѣвъ, столько правъ;
 Уже-ль пиранъ потъ долженъ быти,
 Кпо щитися правы тѣ храниши?
 Такъ общества величѣ успавъ.

Такъ, вы герои не виновны,
 Что мечъ вашъ кровью обогрѣнъ!
 Пускай люются поки кровны,
 Вашъ рокъ надъ всѣми вознесенъ.
 Чтобъ намъ спокойный вѣкъ доставишь,
 Блаженство дашь и насъ прославишь,
 Вы свой перяеше покой;
 Для нашей щасливой судьбины
 Чрезъ огонь, чрезъ воды и спремнины
 Лепитъ на спрашну смерть герой.

Лѣсъ, степи, горы прелетая,
 Онъ терпитъ жажду, зной и гладъ,
 Но бодръ очей не закрывая,
 Когда другіе смертны спятъ
 На ложахъ, иль на розахъ нѣжныхъ,
 И дней не чувствуя мяшежныхъ,
 Какъ сладкій нектаръ роскошь пьютъ.
 Сердцамъ неробкимъ нѣтъ препоны,
 Коль тысячи и миліоны
 На смертны раны грудь несуть.

Чшо можешъ удержашъ опремленье,
 Съ котормь въ бой несется онъ,
 И то священное въ немъ рвенье,
 Чпобъ умереть за свой законъ?
 И Фебъ съ одра еще не встанеть,
 Какъ воинъ ото сна воспрянетъ
 Готовъ сражашъ, нль умирашъ:
 Восной возбужденъ трубою,
 Бѣжишъ опъ краткаго покою
 Прошивъ огня и копій спать.

О славны подвиги героевъ
 Рожденныхъ для чудесъ на свѣтѣ!
 Кто можешъ васъ и вашихъ боевъ
 Достойно громку славу пѣшь?
 Вашъ трудъ какъ огонь во тьмѣ сияеть,
 Предъ нимъ сіяніе теряеть
 Тѣхъ слава ревностныхъ трудовъ,
 Которы граждань усердный,
 Для пользы отечества рожденныхъ,
 Для нихъ изощривашъ гошовъ.

Достойны подвиги почтенья
 Въ отечествѣ шворимы имъ;
 Но кто средь бури, возмущенья
 Усердьемъ жертвуя своимъ,
 На гибель всякую дерзаетъ,
 И провъ и гражданъ защищаетъ,
 Бѣды приемя, раны, смерть,
 Почтеннѣй въ свѣтѣ шотъ спокрашно:
 Ни злость, ни время невозвратно
 Его не могушъ славы шерсть.

Среди кровопролитна бою
 Лешая мысленный мой взоръ,
 Зришь съ ужасомъ передъ собою
 Двухъ силъ непобдимыхъ споръ:
 Земля подъ пягосшью ихъ ноешъ,
 Отъ ихъ движенья воздухъ воешъ,
 Предъ ними вихрь крупясь реветъ;
 Мечи героевъ обнаженны
 И ихъ же кровью упоенны
 Являющъ шамъ багровый свѣшъ.

Тамъ смерть между рядовъ лешаетъ,
 И вдругъ коснувшись многихъ силъ,
 Разитъ, губитъ и низвергаетъ.
 Но какъ ужъ Марсъ всю злосшь опкрылъ,
 То дымъ изъ жерлъ лешащій мѣдныхъ,
 И пучи спрѣлъ и коній вредныхъ,
 Сокрыли дѣйсствъ геройскихъ блескъ;
 Мои не видяшъ больше взоры,
 Какъ зиждутъ шамъ изъ пруповъ горы,
 Лишь слышенъ громъ, и вопль и прескъ.

СЛАДОСТРАСТНЫЙ.

Клену развратъ, пороки свѣта
Предъ Богомъ, предъ лицемъ людей,
Клену мои прошедши лѣта,
Когда я, жертва бывъ спрастей,
Въ ихъ безднѣ плавалъ, погружался,
Когда ихъ сладостью питался,
Не чувствуя, что то былъ адъ!
Теперь во мнѣ окъ свирѣбствъ,
Ослабъ мой духъ, составъ мой слабъ,
Я рвусь; раскаенье мой адъ.

Раскаянье! — оно ужъ поздно
Являетъ гнусность дѣлъ твоихъ;
Уже пришло то время грозно,
Когда ты ошъ недуговъ злыхъ
Какъ будто игомъ лѣтъ согбенный
И къ дверямъ гроба приближенный
Свои дни горькіе влечишь:
Лишенъ всѣхъ жизни наслажденій,
Живешь, умрешь среди мученій;
Чемъ сей ударъ ты оправишь?

Несчастный! все на свѣтѣ можно
 Желать, искать, имѣть, любить;
 Умѣренность храниць лишь должно
 И нужно оспорожнымъ быть.
 Ты въ семѣ и прежде былъ умѣренъ;
 Почто же былъ ты не умѣренъ?
 Почто? отвѣстивуй — ты молчишь!
 Раскаянье тебя перзаетъ,
 Плодъ сладострасья созрѣваетъ;
 Чемъ сей ударъ ты отвратишь?

Любовь есть даръ неоцѣненный,
 Богатство въ пользу Богъ даетъ;
 Но даръ во зло употребленный
 Есть зло, источникъ тяжкихъ бѣдъ.
 Любовь содѣлалъ ты распустомъ;
 Водимый вреднымъ безразсудствомъ
 Вопще уже себя винишь:
 Богатство роскошь поглотила,
 Тебя опоры всей лишила;
 Чемъ сей ударъ ты отвратишь?

Сколь пагубны твои желанья,
 И сколь презрительны пруды!
 Начто ты строилъ пышны зданья
 И полны прихошей сады?
 Чтoбъ въ нѣдрахъ пышности и щастья
 Найти всѣ роды сладострасья?
 Нашелъ, и гнусный плодъ ихъ зришь:
 Теперь межъ вещими стѣнами
 Живешь оставленный друзьями;
 Чемъ сей ударъ ты отвратишь?

Когда на пиршествахъ приятныхъ
 Все жадно пилъ и пожиралъ,
 Когда среди довольствъ превратныхъ
 Ты щастливымъ себя считалъ,
 Почто, предвидя вредъ ужасный,
 Не отирашилъ его, несчастный?
 Воздержность ты теперь хранишь;
 Но ядъ по всей крови разлился,
 Уже онъ въ сердце вкоренился;
 Чемъ сей ударъ ты отирашишь?

Тогда подъ тѣнію древесной
 Межъ Нимфъ разбѣженный въ саду,
 Восхитясь ихъ красой прелестной,
 Лежалъ ты съ соней на ряду:
 Не Нимфы то, а Парки были,
 Которы жизнь твою губили;
 Почто теперь къ нимъ не летишь?...
 Они тебя ужъ презираютъ,
 Твоей лишь смерти ожидаютъ;
 Чемъ сей ударъ ты отирашишь?

Разверзлая земли утроба!
 Се спрашною своею рукой
 Смерть отверзаетъ двери гроба;
 О ужасъ! вѣкъ преходишь мой!
 Колико жизнь была прекрасна,
 Толико смерть тебѣ ужасна;
 Умрешь еще средь юныхъ лѣтъ!...
 Помедли смерть, хопь на минушу
 Свершишь мою кончину люпу,
 Мнѣ горько сей оставишь свѣтъ.

Но смерть сей прозбы не внимаешь,
И жершвы пребуешь своей:
Кто въ сладострасшья жизнь кончаешь,
Тотъ всѣхъ пріяшнѣй въ свѣтѣ ей.
Низверженный съ высотъ блаженства,
Нѣтъ, роскоши и благоденства
Во мраки вѣчные лешишь;
Червямъ ты въ пищу премѣнишь,
Во прахъ и плѣнь преобратишь;
Чемъ сей ударъ ты опвратишь?

П Ъ С Н Ъ

въ прославленіе Вѣры
и ея Великой Поборницы
БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ МОНАРХИНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ
и САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
ЕКАТЕРИНЫ II.

На случай посвященія Архимандрита Гаія
во Архіерея и пошановленія его Епископомъ
надъ Епархією Моздоцкою и Можарскою.

При дверяхъ царскаго чертога,
Въ убѣжищѣ прелестномъ семъ, *)
Въ живошворящемъ храмѣ Бога
Предъ вѣчнымъ вѣры олшаремъ
Свѣтъ оной на челѣ носяще
Зря благочестіе стояще
Въ лицѣ МОНАРХИНИ Самой,
Чье сердце къ НЕЙ не обратился?
И кто душою не смирился,
Всесильный Боже, предъ Тобой?

*) Въ селѣ Царскомъ, гдѣ сіе посвященіе происходило
въ придворной церквѣ въ Высочайшемъ присутствіи
ИМПЕРАТОРСКОЙ фамиліи, въ 1794 году въ Іюль.

Ликъ само пастырей священный
 Приемля свыше благодать,
 Глаголь свой ею просвѣщенный
 Спремихся въ души всѣхъ вляпъ,
 И таинство непоспужимо
 Въ прехъ лицахъ Бога нами чпимо
 Вселенной крошко возвѣспишь. —
 Да узрятъ свѣтъ швой человекѣ!
 Да благоспей небесныхъ рѣки
 Благоволишь на нихъ пролишь.

Умовъ свѣпильникъ омраченныхъ,
 О вѣра! мыслей нашихъ рай!
 Подпора царствъ превознесенныхъ!
 Какой народъ, которыи край
 Блаженство безъ тебя вкушаетъ? —
 Сколь бѣденъ пошъ, кто обожаетъ
 Бездушный испуканъ, мечты!
 Онъ чуждъ опрады и спокоиства;
 Лишь общаго виной устройства
 Ты, истинная вѣра, шы!

Но мрачно иногда коварство
 Облекшихся въ швой крошкѣи видъ,
 Своею властью Государство
 Изъ подлыхъ выгодъ птягопипъ:
 Имѣя главное кормило,
 Въ одной рукѣ несетъ кадило,
 Въ другой корыспи, огонь и мечъ;
 Такъ Божіе внушая слово,
 Оно подъ свяпостью гопаше
 Раздоръ и пагубу возжечь.

О свяшопапаштво! заблужденье
 Насильствомъ къ вѣрѣ поощряшь!
 И Божіе къ намъ снизхожденье
 Въ свирѣломъ образѣ являшь!
 Владычицу земли, дочь неба,
 Чистѣйшу звѣздъ, краснѣйшу фсба
 Представишь страшною грозой! —
 Чего не можешь лицемѣрство,
 Корыстолюбіе ж звѣрство? —
 Покройшеса вы вѣчною тьмой!

Покрылись: лучъ небесный блещешь
 Въ ЕКАТЕРИНИНЫХЪ очахъ;
 Душа отъ радости прелещешь,
 Зря свѣтъ во всѣхъ ЕЯ странахъ,
 Свѣтъ вѣры свято ЕЮ чтимой,
 Всѣхъ паче благъ земныхъ хранимой
 Какъ щитъ, спасеніе, покровъ;
 Не вѣра-ль кропосъ ту вливаешь,
 Съ которой здѣсь повелѣваешь
 Владычица своихъ сыновъ?

Слѣды щедротъ ЕЯ всемѣстныхъ,
 МОНАРШИХЪ благостей лучи,
 И явны знаки чувствъ небесныхъ
 Какъ звѣзды блещутъ намъ въ ночи,
 Прекрасну душу открывая:
 Когдабъ, симъ чувстввамъ подражая,
 Я могъ устроить голосъ свой;
 Я возвѣспилъ бы предъ вселенной . . . .
 Не голосъ истины священной
 Украсишь можетъ слогъ проспой.

Воззримъ ли на ЕЯ державу?
 Сильнѣй, пространнѣй въ мѣрѣ нѣтъ:
 На многихъ дѣлъ геройскихъ славу?
 Едва ее вмѣщаетъ свѣтъ.
 Сей славы шрудъ и совершенство
 Какой рождаетъ плодъ? блаженство,
 Блаженство подданныхъ ЕЯ,
 Великихъ подвиговъ награду,
 Веселье, сладкую опраду,
 Предметъ и пищу бышя.

Воззримъ на окрестны народы,
 Гдѣ мысль ЕЯ живетъ и взоръ,
 На пашву дикя природы
 Сихъ жителей Кавказскихъ горъ,
 Въ ущелины, вершины мрачны,
 Куда лучи небесъ прозрачны
 Едва возмогутъ достигнуть:
 Тамъ просвѣщеніе сіяетъ,
 Тамъ вѣра блескъ свой разсыпаетъ,
 Открывъ къ сердцамъ ихъ дикимъ путь.

И шако изъ звѣрей ужасныхъ
 Бродящихъ скрытно по горамъ,
 Изъ неприсупныхъ, несогласныхъ
 Они подобны спали намъ,
 А благоденствомъ равны съ нами:
 Пріявъ простертыми руками
 Покровъ Царицы мудрой Той,
 Кошорая весь свѣтъ плѣняетъ,
 Кавказъ восторги изливаетъ,
 Предъ Ней хребетъ склоняя свой.

Но чѣшобѣ привыкшіе къ раздорамъ
 Не возмущились въ той странѣ,
 Чѣшобѣ вѣчно ихъ душевнымъ взорамъ
 Блнспалъ свѣтъ вѣры въ пишинѣ,
 Се паспырь сю вдохновенный,
 МОНАРХИНЕЙ опредѣслный
 Грядетъ вѣщашъ имъ крошосъ, миръ;
 Ея ко смершнымъ благосъ многу,
 Любовь къ Защишницѣ и Богу,
 Копораго весь славншъ мнрѣ,

О вѣра! паки я зываю,
 Сколь нашнмъ ны сладка сердцамъ! —
 Но чѣшо за пренетъ ошущаю? —
 Какой ошкрылся видъ очамъ
 На берегахъ кровавой Сены? —
 Священныхъ храмовъ пали стѣны;
 Не вижу Божьныхъ Олпарей;
 Гдѣ еиміамы? . . . пали, пали
 Вторично Божески скрнжали;
 Вопль слыщанъ, казни, звукъ мечей! —

Отъ злобнаго людей гоненья
 Имѣя Вѣра скорбный видъ,
 Въ развалинахъ среди смятенья
 Поверженная памъ лежншъ;
 Тяжелый вздохъ ей грудь вздымаешъ,
 Лице отъ слезъ горящихъ шаешъ:
 Куда ни обратишъ свой взглядъ,
 Куда ни просшираешъ руки,
 Зрншъ всюду пламень, смершъ и муки,
 Зрншъ изверговъ и страшный адъ.

„Чемъ, вопієшь, я огорчила
 „Твой славный, Франція, народъ?
 „Почто ты храмъ мой сокрушила?
 „Какой сей злобы видишь плодъ!
 „Хранила я въ шебѣ спокойство,
 „Любовь, согласіе, успройство;
 „А ты опвергла промысль мой:
 „Гдѣ нынѣ пишина прелестна?
 „Гдѣ блескъ? . . . Умолкла дочь небесна;
 Не вянешь буйству гласъ свяшой.

Ахъ! скройся, скройся видъ плачевный!
 Миръ паки въ людяхъ возблиспай! —
 О Боже! отврати рокъ гнѣвный,
 Избавь отъ бѣдъ нещасный край! . . . .
 Содѣлай съ нимъ то чудо нынѣ,
 Какое ты **ЕКАТЕРИНѢ**
 Надъ Крымомъ сотворишь судилъ!
 Вершепъ ужаснѣйшихъ разбоевъ,
 Скопъ бунповъ, кроволитныхъ боевъ
 Въ Едемъ ты **ЕЮ** превращилъ.

Ея ты щательной рукою
 Безплодны степи населя,
 Хранишь предѣлъ ихъ пишиною. —
 Моря и небо и земля
 Ея престолъ благословляютъ;
 Отъ странъ Америки зываютъ:
 О Ты, народовъ многихъ Мать!
 Гдѣ равны естъ **ТЕБѢ** примѣры? . . . .
 Пошли, пошли и намъ свѣтъ въры!
 Вдохни Господню благодать!

ИСТИННОЕ БЛАЖЕНСТВО.

Блаженъ, кто счастье устроитъ
 На твердыхъ мудрости столпахъ,
 И въ томъ весь трудъ свой полагаетъ,
 Чинобъ пламень погаситъ въ спрасяхъ;
 Ея лучами озаренный
 И прелестьми ея плбненный
 Ее привыкъ лишь обожать;
 И непорочную забаву
 Ни на богатство, ни на славу
 Не хочетъ мудрость промѣнять,

Сіе сокровище неплбнно,
 Когда нѣтъ хищниковъ спрасей,
 Пребудетъ въ вѣки сохраненно,
 Его прославя въ жизни сей.
 Не удаляясь вѣрныхъ правилъ,
 Въ которыхъ умъ его наставилъ,
 Всегда согласенъ самъ съ собой;
 Къ пустымъ желаньямъ не спремится,
 Надъ невозможнымъ не спрудится,
 И сладкій съ нимъ живетъ покой,

Силъ крѣпостью неодаренный
 Не мыслишь Геркулесомъ бышь,
 И мѣщаниномъ въ свѣтѣ рожденный
 Вельможею не хочешь слышь:
 Желаньямъ нѣтъ конца, онъ знаетъ,
 И какъ тѣхъ смѣло презираешь,
 Кшо всѣмъ на свѣтѣ ослѣпясь,
 Ничемъ не можешь быть доволенъ,
 И бывъ въ самомъ себѣ неволенъ,
 Сто разъ ихъ премѣняешь въ часъ.

Полюбопышспивуемъ на время,
 Прошивны зря желанья ихъ:
 Миѣ чesъ не по заслугамъ бремя,
 Она-жъ утѣха для другихъ;
 Я славу ложну въ лесъ вмѣняю,
 А лесъ гоню и презираю;
 Другимъ ея пріятнѣй кѣтъ:
 Я волокишспва ненавижу,
 Другихъ всечасно въ ономъ вижу,
 Вошъ какъ разнообразенъ свѣтъ!

Зимой на спужу мы пеняемъ,
 Весны благопріятной ждемъ,
 Пошомъ мы лѣтнихъ дней желаемъ,
 Наступитъ лѣто, жаръ клянемъ.
 Когда обильный дождь ліется,
 Отъ благодарныхъ успѣ несетъ
 Къ Творцу оратая хвала;
 Кокетка ропщетъ, и съ досады
 Срываетъ пышные наряды,
 Чшо въ дождь въ нихъ выдши не могла,

Къ стыду шакихъ признашься должно,
 Что искры мудрости въ нихъ нѣтъ;
 Но всѣмъ бытъ мудрыми не можно,
 Развращенъ весь, пороченъ свѣтъ.
 Блаженъ, его кто удалился
 И въ размышленьяхъ углубился,
 Какъ бытъ довольнымъ цѣлый явкъ:
 Во градѣ ли живешъ или въ полѣ,
 Всегда живешъ въ спокойной долѣ
 Собою довольный человекъ.

Суетъ онъ шуму не внимаешъ,
 Красой природы опвлеченъ,
 Въ ея онъ тайны проникаешъ,
 До звѣздъ разсудкомъ восхищенъ:
 Онъ быстрымъ окомъ все объемля,
 И звукамъ страшныхъ громовъ всмля,
 Вину ихъ щипся постигать;
 Земля ли, солнце ли вершится,
 Откуда дождь и вихрь родится,
 Все зришь, чтобъ Бога познавашъ.

Исчезнутъ грустей всѣ оправы
 Отъ упражненій шаковыхъ,
 Находитъ часто онъ забавы
 И въ чтеніи полезныхъ книгъ:
 Желая знать, что въ быши вѣки
 Досель шворили человекъ,
 Дѣяньями пишашъ духъ;
 Въ своемъ покоѣ заключенный,
 Но мыслью всюду развлеченный,
 Вселенну всю объемлешъ вдругъ.

Кше такъ свой крапкій вѣкъ проводишь,
Не спанешъ на Творца ропшашъ,
Забошу въ помѣ одномъ находишь,
Чшобъ мудросью себя пишашъ:
А вы, спрасшей въ порабоценьи,
Сужденны жизнь влачишь въ мученьи,
Желашъ, спонашь, перзашься вѣкъ,
Въ плачевной долѣ и несчастной,
Всѣо будете въ борьбѣ ужасной!
Лишь мудрый щаспливъ человекъ,

Н О Ч Ь.

За горы солнце закапилось,
Исчезли пламенны лучи,
Во тьмѣ глубокой всё сокрылось,
Блискають звѣзды лишь въ ночи.
Дремошой сладкою влекомый,
Съ мечтами на крылахъ несомый
Сквозь мраки томный сонъ лепишь
И клонишь смертнаго къ покою.
Кто днемъ доволенъ былъ собою,
Какъ шопъ пріятно ночью спишь!

Кто мягко ложе оставляетъ
Съ Аворою въ единый часъ,
И съ швердою душой внимаешь
Его зовущій къ долгу гласъ;
Кто ушромъ въ пользу ближнихъ мыслишь,
А позднимъ вечеромъ изчислишь
Пожвальныхъ дѣлъ своихъ плоды;
Тому во очи упоменны,
И въ чувства благомъ упоенны
Вливають сладкій сонъ пруды.

Такъ въ спранспвіи неушомимый
 Препоны рѣдко пушникъ зрѣшъ,
 Когда чрезъ рѣки, рвы, спремнины
 Къ назначеннымъ мѣстамъ спѣшишъ;
 И естли пупъ свой окончаешъ,
 Какъ онъ спокойно опдыжаешъ
 Въ сѣни на нѣжной муравѣ!
 Чшо въ мягкомъ ложѣ драгоцѣнномъ,
 Слезами часто орошенномъ?
 Онъ спитъ пріятнѣй на справѣ.

Но всѣмъ ли ночь для сна полезна?
 Нѣшъ, многихъ вижу я безъ сна,
 И мнишся, пишина любезна
 Для злыхъ имъ замысловъ дана.
 Кшо ими сердца не спокоишъ,
 Для ближнихъ ковъ и гибель спроишъ,
 Того всегда бѣжишъ Морфей,
 И кшо, извергнувъ адску злобу,
 Отверзъ другому дверь ко гробу,
 Не можешъ пошъ закрышь очей.

Кшо гласъ корыспи алчной внемлешъ,
 Другихъ похипишъ мня добро,
 Минушы пошъ въ ночи не дремлешъ,
 И жаждешъ видѣшъ лишь сребро:
 Кшо въ благоденствѣ зря другова,
 Внупрь сердца мрачнава и злова
 Несыпу зависшъ поселишъ;
 Смушя безмолвіе симъ ядомъ,
 Тотъ храмину содѣлалъ ~~адамъ~~
 И сонъ опъ оной удалилъ.

Кто къ щастью не нашелъ дороги,
 Но алчетъ въ ономъ возмечшашъ,
 Черезъ клеветы, пронырспва многи
 Другихъ намбрясь помрачатъ ;
 Тотъ разумъ возмушя нестройный,
 Средь пихой ночи въ часъ спокойный
 Во мракъ зло зажечь идетъ:
 Скупой боясь всего лишиться,
 Не можетъ златомъ насладиться,
 Свои сокровища спрежетъ.

Кто таинспва судьбъ чудесны
 Проникнуть слабымъ мнишь умомъ,
 Загнавъ себя въ пути безвѣспны,
 Въ поняшьи умствуетъ слѣпомъ,
 Препятспвій пьму одолѣваетъ,
 Но всю во мракъ заблуждаетъ,
 А наконецъ ушрашивъ умъ,
 Пустыми, темными словами
 Спремился свѣтъ опкрышь предъ нами ;
 Не успокоитъ смутныхъ думъ.

И потъ прятность пихой ночи
 Встрѣчаетъ съ робкою душой,
 Кто сна свои лишаетъ очи
 Прельщенны нѣжной красотой:
 Когда другой идетъ къ покою,
 Онъ скрипъ ночьюю темноюю
 Лешитъ въ объятія драгой,
 Опасны видитъ онъ препятспва ;
 Но для возлюбленной прятспва
 Господъ оставишь свой покой.

О ночь! всѣ равно ожидающѣ
Къ себѣ безмолвья швоего;
Одни несчастные спрадающѣ,
Не зная сладости его:
Ихѣ всѣо смущаетѣ; и мечпанье
Твердитѣ имѣ горестѣ ихѣ, шерзанье.
Но потѣ доволенѣ и блаженѣ,
Кто день свой благомѣ провождая,
А вѣ ночь спокойствие вкушая,
Сномѣ легкимѣ нѣжно усыпленѣ!

Морфей! вокругѣ его пы ложа
Разсыпавѣ маковы цвѣпы,
И сладость сна его умножа,
Представѣ прелестныя мечпы:
Вливай вѣ его воображенье
Несчастныхѣ радость, ушѣшенье,
Которыхѣ онѣ покоилѣ дни!
А пы предшеспвенница феба,
Разсыпавѣ блескѣ на кругѣ неба,
Его ко благу возбуди!

С О Н Ъ .

Уже блестящими шарами
Лазоревый покрылся сводъ,
И сонъ съ различными мечшамъ
Лепишь покоишь смертныхъ родъ;
Глаза мои хошяшь закрышься —
О сонъ! побой лишь укропишься
Волненье сердца моего!
Твой нектаръ сладоспийъ всего.

Съ какой пріяпностью свергаемъ
Досады въ нбдрахъ мы швоихъ,
И какъ спокойно отражаемъ
Чудовище печалей злыхъ!
Не чувствуя ихъ спрблъ жестокихъ,
Изъ мраковъ спрашныхъ и глубокихъ
Преходимъ упра къ красотамъ,
И нашимъ блещетъ рай очамъ.

Подъ кровомъ крыль швоихъ блискаетъ
Въ Лизетъ больше красоты;
Прелестна помность покрываетъ
Ея любезныя черты:

Румяной бѣлизною сею
 Равна со упренней зарею:
 Чшобъ дашь ей нектаръ швой вкусишь,
 Ее не смѣю разбудить.

Успа равно зарѣ являюшѣ
 Мнѣ восхитительный прохладѣ,
 И въ сердце плѣнное вливаюшѣ
 Незвѣстныхъ пѣмѣ опрадѣ.
 Покойся, красота драгая!
 И ешьли въ легкомѣ снѣ мечшая,
 Ты зришь драгова швоого;
 Лобзай, Лизеша, шы его.

Да будетѣ также успокоенѣ
 Еще носящій знаки ранѣ
 Виновникѣ щасстья храбрый воинѣ
 И спражѣ спокойныхъ нашихъ спранѣ!
 Онѣ долго былѣ лишенѣ покою --
 О сонѣ! ушѣшь его мечшою!
 Да славны зришѣ еще бои!
 Да узришѣ лавры онѣ свои!

Тебя орашай призываешѣ,
 Изрывѣ глубокія бразды:
 Онѣ насѣ шрудомѣ своимѣ пишаешѣ;
 Спокой, покой его шруды!
 Аврора лишѣ начнешѣ являшѣся,
 Мы не хопимѣ сѣ побой разшашѣся;
 А сей поль добрый смершныхъ другѣ
 Влечешѣ на поле шяжкій плугѣ.

Ты рекъ: пресступники злощасны!
Я удаляюся отъ васъ:
Мнѣ ваши храмины ужасны,
И я бѣгу отъ вашихъ глазъ.
Кто хочеть мною насладиться,
И мною въ силахъ укрѣпиться,
Мнѣ долженъ сердце приносить
Могущее добро шворить.

ОПАСНОСТЬ ЛЮБВИ.

Среди весны моихъ еще цвѣтущихъ лѣтъ
 Уже мнѣ суждено ушѣхъ ея лишиться,
 Лизепы юныя краса въ изсохшій цвѣтъ
 Должна жестокою любовью прешвориться.
 Пылаешъ сильный огонь во всей моей крови;
 Бѣги, несчастная Лизета, отъ любви!

Ея мгновенная и гибельная сладость
 Вина медлительныхъ есть казней, вѣчныхъ мукъ;
 Спасай, доколѣ лъзя, свою безцѣнну младость
 Отъ вздоховъ горестныхъ, отъ спона, тяжкихъ сукъ.
 Брегися рвать цвѣты съ сего куста прекрасна;
 Въ немъ кроется змѣя и злобна и ужасна.

Страшися пишіе ты страсти сей вкусить;
 Оно лѣзя въ кровь, ее разгорячаешъ:
 Старайся ранѣ ты огонь ея пушить;
 Онъ сердце воспаменя, уже не угасаетъ.
 Ея приятный садъ весельемъ оживленъ;
 Но горестныхъ онъ слезъ ручьями орошенъ.

Тамъ роца шемная убѣжище пріятно,
 Но каждая спезя въ ней къ пропасти ведеть;
 Тамъ лабиринтъ, гдѣ умъ поперякъ невозвратно.
 Тамъ сладкій, ядомъ плодъ оправленный растеть.
 Бѣги любви, ея всего несноснѣй бремя,
 Въ ней жизни малое спрашнѣе смерти время.

Она есть мѣсто, гдѣ хопя мы и живемъ,
 Но ядъ ея принявъ, на немъ мы погребенны
 Увы! на что же мы сердца ей опдаемъ,
 Сердца въ веселіи, въ свободѣ живъ рожденны?
 Она есть адъ, и шѣмъ насъ въ большой страхъ влечеть,
 Что мимо шупъ рѣка забвенья не печеть.

Но ахъ! что умъ швердиль, въ помъ сердце несогласно;
 Оно лишь знаетъ по, чтообъ въ пламени своемъ
 Съ Дамисомъ сѣдинясь, его любви спрастно,
 И облегченіе находиль только въ немъ.
 Жестокъ любовный огонь, но онъ сердцамъ пріятенъ;
 Умолкъ разсудокъ мой, лишь голосъ сердца внятень.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНИЕ МОНОЛОГУ
Т Р А Г Е Д И И Г А М Л Е Т А,
Сочиненной Г. Шексперомъ.
(Переводъ.)

Не селъ ничтожество? . . . . не вѣчнось ли зрю я?
Въ безмѣрности сей мысль шережся моя.
Завѣса, коей умъ ничей не пронцаешъ,
Завѣса мрачная отъ нашихъ глазъ скрываетъ
Ужасной шайнство предбудущей судьбы;
Мы швари бѣдныя, въ предѣлахъ заключенны,
Какъ можемъ, смершны бывъ и въ слабости рожденны,
Какъ можемъ дерзкій взоръ спремишь на небо мы?

Но каждый ли ударъ должны сносишь въ шерпнѣхъ,
Когда насъ люшая начнешъ судьбина гнать?
Должны-ль мы, чая зрѣшь послѣднее паденье,
Всегда сражашься лишь, и ввѣкъ не побѣждашь?
Иль шощъ величя, кто храбръ, не означаешъ,
И развѣ лишь шогда дужъ бодръ и швердъ бываешъ,
Коль могъ себя его ударамъ покорить? . . .
Я гнѣву рока свой прошивуолагаю;
Десницу оруживъ, кочу разишь, держаю
Межъ имъ и мною смершь предѣломъ положишь.

Душа отъ ужаса содроглася нещастна.
 Чегожъ боишся пы? . . . иль смерть тебѣ ужасна? . . .
 Что значить умереть? . . . престать ужъ болѣ быть. —
 Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрь шому, единый сонъ вкусишь
 И больше ничего: сей мирный сонъ, глубокой
 Освобождаетъ насъ отъ шягоспи жестокой,
 Подъ коей долго мы спрадали въ жизни сей,
 И всякая напасть, что въ люшоспи своей
 Несышый въ казняхъ рокъ на насъ угошовляетъ,
 При первомъ сна шого мгновеньи изчезаетъ.

Умереть? вкусиши сонъ? — а можетъ быть мечшай!
 Какое спало вдругъ сомнѣнье колебай?
 Не лживое-ль о семъ снѣ спрашномъ разсужденье
 Вливаешь въ сердце мнѣ и робость и смущенье?
 Ахъ! ешлы смерть мою надежду премѣнишь,
 И новый будущихъ времянъ мнѣ шокъ явишь?
 Когда въ проспранной шѣмъ, куда иду я нынѣ,
 И въ неизмѣримой вѣковъ ея пучинѣ
 Меня опмщенье ждешь? . . . . что я скажу шогда,
 Коль хищнымъ вранамъ я достанусь навсегда? . . . .

Ты, безпокойствіе жестокое, виною,
 Что содрогаюся я жизнь мою пресѣчь.
 О неизвѣстность! я единою шобою
 Вонзиль во грудь мою не смѣю оспрый мечъ.
 Покорствую тебѣ; и жить я соглашаюсь,
 Безъ размышленья всѣмъ ударамъ подвергаюсь,
 Которые судьба шремитъ умножать.
 Отъ слабоспи во мнѣ родятся силы новы:
 На что, живя, шерильшь всегда бѣды суровы,
 По смерти же всего спрашишься, шредешишь?

Но ужасъ овладѣлъ моею уже душою;
 Приближшеса ко мнѣ, гонители, полпой,
 Придите кровію насытитесь моею
 И изпоците всю свирѣлость надо мной.
 Вы, правосудія служители! найдите
 Мученья новыя; ширанспвуйте, губите,
 Чтобъ варварспвомъ такимъ великостъ вамъ снискашь;
 Измѣрьте вы на мнѣ всю вашу месць безбожну,
 И чтобы сохранишь удобнѣй важностъ ложну,
 Вы должны вдаль свои рѣшенья оплагашь.

Вы бременемъ меня величья утиѣшите,
 Придворныхъ имени надменные рабы,
 И кинувъ на меня свой взглядъ несносный вы,
 Меня имъ, изверги ужасны, раздавите:
 Брегитесь свою мнѣ милость оказашь;
 Найдите въ сильномъ вы вельможѣ вспоможенье,
 Чтобъ больше на меня безчестія собратъ,
 И на главу мою излейте все презрѣнье,
 Которо шомъ, кто чепъ и истину хранилъ,
 Толь ясно на челѣ у васъ изобразилъ.

Печальные глаза шокъ слезный наполняетъ!
 Чего еще шеперь бояшья долженъ я?
 Или, чтобъ бѣднаго преслѣдовашь меня,
 Оружье новое судьба уготовляетъ?
 Иль уничтожити меня угодно ей?
 Дерзнешь ли, сердце, ты надеждой льспитесь сей?
 Ахъ нѣтъ! я гласъ судьбы божеспвенный внимаю;
 Но кое внушрешно шерзанье ощущаю?
 Я шрепещу, она ко мнѣ уже идетъ:
 Чшо бѣдному она, чшо бѣдному речетъ.

„Ужъ скоро кончатся швои несчастья люпы;
 „Готовься, пришекли послѣднiя минушы.
 „Рука, кошору шы всего милѣй считалъ,
 „Стремится въ грудь швою вонзиль шеперь кинжалъ:
 „Узнай любовницу швою въ сей часпи слезной.
 „Не мни, чшобъ отъ руки дрожащей и любезной
 „Могъ слабое свое шы сердце уклониль.
 „А въ другъ, коего вѣрнѣйшимъ почиашъ,
 „Соперника себѣ, злодѣя обрѣшашъ;
 „Имъ побуждается она шбя сразиль;” —

Неблагодарные! пронзайте грудь вамъ вѣрну,
 За нѣжность къ вамъ ея, любовь нелицемѣрну,
 За то, что не могу рѣшиться я никакъ
 Васъ прежде, варвары, низвергнушь въ смершнй мракъ.
 Свершился наконецъ моихъ дней скоротечность;
 Я всей бы жизнью долтъ природѣ заплашилъ.
 Ударъ ужъ нанесенъ . . . я всѣхъ лишаясь силъ —
 Чшо зрю входя во гробъ? предѣлъ всеобщий — вѣчность.

КАРТИНА ДВОРА.

*Переводъ изъ сочиненія Кардинала
Берниса.*

Блаженъ, кто взоръ свой удаляетъ
Отъ пагубныхъ селеній пѣхъ,
Гдѣ пышно щасье возбуждаетъ
Любовь и ненависть во всѣхъ,
Гдѣ рѣдко добродѣшель зрима,
И крошка и всегда гонима
Средь воплей зависти идепъ
Ея сіянемъ извлеченныхъ;
И всіо въ мѣстахъ сихъ развращенныхъ
Являетъ, что шутъ миръ живеть.

Перуны тамо напряженны,
Но громъ не слышенъ никогда,
Сердца встревожены, смущенны,
А на челахъ покой всегда;
Тамъ Кипарисы плодовицы
Всегда подъ Пальмами сокрыты;
Театръ Хамелеонства тамъ,
Коварства, злобы безпредѣльной,
Гдѣ ядъ ея печетъ смертельной
Подобясь пихихъ водъ струямъ.

Жестоки царедворцы вѣки
 За оскорбленье не проспятъ,
 Они рѣшатъ какъ чловѣки,
 А въ гнѣвѣ такъ какъ Боги мспятъ;
 Они вооружены до гроба
 Противъ враговъ, копорымъ злоба
 Дала такія имена.
 Съ лицемъ пріязненнымъ, незлоспнымъ,
 Съ мечемъ укышымъ смертоноснымъ
 Повсюду Зависпъ памъ видна.

Она ко жалоспи взываетъ,
 Къ любви, идши за ней во слѣдъ,
 Спенетъ и кляпвы удвоетъ,
 Готовитъ желчь, и слезы льетъ.
 Въ ней сердце яроспью помипся,
 А на очахъ спокойспво зрптся,
 И даже призывая ихъ,
 Всему измѣнитъ, чпо священно;
 Въ ней чувспвіе ожесточенно
 Не знаетъ мѣры въ дѣйспвахъ злыхъ.

Она жестоко нападаетъ
 На щѣспье вдругъ и чеспъ людей,
 Ее блескъ славы омрачаетъ,
 Величіе несносно ей.
 О смерпный! пы ее спрашпся,
 И отъ горящпхъ удалпся
 Очей пы аспда сего:
 Достопнспва онъ ненавидптъ,
 Погубптъ, ежели увидптъ
 Таланпы сердца пвоего.

С Т И Х И,

*Сдѣланное на случай бѣдности согинителя
онѣхъ въ подмосковной деревнѣ Люби-
мовской въ знакъ благодарности ея по-
мѣщику М. Г. О. за пріятное уго-
щеніе и во избявленіе удовольствія отъ
воззрѣнія на прекрасныя мѣстоположе-
нія, а болѣе на благосостояніе жител-
лей ихъ.*

Сокрылись пышны града стѣны,
Не слышанъ вопль и шумъ людей,
Открылся луга зелены,
Ушѣха мыслей и очей.
Не здѣсь ли вижу край блаженный,
Гдѣ дужь опъ міра восхищенный
Средь вѣчныя живешъ весны,
Спокойство, радости вкушаетъ,
Заботъ, суетъ и бѣдъ не знаетъ;
Ушѣхами счисляешъ дни?

На прони изъ цвѣшовъ сплешенномъ
 Природа въ славѣ здѣсь сидишь,
 Въ вѣнцѣ отъ Феба позлащенномъ
 На шварь съ улыбкою глядишь,
 Отъ устъ зефиры выпускаешь,
 Сосцами всяку плошь пишаешь,
 Изъ рукъ сладчайшій мещешъ плодъ;
 Вокругъ ее поля желшбюшь,
 Луга зеленые песрбюшь,
 Минушой кажешся здѣсь годъ.

Среди веселья и покою
 Природы взоромъ оживясь,
 Я лиру нѣжную наспрою
 И нѣжный пициѣ удвою гласъ:
 Воспойте вы, пѣвцы немолчны,
 Со мной ушѣхи безпорочны
 И сельской жизни пишину,
 Безвредну проспошу и нравы,
 Сердецѣ согласіе, забавы,
 Чшо красяшъ ѳную спрану,

„Сколь тѣ сердца благополучны,
 „Чшо въ царствѣ естешва живупъ,
 „Дѣла оспая въ градѣ звучны,
 „Подъ шиху сѣнь его идушъ!
 „Отъ градскихъ здѣсь заботъ прешяжкихъ
 „На муравахъ въ дубравѣ мягкихъ
 „Зефиръ нѣжнѣйшій прохладитъ;
 „Намѣшо спуга и смяшеня,
 „Во время здѣсь успокоеня
 „Изшочникъ шихо прожурчитъ,

„Спѣши, леши въ сіи предѣлы,
 „О смерпный! здѣсь живешъ покой;
 „Вкуси плоды довольствій зрѣлы,
 „Природы данные рукой.
 „Не узришь ты печалей, скуки,
 „Удалены отселѣ муки;
 „Мы въ рощахъ духъ твой усладимъ :
 „Заря вечерняя наспушитъ,
 „Фебъ жаркіе лучи припупитъ,
 „Мы сладкій сонъ тебѣ дадимъ.

„Пошомъ предшественница Феба
 „Тебя къ утѣхамъ возбудитъ,
 „Вокругъ разпространяясь неба,
 „Свѣжбе солнце возвратитъ;
 „Мы здѣсь восходъ его прославимъ,
 „И гласомъ мы тебя возспавимъ;
 „Воспанешь ты и вокругъ себя
 „Веселіе обрящешь ново;
 „Здѣсь сердце каждаго гошова
 „Невинно усладишь тебя.

„Бѣгите на всегда печали
 „И не снѣдайте здѣсь сердець,
 „Жилище въ градъ вамъ создали
 „Злодѣй, коварный, хищникъ, льстець;
 „Живите памъ и утѣсняйте;
 „Здѣсь миръ, утѣхи процвѣтайте,
 „Довольствуйте живите насъ :
 „Здѣсь всѣ природѣ подражають,
 „Здѣсь узелъ дружбы утверждають,
 „Въ невинности печетъ всякъ часъ.

„А ты покоя здѣсь создатель ,
„Любимецъ искреннихъ сердецъ,
„Жилища райска обладатель !
„Прими отъ насъ похвалъ вѣнецъ.
„Какъ мы побою не вредимы,
„Такъ дни твои неколебимы
„Со ближними да процвѣшуй ! „
Вдругъ нѣжный голосъ птицъ прервался,
Природой оный повторялся :
„Здѣсь вѣкъ утѣхи процвѣшуй !

ГЛАСЪ ПУСТЫННИКА.

Смирной лирою, спокойной, безпристрастной,
 Въ безмолвныхъ сихъ мѣстахъ, въ дубравѣ сей прекрасной,
 Гдѣ всюду съ нѣжностью веселье предстоитъ,
 Откуда вредна злосць съ коварствомъ прочь лепитъ,
 Спремлюся жизнь мою воспѣшь уединенну,
 Отъ свѣтскихъ безпокойствъ на вѣки удаленну.
 Да слышатъ пѣснь мою долины и лѣса!

Уже возшедшая заря на небеса
 Отъ ризы сыпя блескъ лазоревый, багряный,
 И небу и землѣ давала видъ румяный;
 За ней лепящій фебъ на огненныхъ коняхъ
 Въ разнообразныхъ весь горѣлъ тогда огняхъ,
 Отъ коихъ всякое во естество созданье
 Пріяло на себя златое одѣянье.
 Едва шопикій блескъ коснулся горѣ, лѣсовъ,
 Пріятнѣйшимъ тогда собраньемъ голосовъ
 Зря возстающую отъ сна природу пшпцы,
 Величество сея прославили царицы.
 Ни ложа, ни сполповъ въ ея чертогахъ нѣтъ,
 Чертоги сущь ея весь велелѣпный свѣтъ,
 Земля естъ одрѣ ея, а небо покрывало.
 Какое вдругъ очамъ вѣдѣніе предстало!

Душа вселенной всей, всѣхъ пварей божество,
 Премудро, кропкое и щедро ешесиво
 На проиѣ изъ цвѣшовъ безчисленныхъ сплешенномъ
 И на хребтахъ холмовъ высокихъ вознесенаомъ
 Пышнѣе всѣхъ царей въ величествѣ сидишъ,
 Какъ звѣзды на главѣ вѣнецъ ея горитшъ
 Отъ Фебовыхъ лучей сугубо озраченный;
 Съ улыбкой нѣжною пріятшвомъ оживленный
 Она на всяку пварь кропчайшій мещепъ взоръ,
 И проникаешъ имъ въ сердца швердѣйшихъ горь:
 Отъ устъ прокладные зефиры испускаешъ,
 Сосцами всякое швореніе липаешъ;
 Какъ капли отъ небесъ низпадшія воды,
 Изъ щедрыхъ сыплешъ рукъ сладчайшіе плоды:
 Вокругъ ея поля проспранныя желшбюшъ,
 И нивы на лугахъ зеленыя песпрѣбюшъ;
 На легкомъ воздухѣ лепая вѣперки,
 Прикосновеніемъ чуть прогаюшъ цвѣшки,
 Крылами шико съ нихъ свѣвая аромашы,
 Которые въ цвѣпахъ лиспками были сжапы,
 И наполняюшъ шѣмъ природы пышный храмъ.

Изъ хижины моей сосѣдшвенной древамъ,
 Стоящимъ вокругъ ея премногими рядами
 И ошбняющимъ широкими лиспами,
 Изшедъ на гладкій брегъ, гдѣ чистый еспъ ручей,
 Шумящій завсегда предъ сѣнію моей,
 И быспрые возведъ на все проспранштво взоры,
 На холмы, на луга, на смежны съ небомъ горы,
 „О щедро ешесиво! въ восторгъ я вскричалъ:
 „Блаженъ, кто жизнь въ швоемъ правленіи основашъ,
 „Кто презря суешы прельщающаго міра,
 „Въ дущынѣ, гдѣ моя поешъ невинна лира

„Спокойствіе души, прибѣжище утѣхъ,
 „Пріятность пишины и безпорочныхъ нѣгъ,
 „Живетъ во простотѣ, бесѣдуя съ тобою!
 „Доволенъ въ жизни всѣмъ, доволенъ самъ собою;
 „Благоговѣно чтишь священный твой законъ
 „И не завидуешь величеству коронъ.
 „Онъ знаетъ, что Цари сидящіе на тронѣ
 „Не рѣдко въ горестяхъ проводятъ дни и сонъ.
 „О Боже! отъ какихъ избавился я бѣдъ,
 „Когда оставилъ сей несчастій полный свѣтъ!
 „Избавился я шѣмъ гнѣбущей бѣдныхъ власти,
 „Избавился честей влекущихъ намъ напаси,
 „Избѣгнулъ зависти, несправедныхъ обидъ,
 „Избѣгъ я подлой лести, съ собой влекущей стыдъ,
 „Избавился друзей, любовницъ я невѣрныхъ,
 „Пришворныхъ ласкъ ихъ, прозѣбъ, желаній ихъ безмѣр-
 ныхъ,

„И очи обративъ въ спокойныя спраны,
 „Избѣгъ позорища ужасныя войны,
 „Гдѣ ближній ближняго какъ агнца шугръ терзаетъ
 „За то . . . за то . . . за что? онъ часто самъ не
 знаетъ.

„Пускай потонутъ всѣ въ пучинѣ спрашныхъ бѣдъ!
 „Иной имъ участи въ развратномъ мірѣ нѣтъ.
 „А здѣсь, о естество! сей блескъ твоей державы
 „Есть знакъ спокойствія, щедротъ и кроткой славы!
 „Безъ пышныхъ роскошей веду въ довольствѣхъ вѣкъ,
 „И помню навсегда, что я есмь человекъ,
 „Рожденный ощущать на свѣтѣ семъ блаженство,
 „Которо ты для насъ приводишь въ совершенство.
 „Но многіе его не ощутивъ бѣгущъ,
 „Зашѣмъ, что скукою уединенъе чпнутъ,

„Привыкнувъ въ суетахъ между людьми скипашься,
 „И ядовитыми забавами прельщашься,
 „Неправо о вещахъ и слѣпо разсуждашь,
 „И поирача свой умъ, зло благомъ называшь.
 „А въ семъ полѣ сладоспномъ моемъ уединеньѣ
 „Всегда имѣю я живое вображенье,
 „Никто не соблазнить меня своимъ умомъ,
 „На основаніи живу всегда однимъ,
 „Всѣ въ мірѣ семъ мечты разсудкомъ попираю;
 „Одно спокойствіе въ пустынѣ обожаю.
 „Я въ ономъ каждый день и каждый часъ веду.
 „Во упренни часы я на луга пойду,
 „И тамо зря опада пасущися спокойно,
 „Пою блаженствѣ ихъ убердно, хощь не спройно.
 „Здѣсь много пбнїя достойныхъ есть вещей:
 „Труды ораїтаевъ полезны для людей,
 „Сердецъ ихъ простота, любовь, усердье, ревность,
 „Согласіе семействъ, къ своимъ любезнымъ вѣрность,
 „Пріятный видъ сихъ мѣстъ, обиліе плодовъ,
 „Прозрачность воздуха, высокихъ рядъ холмовъ,
 „Спокойство швари всей, въ горахъ, въ лѣсахъ живущихъ,
 „Веселье нѣжныхъ яницъ съ пріятностью поющихъ.

ТВЕРДОСТЬ ДУХА.

Въ покоѣ сладкіе мои проходящѣ дни:
 Любя, шворя добро, враговъ я не робѣю,
 Всегда безъ ропота сношу судьбы мои,
 И что я не министръ, ни мало не жалѣю.

Пространный обо мнѣ совсѣмъ не знаещѣ свѣтъ;
 Да я и самъ его не слишкомъ много знаю:
 Въ крючкахъ, во взяшкахъ мнѣ, поклонахъ нужды нѣтъ —
 Я часто смертности предѣлы вспоминаю.

Зависники мои, я слышу, говорящѣ:
 Онъ жалокъ, не богатъ, безъ насъ во всемъ онъ скуденъ,
 И съ сладкимъ межъ собой воспоргомъ то швердятъ,
 Что пущь ко щасцію лишь имъ однимъ не шруденъ.

И мудрый Діогенъ богатшвомъ презиралъ,
 Ища въ себѣ одномъ недвижимо спокойство,
 Среди своихъ богатствъ и Крезъ возшрепешалъ,
 Въ златой порфирѣ зря судьбы своей неспроиство.

Пускай хулишель мой коварный сѣя полкъ,
Трудится въ томъ, мое чшобъ имя обезславишь;
Пускай разинувъ пасть какъ хищной рыщешь волкъ,
Чшобы меня хулишь безвинно всѣхъ заславишь.

Коль чешенъ я, правдивъ, презрѣнны всѣ хулы,
И духъ ослабишь мой онъ силился напрасно;
Равно пренебрегу и ложныя хвалы;
О томъ и о другомъ сужу я безприсрашно.

Пускай въ бесѣдѣ врѣшъ невѣжа всякой вздоръ,
Безспыдно умныхъ рѣчь людей перебивая,
Пускай мѣшается въ ученый разговоръ,
На свѣшъ ничего порядочно не зная:

Учшивость мнѣ моя погда молчасть велишъ;
Его учености никакъ я не злословлю:
Другому глупостью онъ скуку причинишъ;
Я вракъ не слушаю, ему не прекословлю.

Когда ни слова мнѣ Клеонъ не говоря,
Съ широкихъ на меня надменно кресль взираешъ,
И грудь коварную шелками разпестря,
Мое почшеніе, поклоны презираешъ:

Когда забывъ обшъ, глазами шолько льстишъ
И кляпвенныхъ онъ словъ своихъ не исполняешъ;
Усердью, дружеству онъ неприязню мшшишъ,
Обшану всякъ день награду оплагашъ:

Въ то время посмѣюсь я радости враговъ,
 Что неудачею моею они довольны;
 Вельможа всякій естъ испочникъ лестныхъ словъ;
 Но рѣдкіе изъ нихъ намъ дѣлають щасъе вольны.

А ежели меня другъ ложный позабылъ;
 Тогда равно и я безъ слезъ его забуду;
 Скажу въ самомъ себѣ: онъ мнѣ невѣренъ былъ;
 Невѣрности его плашишь я шѣмъ же буду.

Когдабъ Ирисинъ жаръ любви ко мнѣ попухъ,
 Котора все мое блаженство соспавляла,
 Не возпревожился - бѣ ни мало шѣмъ мой духъ,
 Коль пламень мой презрѣвъ, она невѣрна спала.

Теперь освободясь неудовольствій всѣхъ,
 Мой духъ всѣ бѣдспвіа на свѣтѣ презираетъ:
 Спокойствіе души превыше всѣхъ упѣхъ,
 Оно нещасія нигдѣ не обрѣтаетъ.

ПОРОКИ СВѢТА

или

ВИДѢНІЕ ЛЕБРЮНЯ.

Живя отъ юности спокойно и блаженно,
 Три возраста уже я прожилъ совершенно,
 И прозорливость, сей безцѣнный даръ небесъ,
 Открыла множество мнѣ въ мірѣ семъ чудесъ.
 Я безконечну зрѣлъ неправдъ, пороковъ бездну,
 И рѣдко находилъ въ немъ правоту любезну:
 Ужасныхъ пысящи предметовъ я встрѣчалъ;

Пріятныхъ мало въ немъ видалъ.

Я зрѣлъ невинность ушѣсенну

И добродѣшель посрамленну,

Я зрѣлъ, что за собой награду зло влечеть,

Я развращившійся повсюду видѣлъ свѣтъ.

Я зрѣлъ торгующихъ судей, къ корысти алчныхъ,

Судей неправедныхъ, лукавыхъ, злобныхъ, мрачныхъ

И спящихъ за столомъ, на мѣсто чпобъ судить,

Или отъ паяжкихъ узъ невинность свободить.

Зрѣлъ спрячгаго, въ дѣлахъ успѣха неимуца,

И прокурора мздой въ край бѣдности влекуца.

Я видѣлъ маклеровъ безчестныхъ и купцовъ,

Видалъ безбожныхъ я ростовщиковъ:

Зрѣлъ хищниковъ казны, имѣній имъ врученныхъ,
 Банкрушовъ пагубныхъ, коварныхъ, развращенныхъ :
 Видалъ учителей несвѣдущихъ ни въ чемъ,
 Надменныхъ и смѣшныхъ въ невѣжествѣ своемъ.
 Я видѣлъ набожныхъ, пороковъ, развратъ кленущихъ ;
 Но чувствія любви ко ближнимъ неимущихъ.
 Во многочисленныхъ бесѣдахъ я видалъ,

    Какъ скучный вертопрахъ безстыдно лгалъ,
 Какъ пышныя слова припворно онъ болталъ,
 Какъ онъ коверкался, ломался

И сердца изъяснивъ чувствительность спарался ;
 Какъ разговорами бесѣдѣ онъ скучалъ,
 Какъ иностранными рѣчьми языкъ ломалъ
 И пакъ, какъ рыцари въ романахъ, поступалъ.

Я женщинъ видывалъ, пріяшествовъ, красы лишенныхъ,
 Жеманствомъ, щегольствомъ не къ спашъ зараженныхъ,

    Которымъ злобный рокъ судилъ
 Искани у румянъ прикрасы и бѣлилъ,
 Чтобъ тѣмъ иль паче скрышь, иль грубыя морщины,
 И кои, ежели имъ встрѣтятся мужчины,
 Какъ подаянія ихъ нѣжныхъ взглядовъ ждущъ;

    Но щещенъ весь ихъ шрудъ:
 Всякъ вѣдаетъ, что шо не лица, а личины.
 Я видѣлъ Деліи увядшія красы,
 Въ сысканьи волокишь ведущей всѣ часы,
 И какъ она въ нихъ жаръ любви вдохнушь хотѣла,
 Хоша уже сама ни искры не имѣла.

Зрѣлъ ползающихъ я наложницъ предъ собой,
 Я зрѣлъ, что лаврами увѣнчанный Герой,
 Высокій Философъ и славный, и почтенный
 Въ тѣжъ впади слабости, какъ мы непросвѣщенные.
 Я видѣлъ въшренну Ирису, въ сорокъ лѣтъ

Поемлюшу себѣ супруга молодова,
 Кошора все ему имѣнье опдаешъ,
 Чшо прежде грабила съ шово, или друтова.
 Темиру видѣлъ я въ печальбишей судьбѣ,
 Пльняюшу сердца, когда она играетъ;
 Но спраспи бѣдспвенной невинность покоряешъ
 И въ упражненьи семъ ждешъ помощи себѣ.
 Я видѣлъ, что въ нашъ вѣкъ Альцеста, Флора, Ниса
     Предавшиє рвенію страстей,
     Съ безмѣрной роскошью своею
 Ввели служеніе Лампоака, Сибариса.
 Я Мопса такъ же зрѣлъ; его багровый видѣ
 Подобенъ звѣрскому, и жаръ въ очахъ горитъ;
 Веселѣе пагубно въ опраду онъ вмѣняетъ,
 Опраду гнусную блаженствомъ почиаетъ,
 Онъ Бахусу свое все время посвятилъ.
 Не рѣдко скучныя я книги находилъ,
 Гдѣ токмо дѣпскія одни сказанья зримы,
 И меценатами приспраспными хвалимы.
 Я видѣлъ множество нелѣпныхъ, вредныхъ книгъ,
 Которы съ большею ошою покупаютъ,
 Какъ тѣ, кошорыя насъ благу научаютъ.
 Зрѣлъ ядовитое перо піишовъ злыхъ,
 Сихъ злоязычниковъ и дерзкихъ и безспыдныхъ,
 Не оспрыхъ во своихъ пасквиляхъ, но обидныхъ,
 Разсѣвающихъ соблазнъ во всѣхъ мѣстахъ,
     Забывшихъ чеспъ, законы, спрахъ;
 Но зрѣлъ злословіе и дерзоспъ укрощенну.
 Я видѣлъ прелеспями акспрису одаренну,
     И пылкую ея къ акшеру спраспъ;
 Но зрѣлице сіе, чшо споль насъ восхицаешъ,
 Не истину, одинъ лишъ вымыслъ представляешъ,
 Я видѣлъ дюшую любовникову чашпъ,

Пренебреженнаго суровой красою,
 Кончающаго жизнь опчаянной рукою.
 Мы много дѣлѣ худыхъ и добрыхъ въ свѣтѣ зримъ,
 Однакожъ не всегда какъ должно ихъ цѣнимъ,
 И рѣдко вкусъ виной успѣха ихъ бываетъ,
 А часто оныя упрямство возвышаетъ.
 Я видѣлъ, что народъ тѣсняясь пуда бѣжалъ,
 Гдѣ окоморохъ свое искусство представлялъ:
 Плесканья видѣлъ я при вздорахъ Арликина;
 Когдажъ игралася Меропа, Фѣдра, Цинна,
 Дидона и Хоревъ, дремолу видѣлъ, сонъ.
 Я шарлапановъ зрѣлъ — какъ глупъ народъ, смѣшонъ!
 Какъ дѣйствіями ихъ, дивяся, восхищался!
 Я видѣлъ, и едва опъ смѣха удержался,
 Трагедію, гдѣ нѣтъ печали никакой,
 Въ кошорой иль пиранъ, или разбойникъ злой
 Пришедъ въ неистовство, на плѣнниковъ озлился,
 Хотѣлъ всѣхъ перебить; но спрусилъ, спохватился,
 По сценѣ рыщеть онъ, и мѣста не найдетъ,
     Довольно злости въ немъ, но силы нѣтъ;
 Потомъ его на судъ сослали шакъ какъ вора:
 Нѣтъ тамо нѣжности, лишь бѣшенство и ссора:
 Я видѣлъ зрищелей, не болѣе какъ прехъ,
 Которы авшора невѣжеству плескали,
 И плескомъ заглушить желали
     Раздавшійся въ театрѣ смѣхъ.
 Поемы видѣлъ я, гдѣ извергъ смертныхъ рода,
 Котораго сама содроглась бы природа,
 Предобродѣтельнымъ героемъ нареченъ,
 А попому и шрудъ вѣщателей презрѣнъ.
 Я зрѣлъ хрипчивыхъ пщцъ и щещное ихъ рвенье
 Съ пріятнымъ соловьемъ сравнишья въ цѣнномъ пѣньѣ,

Я видѣлъ рифменныхъ презрительныхъ шворцовъ,
 Безспыдныхъ, собственныхъ хвалищелей стиховъ,
 Равняющихъ свой даръ съ Расиномъ, Лафонпенномъ,
 И кои даръ другихъ считаютъ дрягмомъ, шланомъ.

Я двухъ невѣжъ ученыхъ зрѣлъ,

И каждый шупъ изъ нихъ о испинѣ шумѣлъ,
 Которой голова совсѣмъ его не знала;
 По долгомъ спорѣ ихъ зрѣлъ ненависть, раздоръ:
 Я видѣлъ публику, которая ихъ вздоръ
 Старалась защищать, хотя не понимала.

Послѣдней степени я видывалъ людей,

Которые въ мечтѣ своей

Соединяются съ полубогами кровью.

Зрѣлъ къ славъ суепной оправленныхъ любовью,

Зрѣлъ гордыхъ Фаестоновъ сихъ,

Я видѣлъ ихъ

Громовымъ сверженныхъ ударомъ съ колесницы.

И кара новаго паденіе я зрѣлъ,

Что къ цѣли бедственной опважася лепѣлъ;

И сей ударъ ему на мѣсто былъ гробницы.

Я видѣлъ, какъ скупой на мокрыхъ равнинахъ,

Несчетно зря свое богатство въ корабляхъ,

Съ ревущей бездною и бурями сражался,

Какъ спреха и надежды полнъ,

Въ опасности сопротивлялся

Движенью гордому свирѣпшующихъ волнъ.

Зрѣлъ правящихъ мѣщанъ намбреньемъ владыки,

Вмѣшавшихся въ дѣла и подвиги велики.

Зрѣлъ Азіяшскую въ Европѣ роскошь я,

Которая сердца живущихъ въ ней снѣдаетъ;

Въ черногахъ бывъ вельможъ, ширанска власъ ея

Въ чресныя хижины мѣщанъ перелешаетъ.

Видалъ Зоиловъ я, химеры видѣлъ ихъ,
 И кои острѣе безплодныхъ спрѣлъ своихъ,
 Иль злобной завистью языкъ свой оправляютъ,
 И щещно посрамышъ Гомеровъ даръ желаютъ.
 Зрѣлъ жадныхъ игроковъ, ихъ пагубную спрасъ,
 Отъ коей не могли уже освободиться,
 Зрѣлъ разореніе, зрѣлъ горькую ихъ часть,
 И рѣдкіе изъ нихъ могли обогатиться.
 Я видѣлъ мудрецовъ, въ собраньяхъ ихъ бывалъ,
 И также, какъ они, во мракъ заблуждалъ;
 Подъ видомъ истины, кошору полковали,
 Они нелѣпые обманы сокрывали:
 Я мнилъ увидѣть свѣтъ, нашелъ одинъ лишь вздоръ;
 Съ такоюжъ важностью они свои законы
 Спарались всѣмъ внушить, какъ въ поршикъ Зеноны,
 Гдѣ многочисленный былъ Споиковъ соборъ,
 Внимавшій догматы ихъ истины священной.
 О нравы! времена! о вѣкъ! я зрѣлъ людей
 Вдругъ спавшихъ Крезами изъ низоспи презрѣнной;
 Влекомыхъ видѣлъ я сихъ гордыхъ богачей

На колесницахъ позлащенныхъ.

Видалъ любимцевъ я къ Царямъ не прилѣпленныхъ,
 Зрѣлъ злобны ковы ихъ
 Противъ опцевъ, противъ предсшателей своихъ,
 Зрѣлъ ихъ низверженныхъ въ ничпожеспво на вѣки,
 Изъ коего сія родились челоуѣки.
 Зрѣлъ добродѣтели умбющихъ цѣнить,
 Но проискама впаи обыкшихъ зло шворить.
 Я видѣлъ храбрецовъ прусливыхъ,
 Зрѣлъ полководцевъ боязливыхъ,
 Я видѣлъ подлыхъ хваспуновъ;
 Изъ ихъ высокопарныхъ словъ

Услышишь, что они Алкиды,
Но въ дѣлѣ самые Оерсиды.

Зрѣлъ царедворцевъ я, ихъ ложный Оиміамъ
Возженный безъ спыда вельможамъ и Царямъ;
Зрѣлъ самолюбіемъ вельможей ослѣпленныхъ
И лицемѣрія словами обольщенныхъ.
Я видѣлъ иногда каршину спрашныхъ дѣлъ:
Я вѣроломную и злую Фрину зрѣлъ,
Когда она свою убійственную руку
Простерла въ нѣжну грудь супруга своего:
На лобномъ мѣстѣ зрѣлъ я казнь ея и муку,
Въ награду звѣрскаго дѣянія сего.
Я видѣлъ скромности изгнанье, пришѣсненье,
Священныхъ видѣлъ я законовъ нарушенье,
Безъ покровителя достоинство видѣлъ:
Я зрѣлъ, что правоты никто не защищалъ.
Я видѣлъ ябеду, клеветниковъ коварныхъ,
Я часто находилъ людей неблагодарныхъ;
Я зрѣлъ, какъ гнѣвъ небесъ на смертныхъ казнь металъ,
И къ нашимъ вздохамъ ихъ я зрѣлъ непреклонныхъ.
О ужасъ! видѣлъ я людей ожесточенныхъ,
Невѣдущихъ Того, кто бышіе имъ далъ.
Зрѣлъ разорителей и пшму опустошеній,
Зрѣлъ Марса, алчуща убійствъ и пораженій:
Чтобъ рвенье ярости безмѣрной напишеть,
Былъ долженъ сгрѣлы онъ оправой напаять;
Онъ кровью обагралъ поля, моря и рѣки,
Гдѣ гибли безъ числа несчастныя челоуѣки.
Зрѣлъ лютыхъ подданныхъ, зрѣлъ вѣроломство ихъ,
Зрѣлъ въ испущеніи предателей я сихъ,
Зрѣлъ возстающихъ сихъ бунтовщиковъ кичливыхъ
Прошивъ Царей, Творца — а гнѣвъ небесъ правдивыхъ

Еще преспуниковъ во мщеньи не казнишь,
 Еще не грянетъ громъ и ихъ не поразитъ!
 Ахъ нѣтъ! сдержи свое, о Боже, наказанье!
 Проси, и изпроби золъ прежнихъ воспоминаье!
 Благоволи, чѣмъ нашъ продлился шамо вѣкъ,
 Гдѣ болѣ ты благъ, гдѣ щасливѣ чловѣкъ,
 Гдѣ истина сама народомъ управляетъ,
 Пороки гонишь въ адъ, а добрыхъ награждаетъ;
 Спокойство, щастіе прещедро раздаетъ,
 Сынами подданныхъ щасливѣйшихъ зовешь:
 ЕКАТЕРИНИНЫ да продолжатся годы,
     Къ кошорой рѣзные народы
 Горя усердіемъ, ЕЕ богошворятъ;
 Кошорой и любовь и вѣрность пронѣ хранятъ,
 Въ кошорой подданны Царицу почитаютъ,
 Но яко къ матери въ напастяхъ прибѣгаютъ!
 О Боже праведный! подай землѣ Царей
     Подобныхъ ЕЙ!

Опвѣты на вопросъ о женѣ ревнивой
и имѣющей ревниваго мужа, копо-
рая нещаснѣе?

1.

Ириса бѣдная въ веснѣ цвѣшущихъ лѣтъ,
Отъ мужней ревности спрадая, жизнь клянеть;
Но Нина большаго досшойна сожалѣнья:
Чшо можетъ бытъ сего ужаснѣе мученья,
Какъ вѣчно шрепешать, чшобъ мужъ не измѣнилъ?
Ирисинъ взоръ навѣкъ ревниваго плѣнилъ,
И ей извѣстно шо; — а Нина унываетъ,
Чшо мужъ ея любви и ласки убѣгаетъ.

2.

О мужней вѣрности сомнѣнїе пишашъ,
Есть средство никогда спокойной не бывашъ;
Жена ревниваго досшойна сожалѣнья;
Жена ревнивая единаго презрѣнья.

3.

Ревнивый иль дуракъ конечно все равно,
И за носъ провеспи его не мудрею:
Онъ будетъ ревновашъ, ворчашъ, кричашъ бѣсншся,
А умная жена пихонько веселишся.

4.

Ревнивая жена обманѣ на свѣтѣ семѣ:
А мужѣ ревнивый слѣпѣ въ безуміи своемѣ;
Не знаетѣ, что жены сберечь никакѣ, не можно.
А чшобы не почелѣ кого безумцемѣ свѣпѣ,
Мужьямѣ на женѣ своихѣ смотрѣпѣ сквозь пальцы
должно,
Вѣ немѣ мало, иль совсѣмѣ уже Лукреціи нѣпѣ.

БѢДНОСТЬ.

О пшѣ, что горестныхъ сердца питаешь снономъ,
 Которой жижина простая служишь прономъ,
 И вешю врепище порфиною злапой!
 Ты, коей въ нѣдрѣ душъ клянущихъ жребій свой
 Сооруженъ кумиръ и жертва воздыжаній,
 О бѣдность, мать всѣхъ нуждъ и жалкій видъ спраданій!
 Презрѣвъ сокровища, копорыхъ алчепъ свѣтъ,
 Богатство на чреду мѣняешь лютыхъ бѣдъ,
 Содѣлавшихъ тебя врагомъ роскошна міра:
 Внемли, пѣбъ моя соспраждающая лира
 Достойныя хвалы спремись возгласить.

Но кто держаетъ въ щомъ меня оспановить?
 Что вижу я! сама мнѣ лира измѣняетъ,
 И пѣшь почпенную мнѣ бѣдность возбраняетъ!
 Конечно съ бѣдностью не такъ она дружна?
 А учась, кажешся, всегда у нихъ равна.
 Какъ денегъ нѣтъ, одна вздыхать и плакать спанетъ,
 Другая пѣсенки въ злой горести запянетъ.
 Одной умилень вздохъ, другой умилень понъ;
 Заспавишь нужда пѣшь, она для всѣхъ законъ.
 Прикосновенію весеняго зефира
 Днесъ крошкая моя уподобляясь лира,

Ослабя голосъ свой, вопль что мнѣ говорилъ:
 „Постой, что вздумалъ ты? ебъ тѣхъ перъ какъ свѣтъ
 стоить,

„Живущіе на немъ доселѣ не слышали;
 „Что бѣдность гдѣ нибудь на лирѣ прославляли;
 „Прочти древнѣйшихъ ты исторію времянъ,
 „И всѣхъ перепрепли исторіи племянъ,
 „Предметомъ всѣхъ похвалъ одно богатство было;
 „Причина ша, оно не дешево плашило:
 „Да, правда, иногда пишомъ похвала
 „Старалась превознестъ и добрыя дѣла;
 „Но лишь тогда, когда дѣла тѣ знамениты
 „Сугубили свой блескъ наградою пишны:
 „Съ ума сойдемъ, когда мы бѣдность спанемъ пѣтъ,
 „Что ниже можетъ быть, какъ дѣло съ той имѣтъ,
 „Которую вездѣ и всякой презираетъ,
 „И даже на нее смотрѣтъ за спидъ вмѣняетъ?
 „Видалъ ли ты ее въ порядочныхъ мѣстахъ,
 „Въ театрѣ, во дворцѣ, у Блескова въ гостяхъ?
 „Видалъ ли памъ ее, гдѣ пышность и богатство
 „Во взоры и сердца люютъ свое пріятство?
 „Покрышой рублищемъ нигдѣ ей мѣста нѣтъ:
 „Но ешьми хочешь, пой; пускай ей врагъ весь свѣтъ,
 „Тебя отъ сотни рифмъ конечно не убудетъ;
 „Да бѣдность похвалою богатѣ ли будетъ?
 „И сами бѣдняки, когда ты хочешь знашь,
 „Видъ изобилія спараются казать.
 „Поддѣльно серебро съ блестящей мишурой
 „Не даромъ найдены Французской головою.
 „Голь очень мудрена: когда какой богачъ
 „Подыметъ чисту рысь, бѣднякъ за нимъ же вскачъ,
 „И тѣ же у него замашки, тѣ же виды.
 „Ничто не можетъ быть жесточе сей обиды,

„Когда убогаго убогимъ назовешь.
 „Напрасно на себя пы лишнее берешь;
 „Никпо шебя за прудъ — и бѣдностъ не похваляшь;
 „А можешъ бышь еще онъ чеспъ пвою умалитъ:
 „Ты дашь чрезъ шо узнать, что пы и самъ бѣднякъ:
 „Положимъ, завсегда почпи выходишь пакъ,
 „Подверженъ больше всѣхъ сей учаспи писатель,
 „Начшожъ давашь шо знашь, любезный мой пріатель?
 „Въ признаніи пвоемъ нѣтъ нужды никакой.
 „Иди ко славъ пы дорогою иной,
 „Богапство похвали, пакъ можешъ бышь въ награду
 „Дождешся онъ него пріятнѣйшаго взгляду.
 „Иль хочешь пы въ себѣ примѣръ намъ показать?
 „Повѣрь, никпо шебѣ не спанешъ подражать.
 „Иль хочешь къ ближнему другихъ въ любви наспавишь,
 „Чувспвишельными бышь и мудрыми заспавишь?
 „Нѣтъ, нынѣ свѣтъ уменъ; онъ испину любя,
 „Всегда одно швердитъ, что ближе нѣтъ себя.

Какое, лира, мнѣ даешь пы наспавленье!
 Богапство похвалишь, навлечь себѣ презрѣнье.
 Я гордъ, я не хочю такимъ нишомъ слышь,
 Которы просятъ ихъ шворенія купишь,
 Которы для перспней, часовъ иль шабакерки
 Печашаюшъ спихи въ окшавы и чешверки.
 Ни бѣдный, ни богачъ, но добрый человекъ
 Моею лирою прославяшся на вѣкъ.

Признаніе другу въ чувствованіи исправленія при видѣ одного зрѣлица въ шеапрѣ.

Не мни, любезный другъ, чтобъ шо припворснво было,
 Что волокиишсво мнѣ несносно и постыло,
 Что добродѣшель я всѣмъ сердцемъ возлюбилъ,
 И плачу, что досель непоспоянень былъ;
 Не удивляйся, что единое мгновенье
 Къ порокамъ можетъ въ насъ посѣять омерзенье.
 Вообрази себѣ громовый спрашный прескъ,
 Иль быстрой молніи незапный въ небѣ блескъ;
 Я шесшвую пупемъ взирая на долины,
 На роци темныя, на рѣки и спремины,
 Веселіе очамъ повсюду предспоитъ,
 Какъ вдругъ по воздуху свѣшъ молніи лепитъ,
 И въ препешъ приводя, рождаетъ громъ ужасный:
 Такъ добродѣтели гласъ важный, безприсраспный,
 Когда веселымъ шелъ пороковъ я пупемъ,
 Вселилъ задумчивость и спрахъ въ умъ моемъ;
 Но разсмотря попомъ ея лице и душу,
 Я всѣ преграды къ ней въ одну минушу рушу. —
 Приди, возлюбленна, и сердце успокой,
 Которо суешной плѣнялось красошой,

Въ развратныхъ склонностяхъ ища себѣ забавы;
Приди, освободи отъ смертной сей оправы,
Приди, дражайшая дщерь неба добродѣтель!
А ты, почтенный другъ, ошнынъ будь свидѣтель,
Что презря шалости, распанусь съ суешой; —
Вчерашне зрѣлице премѣны сей виной.

МНИМАЯ ВОЛЬНОСТЬ,
РАВЕНСТВО
И
САМОДЕРЖАВНАЯ ВЛАСТЬ.*)

Меншой свободы обольщенный,
Вождемъ имбьющій развращъ,
На гибель свѣша усремленный,
Безчеловѣчный Демократъ!
Вопль слыша на шебя природы,
Скажи, жеспоче сей свободы
Какое рабство можетъ быть?
Все гибнешъ подъ швоимъ закономъ;
И самъ Калигула съ Нерономъ
Могли ли больше зла шворить?

*) Сочиненіе сіе, писанное въ 1793 году въ самое жестокое время революціи Французской, оканчивалось куплетомъ, въ кошоромъ шерзасмая Франдія призываетъ Ишину въ свою защиту, и ни гдѣ не напечатано: но когда Великій нашъ МОНАРХЪ ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I. движимый состраданіемъ къ угнѣсенной Французами Ишали, освободилъ ее отъ нихъ; шо таковой великій подвигъ, на вѣки ЕГО прославившій, дерзнулъ я воспѣшь въ послѣднихъ пляши куплешахъ, служащихъ по связи содержанія дополненіемъ сему сочиненію.

Зри: обласпей краса державныхъ,
 Обильный въ совершенствахъ край,
 Народовъ просвѣщенемъ славныхъ
 Пошеранный на вѣки рай,
 Гдѣ храмы всѣхъ божествъ сіяли,
 Гдѣ Греція и Римъ блиспали
 Остаткомъ рѣдкостей своихъ,
 Во что преобращенъ побою?
 Какой ужасною судьбою
 Сталъ образомъ паденья ихъ?

Подобенъ дикой той пустынь,
 Гдѣ звѣри хищныя ревушь,
 И гдѣ въ вершепахъ мрачныхъ нынѣ
 Одни разбойники живушь,
 Съ оружіемъ нагло всюду ходяшь,
 Во шрепешъ пушниковъ приводяшь,
 Кошеры въ ночь и въ ясный день
 Опасности встрѣчая новы,
 Всякъ часъ къ сраженію готовы,
 И собственна спрашна имъ шѣнь.

Идутъ, и мертвыхъ обрѣщаютъ
 Въ пупи отцевъ иль матерей,
 Тамъ братьевъ, женъ своихъ срѣщаютъ,
 Или расперзанныхъ дѣтей;
 Смертельный ужасъ ихъ объемлетъ: —
 Коль кто оплакашь предприемлетъ
 Погибшую отраду дней,
 Толпы убійцъ тогда мгновенно
 Къ нему предстанутъ развѣренно,
 И жертвы пребудутъ своей.

„Скажи: свободы-ль пы любилель? —
 „Коль пакъ, пойдѣомъ, все испребимъ:
 „А еспьли рабспва защишилель,
 „Опъ нашихъ рукъ погилнешъ съ нимъ.
 Такъ всъ по волъ и неволъ,
 Въ опечеспвѣ какъ въ бранномъ полъ
 Другъ друга рѣжущъ и губящъ;
 Раздоръ, всеобщее смяшенъе,
 Грабилельспво, опустошенъе
 Всему падсиемъ гроящъ.

Тамъ наглость и распущспво мерзко
 Скипаясь въ селахъ и градахъ,
 Хуленъе изрыгающъ дерзко
 Въ священныхъ храмахъ и судахъ:
 Смѣхъ злобный съ плачемъ распворенный
 И вопль съ рыданіемъ смѣшенный
 Чудовищъ провождающъ сихъ;
 Тѣла ихъ полны поруганій
 И шоржици спудодѣаній,
 И всъ мѣспа несповспвѣ ихъ.

Спыдися, Франція, спыдися
 Безумія швоихъ людей,
 Иль паче люпоспи спрашися
 Терзающихъ тебѣ звѣрей:
 Воюя сами межъ собою,
 Они погилнущъ всъ съ шобою. —
 Ахъ! сей ли просвѣщенъя плодъ,
 Со злобой адской для химеры
 Попрашъ законы, свѣпоспъ Вѣры,
 Чемъ должно бы спаспи народъ? —

Ошвергнувъ власть самодержавства,
 Кому вручили жребій швой?
 Кому въ позорно иго рабства
 Тебя повергнули съ собой?
 Развратнымъ, дерзкимъ и презрѣннымъ,
 Симъ шварямъ люшымъ, искаженнымъ,
 Носящимъ огонь и мечъ въ рукахъ,
 Творящимъ судъ надъ человекѣ,
 Лющимъ въ казняхъ крови рѣки
 Съ веселѣемъ о ихъ бѣдахъ,

Всякъ швой убійца, швой предатель;
 Какой послѣдуетъ конецъ?
 О ужасъ! крошкѣй обладатель,
 Лудовикъ - - нѣжный швой отецъ
 Погибъ! — народъ неблагодарный?
 Другой Кромвель не споль коварный,
 Но злобнѣйшій шгого спокрашъ,
 Прервавъ родства союзъ священной,
 Дыхнулъ къ Лудовику геецной,
 И двигнулъ на него весь адъ,

Спенящій, лющій шюки слезны
 Монархъ нещасными говорилъ:
 „Что, подданны мои любезны,
 „Что я вамъ злова еопворилъ?
 „Меня отцемъ вы прежде звали,
 „Теперь ширана имя дали;
 „За что? за что? — невиненъ я. —
 „Но смерть моя нуешъ будешъ средшва
 „Всея Франціи окончитъ бѣдшво,
 „Да будешъ въ жизнь вамъ смерть моя!

Нѣшъ; праведное неба мщенье
 Готовишъ гибельный вамъ рокъ:
 Европы грозно ополченье
 Стремилсѣ какъ ревущій токъ,
 Что съ горъ рѣками низпадаетъ,
 Съ собою камни низвергаетъ,
 Терзая, роя дно долинь;
 Шумъ слышна въ пропастяхъ подземныхъ,
 Ошъ спрѣха звѣрь изъ дѣбрѣй шемныхъ
 Бѣжитъ по рвамъ между спремнинъ,

Вѣщать ли мнѣ здѣсь ужасъ новый,
 Или забвенію предашь? —
 Разлился въ жилахъ хладъ суровый . . .
 Престало сердце шрепешать . . .
 Взнялись власы . . . успа нѣмбюшъ . . .
 Мои всѣ чувства цѣпенбюшъ . . .
 Чшо вижу? чшо внимаю я?
 Творенье - ль шо руки Господней?
 Иль изверги изъ преизподней
 Въ шемницу рвушся, воши?

„Предайте веіо на жершву гнѣву!
 „Лудовиковъ губите родъ!
 „На казнь влеките Королеву!
 „Сей казни шребуешъ народъ!
 Совѣшъ мучителей безбожныхъ,
 Защишникъ всѣхъ клеветъ возможныхъ,
 Чшобъ гнусной черни угодишь,
 Кошорой буйшшву онъ соплещешъ,
 Кошорой злости самъ шрепещешъ,
 Велишъ нещинную губишь,

Постойте, варвары, смягчитесь
 Надъ поломъ нѣжнымъ и драгимъ!
 Хоть пѣмъ вы чувствіемъ пронитесь
 Къ любезнымъ совершенствамъ симъ,
 Что пвари всей законъ вѣщаетъ,
 Что львовъ и пигровъ укрощаетъ. —
 Увы! природы спонъ и плачь
 Для нихъ сладчайшіе сущъ звуки;
 Веселы зрѣлица ихъ - - муки,
 Смерть, казни, жертва и палачъ.

Спрадай рушитель благоденства,
 Предатель люшый Короля,
 Глава безумнаго равенства,
 Отъ виду коея земля
 Избавилась къ своей опрадѣ!
 Спрадай пеперь за всѣхъ во адѣ!
 Кляни тамъ дерзкій умыслъ пвой!
 Червь совѣспи тебя почаций
 И огнь опчаянья паляций
 Тамъ вѣчно будущъ живъ съ побой.

О вѣкъ несчастливый! о нравы!
 Баснь, ужасъ будущихъ временъ! —
 Родъ буйный! кто тебѣ далъ правы
 Успавы презришь всѣхъ племенъ
 Царей благоговѣнно чпущихъ
 И бремя должное несущихъ
 Усерднаго подданства имъ?
 Надъ освященной властью сею
 Кѣмъ пы поставленъ судією,
 Безбожнымъ судіей и злымъ.

Тотъ Царь, который небомъ правилъ,
 Законъ гласилъ земнымъ Царямъ,
 Своей рукой на пронъ ихъ спавилъ,
 Да власъ Его вѣщающъ намъ;
 Намъ, коихъ воля развращенна
 Уздою сей неукрощенна
 Моглабъ разрушилъ цѣлый свѣтъ:
 Спрахъ къ Богу, къ нимъ повиновень
 Есть наше общее спасенье;
 Инаго средства къ щастью нѣтъ.

Есть средство, скажешь: — Добродѣтель;
 Не нуженъ царскій ей законъ;
 Она уставовъ пѣхъ содѣтель,
 Которыми гордился пронъ.
 Такъ, я согласенъ; но скажите,
 Уже-ль вы Добродѣтель чшите?
 Уже-ль послѣдуете ей? —
 Признайтесь чистосердечно,
 Вы ей враги, враги конечно;
 И шакъ нужна вамъ власъ Царей.

По мѣрѣ вашихъ злодѣній,
 Сихъ вашей вольности плодовъ,
 Нужна вамъ спрогость наказаній
 Для обузданія умовъ
 Продерзкихъ, наглыхъ, развращенныхъ,
 Коварныхъ, пагубныхъ, надменныхъ;
 Ся-по буйные умы
 Внушающъ ко всему презрѣнье,
 Къ законамъ, къ Вѣрѣ небреженье,
 Чшо вольностию чшите вы,

Спрашишесь! вы подвластны Богу . . . .
 Но гдѣ вашъ Богъ? — и сей Отецъ
 Лющій смертнымъ благоспѣ многу
 Отверженъ вами наконецъ!
 Презрители верховной власти!
 Къ кому прибѣгнете въ напасти?
 Вы пвари, кто же вашъ Творецъ?
 Кому за жизнь мольбы шворите?
 Уже-ль скоповъ богами чщите,
 Пріявъ Египецъ въ образецъ? . . . .

Подобно пварей испуленныхъ
 Едва ли свѣтъ когда видалъ:
 Я зрю кумировъ вознесенныхъ
 Въ святилищахъ, гдѣ Крестъ споялъ.
разсудокъ, коего лишились,
свобода, коей щещно льспились,
разность нынѣ боги ихъ
 Творящи Франціи вся злая;
 А чернь безстыдная, слѣпая
 Богошворитъ кумировъ сихъ,

Когдабъ разсудокъ правилъ вамъ
 Хранящій насъ всегда отъ бѣдъ,
 Вы думалибъ согласно съ нами,
 Что той свободы въ свѣтѣ нѣтъ,
 Какую вы имѣть копите:
 На царствѣ естесива воззрите,
 Все подъ законами живепъ;
 Безъ нихъ нѣтъ деци ни единой,
 Все дѣйствуесть своею причиною,
 Самъ Вышній свой законъ блюдепъ.

Союзъ Его швореній мѣсный
 Ихъ свято чинишь успановилъ;
 Отшоль порядокъ зримъ чудесный
 Между безчисленныхъ свѣшилъ,
 Въ стихіяхъ и во всей природѣ;
 Вы шолько мнише о свободѣ
 Не знашь законовъ никакихъ,
 Союзъ, порядокъ разрушая
 И промыслъ Божій отвергая,
 Жиль въ узажъ прикошей своихъ.

Не видано еще отвѣка
 Зла въ мірѣ пагубнѣй сего: —
 Прямая вольность человѣка
 Во глубинѣ души его,
 Коль гнусныхъ прикошей, порока
 Низвержена имъ власпъ жестока;
 Тогда благополученъ онъ:
 Какъ живъ на свѣшѣ, разумѣшѣ,
 Въ законахъ нужды не имѣшѣ,
 Онъ самъ владыка и законъ.

Сравните вы его съ собою,
 Съ свободой вашей царску власпъ,
 Благополучіе съ мечпою
 И съ нашей долей вашу часпъ,
 Увидите, сколь вы нещаспны;
 Вы всѣд рабы въ себѣ невласпны:
 Одну низвергнувъ, сто головъ
 Владѣшъ собою допусшили;
 Одной вы не покорны были,
 Снесете -ль многихъ власпъ умовъ?

Благополучіе подвласныхъ
 Въ единыхъ должно бысть рукахъ,
 Въ рукахъ правдивыхъ, безприсрасныхъ,
 Держащихъ милость, судъ и страхъ,
 Чтобъ сильной властію друга
 Вельможи, властлюбца злова
 Безильный не былъ утѣсенъ,
 Чтобъ всякъ для общихъ благъ рожденный
 Свой жребій зналъ опредѣленный
 И въ кругъ былъ своемъ блаженъ.

Дабы гонимый злой судьбиной,
 Куда ему прибѣгнушь, зналъ,
 На властибъ оперся единой,
 И въ ней себѣ оспрады ждалъ.
 Многоначальство и безвластье
 Есть крайнее людей нещастье:
 Одно въ раздорахъ вѣкъ живетъ,
 Другое вовсе не печется;
 Межъ ими общество мящется
 Какъ челнъ средъ волнъ жишейскихъ бѣдъ.

Коль Царь самодержавенъ, силенъ,
 Святъ волею и дѣломъ благъ,
 Усердемъ подданныхъ обиленъ
 И пронъ воздвигнулъ въ ихъ сердцахъ;
 Какой желать имъ лучшей власти?
 Уже-ль хощешь, чтобъ многихъ оспраши
 Владыкъ играли ихъ судьбой?
 Такой властитель Богъ народа;
 Чно предъ лицомъ его свобода?
 Призракъ надменный и пусшой.

Какъ шопъ, что чesпью опличился
 И общеспву полезeнъ былъ,
 Не шерпишъ, чтообы сь нимъ сравнился,
 Кпо въ ономъ шунeядцемъ жилъ;
 Такъ сей примѣръ царей державныхъ
 Себѣ не шерпишъ власпью равныхъ;
 И лъзя ли шупъ равенспву бышъ? —
 Порядокъ въ мирѣ кпо успроилъ,
 Надъ всѣми власпъ одинъ присвоилъ,
 И не хотѣлъ ee дѣлишъ.

Лишь шолько гордоспъ возмечшала
 Бышъ равною ему во всемъ,
 Тогдажъ сь небесъ въ шьму вѣчну пала
 Сраженна мспишельнымъ мечемъ.
 Когдабъ позволилъ Богъ равенспво,
 Какое былобъ совершенспво
 Въ порядкѣ дѣлъ руки Его? *)
 Топъ все бы чуждое присвоилъ,
 Другой бы общее распроилъ
 Гордыней права своего.

Такъ зрѣли нѣкогда Россію
 Кленущую злощаспье дней,
 Когда она склоняла выю
 Подъ скипшры многіе Князей
 Творившихъ брань междуусобну;
 Но власпъ многоначальспва злобну
 Опважно Іоаниъ пошралъ:
 Соединивъ для вѣчной славы
 Въ едину многія державы,
 Самодержавспво основалъ.

*) здѣсь должно разумѣшъ о равенспвѣ многихъ владыкъ въ одномъ Государствѣ, которое шерпимо бышъ не можешъ по причинѣ вѣчныхъ между ими несогласій.

О коль великъ былъ трудъ и время
 Загладишь прежнія бѣды!
 Не скоро изстребилось сѣмя
 Любоначалства и вражды:
 Великій ПЕТРЪ на свѣтѣ родился,
 Россіи жребій премѣнился
 И все пріяло новый видъ;
 Державы безпредѣльной властью
 Открылъ онъ всѣ спези ко счастью,
 Плоды ея свѣтѣ цѣлый зришь.

Нѣтъ; добродѣтельный съ корочнымъ
 И съ неразумными мудрецъ,
 Со древомъ швердый дубъ непрочнымъ,
 И съ благомыслящимъ подлецъ,
 Опважный воинъ съ боязливымъ,
 Трудолюбивый съ нерадивымъ
 Не могутъ равенства имѣть:
 Но естля ихъ сравнять хопите,
 Едины свойства въ нихъ вложите,
 Чшобъ ихъ единомысліе зрѣшь.

Насъ качества иль возвышаютъ,
 Или презрѣнными шворятъ,
 Тѣмъ другъ отъ друга опличаютъ,
 И тѣмъ порядокъ весь хранятъ.
 Чины, достоинства и чести
 Не гордости плоды и лести,
 Но знаки истинныхъ заслугъ:
 У васъ всѣ Демократы равны,
 Всѣ дѣлъ своихъ плодами славны, —
 Во всѣхъ злодѣйскій вижу духъ.

Хотябъ вы наконецъ достигли
 Покоя вольности своей,
 Равенствобъ межъ собой воздвигли
 И преклонили бы людей
 Признать за истину химеру;
 Чемъ сихъ ужасныхъ бѣдспвй мбру
 Могли бы вы вознаградишь?
 Вы Римъ себѣ въ примбръ возьмете,
 И участи подобной ждите;
 Римъ долго-ль могъ въ свободѣ жить?

Но нѣтъ; того и бытъ не можеть;
 Пребудеть гибельный развратъ,
 Доколѣ фурія васъ гложеть,
 Доколѣ васъ не усмирятъ.
 Уже мечемъ вооруженну
 Я вижу Истину священну
 Лещащу грозно въ облакахъ,
 Чпобъ Францію опъ бѣдъ избавишь,
 Правленье прежнее возставишь,
 Преобратишь раздоры въ прахъ.

Со спомомъ пняжкимъ и слезами
 Се Франція къ ней вопіетъ:
 „Изми державными руками,
 „Изми полмершвую опъ бѣдъ!
 „Возри на дни мои суровы,
 „Возри на лютыя оковы,
 „Чшо я опъ варваровъ ношу!
 „Рази химеру преужасну,
 „Терзающу меня нещаспну,
 „Изъ глубины души прошу!

„Взгляни на неизчешны раны
 „Всего соспава моего,
 „На всѣ мои права погранны,
 „На спрахъ народа моего,
 „На власшь его правленья злобну,
 „Во всемъ пираніи подобну,
 „На шѣнь одну лишь бышія,
 „Насилье, казни, кровойштва,
 „Безвѣріе, грабежь, убійштва,
 „Взгляни, скажи, свободна-ль я?

„Но не насыпясь здѣсь плодами
 „Химера адскихъ дѣлъ своихъ,
 „Воюешъ съ чуждыми спранами
 „Ко пагубѣ державъ иныхъ,
 „И разрушая царштва, шроны,
 „Въ развалинахъ ихъ миліоны
 „Губишъ народа моего:
 „Какъ царштовала я съ покоемъ,
 „Мрачила ли шакимъ разбоемъ
 „Я блескъ величья моего?

„Что мнѣ въ побѣдахъ сихъ корыстныхъ,
 „Коль зришся жадность въ нихъ одна?
 „Коль я сама лишаясь присныхъ,
 „Изшертана, изшощена?
 „Зря бѣдшвія мои шолки,
 „Возшанъше, сильныя владыки!
 „Да Ишпина предъидешъ вамъ! —
 Сей гласъ Петрополя достигнулъ,
 И ПАВЛА Перваго подвигнулъ
 Шимерѣ къ казни, въ щипъ Царямъ.

То было предъ лицемъ вселенной,
 Какъ грозныхъ войскъ его Ахиллъ
 Въ Италіи имъ свободенной
 Сіе чудовище разилъ,
 Какъ возвратилъ Царямъ державы
 Для ПАВЛОВОЙ безсмертной славы: —
 Опъ люпыхъ и смертельныхъ ранъ
 Оно спокрашно умирало;
 Но паки силы возпріало,
 Бышь можешъ, въ гибель многихъ спранъ.

Но нѣтъ, я мню, придесть время,
 Когда чудовища сего
 Возчувствовавъ всѣ власпи бремя,
 Возстанушъ всѣ прошивъ него;
 И съ Божимъ благословеньемъ
 Единодушнымъ ополченьемъ
 Избавятъ опъ него сей свѣтъ
 Лишенный сладкаго покою
 Кровопролитной съ нимъ войною
 Не престающей сполько лѣтъ.

На мѣспѣ бесѣдки при гробницѣ.

*Завтракъ для Кадетовъ въ недѣлю
Святыя Пасхи.*

Мысли Оксенширна.

Творенье жалкое на свѣтѣ человѣкъ:
Въ немъ спранникъ будучи, мяшется весь свой вѣкъ.
Кшо истину сего не зришь на самомъ дѣлѣ?
Душа, какъ въ корабль, въ скудельномъ нашемъ шлѣ
Чрезъ море бурное превратной жизни сей
Спредишься къ вѣчности опасною спезей.
При бѣдномъ суднѣ семъ служители сущь чувсва,
А самолюбіе есть кормчій безъ искусства.
Влеченіе спрасшей есть онаго компасъ,
А знамя — глупоѣи господспивуюци въ насъ.
Способный вѣпръ ему есть міра обольщенье,
А парусы его минушно восхищенье.
Въ бездѣлкахъ, слабые заемлющихъ умы,
Сцѣпленіе снастей различныхъ видимъ мы,
И якорь онаго есть щещино упованье;
Грузъ — беззаконія; а совѣспи перзанье,
Спрахъ и опчаянье — пристанище его.
Вошъ учась жалкая! — не дивно ничего,
Чшо судно слабое поль часто погибаетъ;
Какая снасть его? и кшо имъ управляетъ?
Не дивно, чшо душа плывущая на немъ
О камни часшыя сокрышы въ морѣ семъ

Должна жестокія перпѣшь судокрушенья,
И послѣ достигашь приспанища, спасенья.

Безумна молодость во слѣпотѣ своей
Не видя, что въ пущи опасномъ нужно ей,
Вдаётся въ плаванье, крушенія не чаешь,
Спремленію спрасшей кормило поручаешь:
Но мудрому компасъ Зиждипелева власть,
Руль — благочестіе, а поспоянство — снашь;
Способный въспрѣ ему — сей жизни скорби люшы,
И парусы его перпѣніемъ надушы.
Онъ въ добродѣтеляхъ служиселей обрѣлъ,
А полный грузъ его — благихъ собранье дѣлъ,
Богъ — кормчій, знамя — крестъ и якорь — упованье,
Приспанище его небесно пребыванье,
Гдѣ вѣчно царшвуешь блаженство съ шишиной.
На сей-то брегъ сойдешь онъ пвердою ногой,
И прешкновения знашь болѣе не будешь,
Въ покоѣ сладосномъ памъ всѣ шруды забудешь.

СОВѢТЬ ТЕМИРЪ,

Храни цвѣтущу младость,
Темира, отъ любви;
Ея прельщеній сладость
Рождаетъ ядъ въ крови.

Какъ ядъ сей разольется,
Осправилъ разумъ швой;
Все радостью начнется,
А кончицца поскокой,

Невинныя забавы
Разсудкомъ охраняй,
Льстецовъ слова лукавы
Отъ слуха удаляй.

Въ нихъ спрасъ одна вѣщаетъ,
Но чувствій нѣтъ прямыхъ;
Видъ кротостью прельщаетъ,
Но злобно сердце въ нихъ.

Рѣчь спрасшнаго внимая
О пламени къ тебѣ,
Ты въ душу проникая,
Не измѣни себѣ.

Коль съ сердцемъ рѣчь согласна,
Отдай ему свое. —
Вотъ милая, прекрасна,
Вотъ щастіе швое!

П р и ш ч и .

1.

Плѣшивый и Орелъ.

Всево беречься и спрашишься
Есть средство навсегда спокойствія лишиться:
Однако былъ шакой на свѣшѣ челоуѣкѣ,

Который въ прусоспи провелъ весь вѣкѣ,
Изъ дому своего не смѣлъ спужи пь ногою,
Боясь поспигнушѣ бышѣ нечаянной бѣдою.

Людей

Онѣ бѣгалъ какѣ звѣрей;

Они ему злодѣями мечшались,
Кожоры духѣ его изшоргнушѣ покушались;
А чшобѣ себя отѣ рукѣ убійцевѣ сохранишѣ,
Весь зеркалами домѣ внутри велѣлѣ обижѣ,
Теперь уже ли онѣ спокойствіе вкушаетѣ?
Нѣшѣ, домѣ его ему паденьемѣ угрожаетѣ.
Бышѣ можешѣ, мыслишѣ онѣ, чшо стѣсны упадушѣ,
Иль вихри сильные все зданье попрысушѣ,
Тогда какими я могу спасишь судьбами,
Лежа подѣ пшажкими раздавленный стѣбнами?
Нѣшѣ, нѣшѣ; оспавлю я и городѣ и людей,
Въ пущыню удалюсь, гдѣ-бѣ не была звѣрей;
Въ долинахѣ живучи шамѣ нечего бояшься,
Не-буду шамѣ враговѣ и зданій ужасашься.

Намбренья сего мой прусъ не премѣнилъ,
 - И на лугахъ спокойно жилъ.
 Но шамъ-шо мы нещастье и встрѣчаемъ,
 Гдѣ онаго не чаемъ.
 Со черепахою межъ облаковъ Орелъ
 Надъ головой его плѣшивою лешѣлъ,
 Которую сочтя за камень пвердый,
 Орелъ немилосердый
 Свою добычу опушилъ,
 И черепахою плѣшь прусу проломилъ.

Какъ ни живи на свѣпѣ оспорожно;
 Но ежели чего избѣгнушь не возможно,
 Того не избѣжишь ни гдѣ,
 Ни въ полѣ, ни въ землѣ, ни въ дѣбряхъ, ни въ водѣ.

II.

Лилія и другіе цвѣты.

Охотникъ до цвѣшовъ прекрасныхъ
 Всѣхъ больше Лилію любилъ;
 О нсй еѣ забопахъ повсечасныхъ
 Другіе всѣ цвѣпы забылъ.
 Забылъ Тюльпаны, Розы,
 Гвоздики, Туберозы,
 О Лиліѣ одной и думалъ и гадалъ,
 И въ лучшемъ-воздухѣ цвѣточикъ сберегалъ.
 Прелестна Лилія своею бѣлизною,
 Пригожствомъ, нѣжностью, сразмѣрной высокою
 Красуется, растешъ,
 И лучше и милѣй ее въ Едемѣ нѣшъ. —

Коль испыташеди природы
 Не обольщаютъ слухъ;
 То всё швореній роды
 Имбюшъ чувствва, мысль и дужъ;
 И еспьли баснословы
 Движенье дали имъ и гласъ;
 То мы на эпошъ разъ
 Имъ шакже подражашъ гошновы. —

Охопникъ до цвѣшовъ вѣ одинъ прекрасный день
 Вѣ прокладную древесну шѣнь
 Свой милянкой цвѣтокъ поставиль,
 А шѣ на солнышкѣ оспавиль.

Досадно Лилѣ, что прочіе цвѣшы,
 По мишнію ея, всё видятъ красомы,
 Какими ясный день блиспаешъ;
 Ее же мрачна шѣнь онъ свѣша сокрываешъ.
 Любитель Лилии хотѣлъ коснуться ей;
 Но Лилія: постой! подѣ мрачной шѣнью сей
 Оставь меня вѣ плачевной долѣ;
 Я вижу, шы меня уже не любишь болѣ:
 Ласкаешъ для шого, чтошобъ послѣ удалишь,
 Иными жадный взоръ цвѣшами веселишь. —
 Могу ли, нѣжно шакъ и пламенно любя,
 Могу-ль я, Лилія, обманывашъ себя?
 Такъ будучи мила, прекрасна,
 Ты не спыдишся ревновашъ!
 Или не знаешъ шы, какъ ревность намъ опасна?
 Едва родишся, шы ужъ спанешъ увядашъ.
 Цвѣшы, кошорые на солнышкѣ спояли,
 Давно уже, давно завяли.
 Когда бы не былъ я плѣненъ швоей красотой,
 Не спавиль бы себя подѣ шѣнію густой;
 И шакъ шерзаешся шы ревностью пустой.

III.

Употребленіе волности. *)

Изъ зámка одного помѣщика бѣжали
 Песѣ, котѣ, байбакѣ, скворецѣ;
 Нашѣ праздникѣ! въ радости сообщники кричали,
 Мы вольны наконецѣ.

Чпожѣ спанемѣ дѣлашь мы? — байбакѣ имѣ опрѣчаетѣ:
 „Я, брашцы, на пролѣдѣ
 „Спать буду цѣлой годѣ. —
 „А я, скворецѣ болшаешѣ,
 „Чтобѣ кормѣ себѣ досташѣ,
 „Пущуся барина бранишь и проклинашь. —

„Нѣшѣ, котѣ сказалѣ, своимѣ я спану жишь манеромѣ:
 „Я шопчасѣ сдѣлаюсь корсеромѣ. —

Остался песѣ одинѣ,
 Который такѣ рѣшилѣ: „мнѣ нуженѣ господинѣ.
 О шы мой давній другѣ, почтенной,
 Который на берегахѣ Невы благословенной
 Спокойно провождая вѣкѣ,
 Позналѣ искусство жишь какѣ вольный человекѣ!
 А въ нашей сторонѣ **) какѣ рѣдко шо искусство
 Въ свободной Франці! узнай мое шы чувство:
 Съ свободой мудросши не можетѣ рабѣ купишь;
 Онѣ будетѣ всѣо шаковѣ, какимѣ привыкѣ ужѣ бышь,

*) Какѣ сѣя, такѣ и послѣдующія за нею двѣ другія
 припѣчи сочинены на нѣм: языкѣ Г. Пфеффелемѣ въ
 Кошмарѣ и доспавлены къ другу его Николаю въ Санш-
 пешербургѣ.

**) Оба сѣи друзья родились въ Эльзасѣ.

IV.

На равенство.

О р г а н ы ,

По смерти брата своего
 Капраль пришедши въ домъ его,
 Увидѣль памѣ органы,
 На нихъ покойной брашѣ игралъ.

Капраль

Не только ношѣ, и словъ не разбиралъ,
 Играть же ничего не зналъ.
 Вдругъ заспучали въ барабаны:
 Тупшъ нашъ капраль или драбаншъ
 Спалъ настоящій музыканшъ;
 Въ восторгѣ надуваетъ губы
 И смотритъ приспально на трубы
 Какъ будшо на солдатской спрой,
 Кричитъ: вѣшъ я вамъ дамъ! постой!
 И въ клавикорды спалъ всей силой барабанишъ,
 А послѣ мастера цыганишъ,
 И шакъ въ сердцахъ сказалъ:
 Того скоша пусть чортъ бы взялъ,
 Кшо эшакимъ манеромъ
 Клавиры скверные скропалъ!
 Божусь, чшо не бывалъ онъ уншеръ-офицеромъ.
 Какъ эщи мальчики не ровно всѣ споятъ!
 Вдругъ вынулъ шпажицу, и прубокъ цѣлый рядъ
 Большія съ малыми на свой равняетъ ладъ

Подобно Геркулесу,
 Что съ гидры събѣ главы съ единого опѣвсу,
 На мастерство свое съ усмѣшкою глядитъ:
 Вотъ настоящій фруншъ, капралъ мой говоритъ;
 Теперь прощай. — Пошелъ, попробовавши поны.
 Но симетрии сей поль правильный законъ
 Разстроили гармонию совсѣмъ,
 Которую не лзя поправить ужъ ничемъ.

 V.

Ма правленіе народное.

П ш и ц ы .

Межъ пшицами Орелъ
 Всегда названіе Царя имѣлъ;
 Но карша важная владѣнья
 Избавила народъ отъ пягоспи служенья.
 Какой-то съ длинной бородой
 Старикъ упрямой и сѣдой,
 Мы назовемъ его совой,
 Обычаемъ и съ рожи
 Они другъ на друга похожи,
 Придумалъ новую задачу въ свѣтѣ пущишъ,
 Правленья образъ премѣнишъ.
 Гусь, попугай, пѣпужъ индѣйской и синицы,
 Скворцы и воробьи, и прочи пшицы
 Согласны были всѣ премѣну пѣмъ начашъ,
 Чшобъ каждый членъ народа
 Могъ полнымъ правомъ обладашъ
 Учасіе въ правленьи брать.
 Но лебедь промолчалъ: окъ плацъ шакото рода

Прешруднымъ вѣ дѣлѣ находилъ.
 Не правда ли, сова изъ всѣхъ кричала силъ,
 Чшо эшо-шо и есть видѣ истинный правленья?
 Но лебедь былъ шакого мнѣнья:
 Народъ свободнымъ можешъ бышь;
 Но дѣло не его вѣ правленіе входиль.

VI.

Сатирѣ и Орфей.

*(Вѣ отвѣтъ прятелю, лобуждавшему меня
 приняться за мою лиру, которая была мною
 брошена.)*

Евридикою прелестной
 Обожаемый Орфей
 Средь прокладѣ вѣ шѣни древесной
 Пѣлъ своихъ блаженство дней.
 Дикій звѣрь изъ дебри шемной
 Выходилъ на лирный звонъ,
 Грозный царь спраны подземной
 Оставлялъ свой часто пронъ:
 Сладкій гласъ его внимали
 Камни, горы и лѣса,
 Воды шумъ свой ухрощали,
 Преклонялись небеса.

Молодой сапирѣ влюбленный
 Близъ Орфея вѣ роцѣ жилъ,

И въ спраданыи жизнь влачилъ
 Милой Нимфою презрѣнный.
 Въ горестной своей судьбѣ
 Онъ завидовалъ Орфею,
 Сладкой лирою своею
 Всѣхъ привлекшему къ себѣ.
 Вздумалъ онъ играть учишься
 И свирѣль себѣ скропалъ.
 „Мнѣ - бѣ давно за умъ квашишься,
 Самъ себѣ Сапирѣ сказалъ:
 „Нимфа будешь въ нашей волѣ.
 Годъ учился, два и болѣ,
 И мечшая наконецъ,
 Что искусный онъ пѣвецъ,
 Самъ себя усердно хвалишь;
 Только Нимфу не печалишь,
 Какъ уныло ни поешь:
 На соломенной свирѣли
 Какъ ни щипишься дѣлашь прели,
 Нимфа все къ нему нейдетъ,
 Спращь и пѣсни презираешь
 И къ Орфею поспѣшаешь
 Служь свой лирой усладить.
 Чпожь онъ сдѣлалъ въ люшой страсти?
 Раздробилъ свирѣль на часпи
 И не спалъ уже дудить.

Есльи силы нѣпѣ сравнишься
 Съ лучшимъ въ пѣаи пѣвцомъ;
 То, чпобъ въ грязь не пась лицомъ,
 Чпобъ на вѣкѣ не осрамишься,
 Лучше передъ пѣмъ молчать,
 Кшо умбешъ всѣхъ прельщашъ.

НА Д П И С Ъ

Россійскому Орлу.

Подъ пѣнію своихъ проспертыхъ пышныхъ крыль
 Россійскихъ жипель спранъ свой рай соорудилъ
 Кимены отъ береговъ до краевъ Анадыра.
 Спокойны, щасптивы Таврида и Кавказъ! —
 Во области швоей среди довольства, мира
 Законы царствуюшъ, умолкъ неправды гласъ,
 И зависъ ядъ излишъ злорѣчій не дерзаетъ;
 Военской звукъ трубы лишь за предѣлъ вѣщаетъ,
 Глася во всѣхъ концахъ пріумфъ своихъ побѣдъ;
 Вездѣ обиліе, нигдѣ раздоровъ нѣшъ.

С О Н Е Т Ъ

на день возшесшвія на престолъ

ЕКАТЕРИНЫ II.

Къ блаженству Россіянъ, ко удивленію міра
 Украсила въ сей день ЕКАТЕРИНА проиъ,
 Премудрый издала для подданныхъ законъ,
 Взяла подъ свой покровъ несчастна, бѣдна, сира.

Ж

Сей день прославиши удобна-ль громка лра?
Въ сердцахъ у Россіянъ пребудеть вѣчно онъ;
Симъ днемъ красуется и самый Геликонъ,
Пріосѣняетъ Пиндъ Минервина порфира.

Во препепѣ приведа оружіемъ враговъ,
Россійскій бросивъ громъ на сушѣ, средь валовъ,
Се паки мирная возвращена судьбина!

Изъ подданныхъ Себѣ содѣлала сыновъ,
Забышы нами днесъ и имена рабовъ;
Владѣетъ Россами ихъ мать ЕКАТЕРИНА.

ВЪ день Тезоименишства
 Е Я В Е Л И Ч Е С Т В А
 ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
 ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢВНЫ.

*На одержаннѣя воинствоиѣ Россійскииѣ
 1790 года побѣды на Черномѣ морѣ, у рѣки
 Кубани и при берегахѣ Дуная.*

Щаспливая въ войнѣ и мирѣ,
 Спокойная среди враговѣ,
 О ТЫ, кошорая въ порфирѣ
 Зашьмила всѣхѣ земныхѣ боговѣ!
 Взведи Свой взорѣ на Югѣ суровый,
 Взгляни побѣдѣ на жашвы новы
 Съ полей, градовѣ и кожныхѣ водѣ:
 Се мзда любви швоей достойна,
 Се жершва божешву прѣшпойна
 Свершенная въ сей славный годѣ.

Мы паче миръ принесть желали
 Какъ даръ возлюбленный ТЕБѢ,
 Стократно гордосшь убѣждали;
 Но знашь угодно пакъ судьбѣ,
 Дабы въ своемъ ожесточеньи,
 Какъ челнъ свирѣпыхъ водъ въ печенни,
 Она въ пучинѣ скрылась бѣдъ. - - -
 Смутился умъ, и дужъ, и взоры;
 По хлябямъ зрю летящи горы
 И ихъ горящій въ морѣ слѣдъ.

То флотъ Турецкій, флотъ ужасный
 Стремится къ Таврскимъ берегамъ,
 Взявъ дерзкій умыслъ и напрасный
 Найти свой прокъ погибшій памъ.
 Во мракъ ночи движась, кроясь,
 Сквозь пѣну волнъ шумящихъ роясь,
 Намѣсто чаемыхъ береговъ
 Преградъ летящихъ пвердь встрѣчаетъ,
 И вдругъ свой быспрый бѣгъ кончаетъ,
 Разспроенный увидя ковъ.

Недремлющи Россійски флаги
 Врагамъ нашъ пламень озарилъ;
 И се какъ вихрь песокъ средъ влаги
 Турецки корабли вскрушилъ.
 Изъ пьмы сутубый свѣтъ родился,
 Какъ флотъ со флотомъ памъ сразился:
 Но чемъ рѣшился славный бой?
 Противныхъ силъ изнеможенъемъ,
 Жестокихъ оныхъ опраженъемъ,
 Спыдомъ, и бѣспвомъ; и бѣдой.

Безъ мачтѣ, безъ спенговѣ и кормила,
 Безъ флаговѣ, рей и парусовѣ
 Неслись, гдѣ бездна ихѣ носила,
 При сонмѣ робкихѣ ихѣ судовѣ.
 Тѣ, кои бѣгспвомѣ не спасенны,
 Съ людьми въ пучинѣ пошопленны,
 Испуну плащяшѣ горьку дань. - - -
 Богѣ моря! зря ихѣ злобны ковы,
 Нашли имѣ бранѣ и бури новы,
 Еще рази, еще въ нихѣ грянь.

Кого самѣ рокѣ бѣдами гонитѣ,
 Тотѣ всеу мнишѣ ихѣ одолѣшѣ;
 Дѣла его къ пому онѣ клонитѣ,
 Чтобѣ больше бѣдѣ ему шерпѣшѣ.
 Для большихѣ намѣ побѣдѣ и чеспи
 Напрягнувѣ Турокѣ силы къ меспи,
 Пространство пробѣгаешѣ водѣ;
 Пуститѣся далѣ не смѣя,
 Онѣ спалѣ межѣ Гендрѣ и Коджабея,
 И зрешѣ внезапу Росскій флотѣ.

Се часѣ къ опмщенію способный,
 Имѣи лишь духѣ воздвигнушѣ прю,
 Се часѣ свершишѣ пвой умыслѣ злобный,
 Кинѣ молнію . . . . но что я зрю?
 Спаситѣся паки бѣгспвомѣ чаешѣ;
 Не симѣ ли намѣ опмспитѣ желаешѣ?
 Поспой, опважся, не робѣй! . . .
 Нѣшѣ; спрахѣ отѣ боя увлекаешѣ,
 Паца какѣ пица улешаешѣ,
 Оспадся въ жершву Саяшѣ бей.

Противу ядрѣ, огней ревущихѣ
 Не долго развренѣ споялѣ,
 Искалѣ глазами слѣдѣ бѣгущихѣ;
 Но вдругѣ корабль его вспылалѣ
 Сокровищемѣ обремененный:
 Саипѣ съ немногими спасенный,
 Опчаянѣ, въ плѣнѣ повергся къ намѣ:
 Ся-жѣ ужасная громада
 Позорище являла ада,
 Огнемѣ подвѣвщицѣ къ небесамѣ.

Тамѣ шоржествующихѣ Героевѣ
 Подѣ флагомѣ пышенѣ и надменѣ
 Со множествомѣ орудій, воевѣ
 Другой корабль ведется въ плѣнѣ;
 Здѣсь тысящми ударовѣ вѣрныхѣ,
 Поверхѣ валовѣ носяся черныхѣ,
 Преслѣдуетѣ бѣгущихѣ Россѣ;
 То пламень оныхѣ жрешѣ, по море,
 И наконецѣ въ стихійномѣ спорѣ
 Исчезѣ разсыпаннѣй Кдлосѣ,

Враждующи Россійской славѣ
 Межѣ шѣмѣ изрыли ровѣ для насѣ,
 Подавѣ Турецкой мысль державѣ
 Силѣ шучи двигнуть на Кавказѣ:
 Башалѣ ихѣ гордый предводителѣ,
 Надежный Поршы подкрѣпителѣ
 Доситигнуть въ Аспраханѣ мечпалѣ;
 Но дерзновенны Опшоманы
 Какѣ дымѣ исчезли, какѣ туманы,
 Снѣсенѣ, разбитѣ, плѣненѣ Башалѣ,

О небо! дай мнѣ громку лиру
 Прославишь мечъ Россійскихъ силъ,
 Который за несклонность къ миру
 Врагамъ достойно опомсиль;
 И наконецъ проспържа на выи
 Исакчи, Тульчи и Килии,
 Къ покорству скоро преклонилъ! . . .
 Дунайски волны, восплещити,
 О ихъ паденьи вѣспъ несите
 Въ дрожащій нынѣ Измаиль.

Внемли Россія вознесенна!
 Внемли ея державна Машь!
 Когда гордыня ослѣпленна
 Свою не обуздаешъ рашь;
 Твой сынъ усердный и любезный,
 Чшобъ миръ принесъ шебъ полезный,
 Во гнѣвѣ праведномъ своемъ
 Сожжешъ ея селенья, грады,
 И къ изпрошенію пощады
 Преклонишъ пламеннымъ мечемъ.

НА ПОКОРЕНІЕ БЕНДЕРЪ

въ 1790 году.

(Переводъ.)

Бендеры гордые! и ваше зримъ паденье!
Какую же тебѣ надежду подаешъ
Твоихъ, Агарянинъ, силъ многихъ ополченье?
Что можешъ облегчить твоихъ суровость бѣдъ?
Иль мнишь, что бременемъ профеевъ опягченный
Россѣ, славою своей еще ненасыщенный
Искашь спокойствія воскощствъ своего,
Дней перемирія и мира самаго?

Но прежде узришь ты въ Византію вписенной
Кровавой пламеникъ Беллоны раздраженной,
И сонмы воиновъ влекущихъ слабый полъ
Въ добычу бѣшенству, тебѣ для вящихъ золъ;
Увидишь весь позоръ на немъ постыдна мира.

Поверженны свои черпоги узришь, проиѣ
И новый во твоихъ свящилищахъ законъ,
Разрушенны порги и гражданина сира
Оставившаго домъ, опечеспвенный градъ.

Ты узришь новое видѣнье наконецъ,
Какъ изъ развалинъ вдругъ низринутыхъ громадъ
Селима швоего возникнувшій вѣнецъ
Необбдимый Россѣ незапно извлечешъ,
И новой въ знакъ преданности своей
Къ зависти другихъ Царей
ЕКАТЕРИНЪ поднесешъ,

---

*На подорваніе Бендерскихъ бастіоновъ,
по задатъ города въ 1790 году.*

Бендеры, кои свѣтъ и время уважаетъ,
Огромный памятникъ воинскихъ славныхъ дѣлъ!
Гдѣ шверди сильныя, кошорыми пы цвѣлъ?
Огнь скрытый подѣ землей все въ пепелъ обращаетъ.

Какое зрѣлище! воспламененный прахъ
Вдругъ каменны бугры на воздухъ съ пылью мещетъ,
Мрачится ясный день, земная швердь шрепещетъ,
И возмущенный Днестръ ревешъ въ своихъ берегахъ.

Градъ гордый пламени несышаго сталъ пища.
Но въ сихъ развалинахъ Дреева жилища,
Гдѣ тысящми народъ палъ въ разны времена,
Днесъ пагубна вражда и злосць погребена.

НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА

Декабря 11 дня 1790,

Подъ предводительствомъ Г. Генерала Аншефа и кавалера Графа Александра Васильевича Суворова Рымникскаго, потомъ Генералиссимуса Россійскихъ войскъ Свѣтлѣйшаго Князя Италійскаго.

Опколь громовой слышенъ прескъ?
 Чпо воздухъ рвешъ, колеблетъ землю?
 Какой покрылъ все небо блескъ?
 Откуда стонъ и вопли внемлю?
 Хладѣетъ кровь, трепещетъ духъ,
 Мяшутся взоры, мысли, слухъ;
 Не горы-ль огненны валяшся?
 Не адъ ли мечетъ гибель въ долъ?
 То Россъ во шьму свергаетъ зодъ
 Враговъ, кошорыѣ ярашся.

Съ бойницѣ надменный Измаилъ
 Въ нашъ станъ свирѣпый огонь бросаетъ,
 На множество надеженъ силъ
 Паденія себѣ не чаетъ:
 Осьмнадцать укрѣпляясь лѣтъ,
 Подъялъ высоко свой хребетъ,
 Чело свое закрылъ валами,
 А пылъ обвелъ пространствомъ водъ;
 Хоть мѣдный соруди олопъ,
 Все прахъ предъ Росскими Орлами.

Какъ швердая стѣна ихъ грудь
 Удары смершны презираешъ,
 Имъ рвы, окопы равенъ путь,
 Опасность бодрость въ нихъ рождаетъ.
 Ты щепно мнилъ, упорный градъ,
 Бышь цѣльъ средь тысящи преградъ;
 Гнѣвъ Божій, гнѣвъ ЕКАТЕРИНЫ
 Спустился въ вихряхъ надъ тобой,
 Разлился пламенною рѣкой,
 И кровь швоя шекла въ долины,

Могу-ль безъ шпрака вообразить,
 А паче произнестъ устами,
 Какъ Россъ спремится вдругъ разить,
 Враговъ свергаетъ въ адъ полками?
 Лишь только къ бою знакъ узрѣлъ,
 Какъ бурно море воскипѣлъ,
 Какъ молнія промчался къ граду:
 Враги смяшенны возстающъ,
 Ихъ жерла мѣдныя ревущъ,
 Всю двигнувъ воздуха громаду.

Ужасно вѣтрѣ въ поляхъ завылѣ,
 И горѣ сердца поколебались,
 Едины строи нашихъ силъ
 Прошиву ядрѣ не ужасались;
 Смушпшь ихъ громы не могли;
 Мгновенно крѣпость облегли,
 Черезъ рвы, бойницы прелешають,
 Несутьъ съ собою алчну смерть,
 И въ огнедышущую птвердь
 По грудамъ мертвыхъ шѣль держаютъ.

Уже побѣдоносный мечъ
 Въ средину врѣзался невѣрныхъ,
 Кипяща кровь спремилась печь
 Во образѣ пошокъ черныхъ.
 Тамъ жалости, спасенья нѣтъ,
 Кто живъ еще, шотѣ казни ждетъ
 Къ покорству, къ миру за презрѣнье;
 Оно сихъ бѣдъ виною спавъ,
 Въ примѣрѣ грозящихъ намъ державъ
 Жестокое шетѣ опшщенье.

Сраженъ упорный Йзмаилъ,
 Со стономъ, съ шумомъ пала злоба,
 Дунай чело ея сокрылъ,
 Служа невольню вмѣсто гроба;
 И чувствую Агарянъ шпщдѣ,
 Въ брегахъ струи свои мушпшь,
 Реветь и пруды ихъ уноситъ
 Побѣдоносцевъ отъ лица;
 Но бѣдспвѣямъ не зря конца,
 Селимъ прошенія не проситъ,

Бодритъ мечпаніемъ свой духъ,
 Отъ чуждыхъ помощь видѣтъ часѣтъ,
 Но нашъ, Побѣда, вѣчный другъ
 Сію надежду помрачаетъ.
 На Россю возложь вѣнцы,
 Слѣшитъ, лепитъ во всѣ концы
 Наполнитъ звуками ихъ славы,
 Смушитъ враждующи державы,
 Заставитъ гордость препетать. . . .
 И сильныхъ шронъ поколебать.

Речетъ: „на Росса кто возстанетъ?
 „Онъ мной рожденъ враговъ губитъ;
 „Готовъ съ мечемъ, хощь міръ весь грянетъ;
 „Ему славиѣ другомъ бытъ.
 „Оприниме умыслъ, духъ мяшежный;
 „Россія слабымъ щипъ надежный,
 „А сильнымъ спрашная гроза,
 „Чувствительна къ любви, пріязни,
 „Спрога спрошпивымъ, буйнымъ въ казни,
 „Зависливыхъ мрачитъ глаза.

Пускай, какъ хочетъ мыслишь свѣтъ;
 Но вы, герои, восхищайтесь,
 Вамъ въ мужествѣ подобныхъ нѣтъ,
 Плодами дѣлъ своихъ пищайтесь!
 А вы къ Россіи за любовь
 Свою проливши щепу кровь,
 Среди побѣдъ лежащи мершвы!
 Вы не останетесь безъ жершвы:
 За спонъ, за лютость вашихъ ранъ
 Снежно будетъ врагъ погранъ.

Со именемъ ЕКАТЕРИНЫ,
Съ безспрашнымъ Росскихъ силъ вождемъ,
Смятемъ мы сушу и пучины,
Въ столицу варваровъ войдемъ ;
Мы иго съ Греція низложимъ ,
Мы сердце Азіи воспревожимъ
И свѣшу цѣлому явимъ ,
Что Богъ печестія гонитель,
Намъ правымъ щипъ и покровитель,
И шѣмъ за вашу смерть опмсшимъ.

---

*Въ воспоминаніе 10 дня Іюля 1783 года,
въ который вся область Крымская безъ
брани покоренная принесла торжествен-
ную присягу въ своемъ вѣрноподданствѣ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЪЛН-
ЦЕСТВУ ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.*

Сбдѣющая на шронѣ славы,
Примѣръ и красота Царей,
Какъ Богъ дающая уставы
Зерцало истины ТВОЕЙ,
Владычица народовъ славныхъ,
Которымъ нѣтъ на свѣтѣ равныхъ
Въ любви и вѣрности къ ТЕБѢ!
Какіе ТЫ въ сей день священной
Пріяла плески отъ вселенной!
Какой вѣнецъ сплела СЕБѢ! —

На Югѣ обращаясь духомъ,
Я вижу весь пространный свѣтъ
Внимающъ напряженнымъ слухомъ
Торжественный къ Крыму обѣтъ;
Я вижу тамъ народъ полпами
Идуцій скорыми стопами
На мѣсто скопища Ташаръ,
Гдѣ созидалися раздоры,
Совѣты разны, заговоры
И Крыму цѣлому ударъ.

Въ подножіи горы вѣсокой,
 Чшо Бѣлой жипели зовушѣ,
 Лежитѣ простерпой долѣ глубокой;
 И здѣсь ихѣ совершался судѣ;
 На семѣ-то мѣстѣ Крымцы нынѣ,
 Спаѣвъ подданны ЕКАТЕРИНѣ;
 Возвѣсивѣ гласы кѣ небесамѣ,
 Ей кляпву вѣ вѣрности вѣщаюшѣ,
 И спрашно мѣсто превращаюшѣ
 Въ священнѣйшій обѣповѣ храмѣ:

Вы; сильныѣ земли Владыки;
 Алкаючи другихѣ попрашѣ!
 Когда хопише бышѣ велики,
 И такѣ какѣ Россы побѣждашѣ;
 Вы дружески простерши длани,
 Идите вѣ шу спрану безѣ брашѣ;
 Гдѣ вашѣ вознесѣ хопише проиѣ;
 Война сердца ожесточаешѣ;
 Щедроша ихѣ приобрѣтаешѣ,
 Сугубя прелести коронѣ.

Война лишѣ шамѣ необходима,
 Гдѣ благоспѣю не лѣзя смягчипѣ,
 Гдѣ злоспѣ ничемѣ непобѣдима
 Ее дерзаешѣ раздражипѣ;
 А враждовашѣ мечемѣ ужаснымѣ,
 Чшобѣ бышѣ лишѣ спрашнымѣ и опаснымѣ;
 Ешѣ звѣрство, гибель самому. —
 Сколь благоспѣей велика сила,
 Царица Россовѣ шо явила
 Въ сей день кѣ безсмерпѣю свѣему.

Издревле варварамъ подвластну,
 Добычу люшыхъ ихъ мечей
 Избавила спрану прекрасну
 Опъ вѣчныхъ браней, мяшежей:
 Изъ области вражды, неспройсва
 Возникла область вдругъ спокойсва,
 И нову надъ собою власпъ
 Защитой божеской призначала,
 Въ сердечной радости вzywала:
 „О коль моя блаженна чаешъ!

„Сихъ двухъ морей свирѣпыхъ волны
 „Не спрахъ, не гибель мнѣ несущъ;
 „Но корабли сокровищъ полны
 „Поспѣшно въ мой предѣлъ плывущъ:
 „Въ Евсинѣ бранный громъ лешаетъ; —
 „Пускай ревещъ и поражаетъ,
 „То не мои уже бѣды - - - -
 „Въ сей грозный часъ среди оспрады
 „Сбирающъ сладки винограды
 „Мои спокойныя Орды

„Дерзнулъ ты, мира нарушитель,
 „Дерзнулъ приплыть къ моимъ брегамъ;
 „Но зря швой умыслъ, мой опмсшитель
 „Твой флотъ разсыпалъ по водамъ.
 „Забудь, что нѣкогда пы мною
 „Какъ бѣдной властвовалъ рабою:
 „А ешьли паки обуявъ,
 „Дерзнешъ мнѣ показать оковы;
 „Перуны всегда гоповы,
 „Спиратись низверженъ бышь спремглавъ.

„Текише, чуждые народы,
 „Въ блаженный сей, обильный край,
 „Гдѣ щедрой красою природы
 „Земной изображаетъ рай:
 „Я васъ обогащу плодами,
 „Довольствомъ хлѣба и спадами;
 „Въ садахъ, въ лугахъ, подъ тѣнью горъ
 „Возросшихъ до небесъ главою
 „При чистыхъ васъ водахъ спокою,
 „Увеселю вашъ духъ и взоръ.

„Изъ всѣхъ достойная едина
 „Имѣшь во власти цѣлый свѣтъ
 „Здѣсь мудрая ЕКАТЕРИНА
 „Ушавы крошки подаешь:
 „Воззрите, въ дни ЕЯ злашья
 „Колико вознеслась Россія,
 „Простершись отъ моихъ береговъ
 „До самыхъ краевъ Анадыря!
 „ЕЯ божественна порфира
 „Народамъ и Царямъ покровъ.

„Что въ мѣръ пришествіе денницы,
 „То былъ ЕЯ ко мнѣ приходъ:
 „Пресвѣтлый видя зракъ Царицы,
 „Возвеселился мой народъ. —
 „Какой исполнены оспрады
 „ЕЯ уста, и рѣчь, и взгляды!
 „Какъ величественный видъ!
 „Коль благость я ТВОЮ забуду,
 „Пусть въ вѣкъ ТОБОЙ презрѣнна буду
 „И потерплю ужасный стыдъ.

„Нѣтъ; сѣнь мнѣ ТВОЕГО Эгида
„Отъ всѣхъ защитой служилъ бѣдъ. —
Скончала рѣчь свою Таврида,
И слезы радости лиетъ.
Стамбулъ въ молчаніи глубокомъ
Все внемлетъ, и завистнымъ окомъ
Взираетъ на ея покой; —
Но то уже не возвратимо,
Что съ помощью небесъ хранимо
ЕКАТЕРИНИНОЙ рукой.

Въ день Тезоименишства
 ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
 ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
 ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ
 Самодержицы Всероссійской.

На взятіе Варшавы
 Въ 1794 году Октября 29 дня.

Сіяй, богиня, въ новой славѣ,
 Въ рѣнцѣ блистательныхъ побѣдъ;
 Орлы Россійскіе въ Варшавѣ,
 ТВОИХЪ уставовъ Польша ждепъ.
 Послѣднимъ въ Прагѣ ихъ ударомъ
 Во гнѣвѣ на мяшежныхъ яромъ
 Опверзлися враша во градъ,
 И въ видѣ испинно геройскомъ
 Вошла въ него Побѣда съ войскомъ,
 Мяшежь и гордоспъ свергнувъ въ адъ.

Давно ли служъ до насъ достигнулъ,
 Что ТЕОЙ безспрашнй Ахиллесъ ,
 Твой громъ въ предѣлы Польски двигнулъ?
 И се, какъ будто бы съ небесъ
 Слешѣвъ, мгновенно поражаетъ:
 Повсюду мечъ его сверкаетъ
 Къ гибели прошивныхъ силъ.
 Трещущъ села, вѣси, грады . . . .
 Се воинъ Росскiя Палады!
 Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

Въ смятенъе, въ ужасъ приведена
 Чудовищами ещенства
 Что мыслишь о ТЕБѢ вселенна,
 ТВОИ зря всюду шоржества?
 „Се ангелъ всѣмъ благотворящй,
 „ аздоры, ненависть гонящй
 „ Изъ свѣта пламеннымъ мечемъ!
 „ Предъ нимъ чудовищи пренещущъ
 „ И усрашенны взоры мещущъ
 „ На Россовъ рѣ бѣшенствѣ своемъ.

Угодно наконецъ судьбинѣ,
 Дабы съ покорною главою
 Поверглася вся Польша нынѣ,
 ЕКАТЕРИНА, предъ ТРОБОЙ.
 Такъ; правящй всѣхъ смерщныхъ долей
 ТЕБЯ своей свяшою волей
 Благословилъ на подвигъ сей;
 Предшествуя ТЕБѢ на брани,
 Простеръ Свои на помощь длани
 Въ защиту правоты ТВОЕЙ.

Блнспай на проѣ, утѣшайся
 Усердьемъ подданныхъ ТВОИХЪ!
 Державспвуй вѣчно, наслаждайся
 Плодомъ намѣреній благихъ!
 ТВОИ предѣлы не присупны:
 Сердца Россіянъ совокупны
 Преграда спрашная врагамъ;
 Огнь, мечъ ее не ужаеетъ,
 Военный громъ не попрыеетъ,
 Всегда защита крѣпка намъ.

- *) Свѣтлѣйшій Князь Италійскій Графъ Суворовъ Рым-
 ннскій, коего неподражаемые ни въ древности, ни въ
 новыя времена героическіе подвиги увѣнчаны хвалою
 и удивленіемъ цѣлаго свѣта.
-

Геройскій подвиго́ бѣвшаго Екатеринославскаго корпуса егеря, котораго въ числѣ тридцати Россійскихъ воиновъ, взятыхъ на одномъ съ Поляками сраженіи въ плѣнъ и приведенныхъ потомъ къ Польскому тиновнику, за дерзкое сего изреченіе въ оскорбленіе Высочайшаго имени МО-НАРХИИ Россійской отмстилъ, убивъ его изъ пистолета.

Ошличный мужествомъ и вѣрностію воинъ,
 Какихъ ны почестей, награды, любви достоинъ!
 Доколъ швоего шербнѣя спало силъ,
 Ты плѣнъ, ругательства, презрѣнне, спыдъ сносишь;
 Терпѣль хулы себѣ и поношенье войску,
 Превыше всѣхъ клеветъ являя честь геройску;
 Но шолько рѣчь швоихъ коснулася ушей
 Во оскорбленіе МОНАРХИИ швоей;
 Гнѣвъ сердце воспалилъ, вся кровь швоя вскипѣла,
 И казнь изъ рукъ швоихъ за дерзость излепѣла.
 Гдѣ болѣе ны могъ опважности явишь?
 Гдѣ спрахъ опмщенія удобнѣй могъ забышь?
 То имя, что собой полсвѣша украшаетъ,
 Почшеніе къ себѣ державамъ всѣмъ внушаетъ,

Съ которымъ каждый Россѣ нигдѣ не успрашимъ,
Которымъ славенъ онъ, и щаспливъ, и любимъ,
То имя оскорблять Полякъ безславный смѣетъ,
Предъ Россомъ, кто его смиришь всегда умѣетъ!
Я не жочу искать примѣра дѣлъ шакиръ;
Герой! ты будешь самъ примѣромъ для другихъ.
Твой подвигъ превознесшь жочу, но не дерзаю;
Предъ блескомъ онаго я лиру повергаю.
Увы! почто себя на свѣтѣ больше нѣтъ?
Ты зрѣлъ бы, какъ къ тебѣ признапеленъ весь свѣтъ.
Ты смерть пріялъ за честь, ты сердце успокоилъ;
Но оскорбишель швой руки швоей не стоилъ.

На Рожденіе
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАРО ВЫСОЧЕСТВА
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

*Юня 25 дня, 1796 года,
Въ селѣ Царскомѣ.*

Жилище Царскаго покоя, *)
Домъ славы, радостей, красотъ,
Гдѣ Промыслъ все во благо спроя,
Хранишъ и множишъ Царскій родъ,
Наполненное восхищеньемъ
Преобразилось нынѣ въ рай
ТВОИМЪ всерадостнымъ рожденьемъ,
Порфиросный НИКОЛАЙ.

*) Село Царское, въ кошоремъ вся ИМПЕРАТОРСКАЯ фамилія каждой годъ въ лѣтнее время имѣла ВЫСОЧАЙШЕЕ свое присущствіе.

Младенецъ, Россамъ даръ безцѣнной,
 Сопутникъ упренней зари!
 ТВОЕ явленье во вселенной
 Народы, Царства и Цари
 Срѣщаютъ нынѣ какъ планеты
 Восходъ свѣтила своего:
 Да узримъ въ поздны наши лѣпы
 Весь блескъ печеня ТВОЕГО!

Братъ АЛЕКСАНДРА, КОНСТАНТИНА,
 Будь сердцемъ, духомъ равенъ ИМЪ!
 Премудрость дастъ ЕКАТЕРИНА,
 И къ добродѣтелямъ Своимъ
 ТЕБѢ, какъ ИМЪ, стези покажешь;
 Какъ здравіе ТВОЕ хранишь,
 Какъ сердце къ благу преклонишь,
 Любовь Родительская скажешь,

Успокоенная и прославленная Россія.

На день рожденія

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢВНЫ

Самодержицы Всероссійской,

Отъ естранъ, гдѣ благосклонность неба
Являетъ вѣчно рая видъ,
И гдѣ лице прекрасна Феба
Не измѣняясь горитъ;
Гдѣ непрерывный пиръ природы
Питаетъ всѣ швореній роды
Не изшощаясь никогда;
Гдѣ раболѣпно чшупъ законы
Прелестной Флоры и Помоны
Земля, и воздухъ, и вода;

Гдѣ птицѣ всегда поющихъ гласы
 Небесный наполняютъ сводъ,
 Церера съ пучной нивы классы
 Двукратно пожинаетъ въ годъ;
 Гдѣ въ рощахъ навсегда зеленыхъ,
 Въ лугахъ цвѣтами изнещренныхъ
 Благоухаетъ ароматъ;
 Гдѣ вѣчно съ горъ крутыхъ, высокихъ
 Въ пространно дно долинъ глубокихъ
 Свергаясь шумный водопадъ,
 Въ воспоргъ, въ забвеніе приводитъ;
 Отъ области щасливой сей
 Чрезъ множество земель, морей
 Драгая къ намъ Весна приходитъ :
 Во слѣдъ за ней лепитъ въ нашъ край
 Увѣчанный цвѣтами Май.

О красныхъ дней царица мирна!
 При блескѣ своего лица
 Вся область облеклась эфирна
 Въ цвѣтѣхъ огненнаго багреца,
 И отъ своей улыбки милой
 Сокрылся видъ зимы унылой
 Къ веселью, къ жизни швари всей;
 Махнувъ холодными крылами,
 Навислы облака грядями
 Внутрь Сѣвера погналъ Борей.
 Едва дыханьемъ теплымъ, нѣжнымъ
 Разлившимся изъ успѣхъ своихъ
 Коснулась пы громадамъ снѣжнымъ
 Лежавшимъ на буграхъ земныхъ,
 Высоки горы обнажились,
 Снѣга въ источники разлились,

Журча, капяся со спремниѣ
 Въ пространство тающихъ долинѣ:
 Отъ долгаго оцѣпененья,
 Чшо люшый причиняетъ мразъ,
 Мать каждаго произраспенья
 Уже земля освободяся,
 Зелену ризу надѣваетъ
 И всѣхъ живопныхъ приглашаетъ
 На пицу, пише, покой:
 Всю, всю въ природѣ обновилось,
 Веселье всюду воцарилось
 Пришеспвiемъ весны златой:

Среди прiятствъ ея рожденна
 Въ сей день къ ошрадѣ Россiанѣ,
 Превыше всѣхъ Царей почтенна
 Владычица обширныхъ странѣ
 Во образѣ весны предшала,
 Когда на шронѣ возблистала
 Въ порфирѣ, бармахъ и вѣнцѣ:
 Россiя облеклася въ радость,
 Въ душѣ ЕЯ лилася сладость,
 Играло щастье на лицѣ. —
 Я мню въ восторгѣ вображенья
 ЕКАТЕРИНИНЫХЪ добротѣ,
 Чшо въ тихiй часѣ ЕЯ рожденья
 Весна, богиня всѣхъ красотѣ,
 Для нашихъ радостей, спокойсва
 Свои вдохнула ЕИ и овойсва,
 Чшобъ ЕЮ весь плѣнялся оѣнѣ;
 Чшобъ ЕИ подвластныя народы
 Блаженсва всѣ познали роды
 Къ забвенью пѣхъ жестокихъ бѣдѣ,

Когда и внѣ и внутрь Россіи
 Коварство, брани и раздоръ,
 Какъ въ бурю грозныя стихіи
 Ведущія ужасный споръ,
 Ея огромность колебали,
 Ея сосавы оппортали,
 Отбрасывая въ чуждый край;
 Какъ варвары вносясь надъ нею,
 Мрачили злобою своею
 Ея земель полдневныхъ рай.

Гасились спрашныя пожары;
 Но умыслъ искры въ пепелъ крылъ. —
 Опважный Россъ свои удары
 Къ самой Византіи спремилъ;
 Но звѣронравны Печенѣги,
 Хозары, Половцы, Языгъ
 Чиня спремительны набѣги
 Къ опустошенью краевъ сихъ,
 А здѣсь сосѣды просвѣщенны,
 Не меньше звѣрствомъ упоенны,
 Не меньше нанося вреда,
 Россію кровью обагрили,
 И нашихъ праотцевъ тогда
 Геройски руки упомили:
 Весь свѣтъ, казалось, былъ готовъ
 На ихъ погибель успремиться;
 Россія, древле спрахъ враговъ,
 Не знала, камо обратиться;
 Тотъ нагло полдень оппорталъ,
 Тотъ Сѣверъ жегъ, опустошалъ,
 А наконецъ къ лютейшей долѣ
 Возсталъ и врагъ Европы всей. —

Въ его-шо птягосіной неволѢ
 Влача она цѣпь люпыхъ дней,
 Безъ ушѣшенія спенала;
 И много прошекло ужъ лѣпъ;
 Какъ гнѣвная судьба престала
 Терзашъ ее свирѣпствомъ бѣдѣ.
 Россія силы собираешъ,
 Ослабши мышцы напрягаешъ;
 Свергаешъ иго со раменъ;
 Тиранъ ужасный низложенъ.
 Какъ мгла, какъ прахъ развѣянъ въ полѣ;
 Твердыни пали, рушенъ шронъ;
 Орда не сущесшвуешъ болѣ:
 Надволжскій пагубный Драконъ,
 Спрашившій видомъ развѣреннымъ;
 Съ боязнью служилъ опереннымъ
 Орла Россійскаго ппенцамъ.
 Онъ служилъ; — но въ гнѣздо другое
 Прешло его изчадѣ злое,
 Приставъ къ Евксинскимъ берегамъ:
 Дыхавшій прежде къ Россу адомъ
 Наполнило пол-оспровъ ядомъ:
 Изпочникъ премѣнилъ жерло;
 Но не изсякло въ ономъ зло. —
 Какъ паючи отъ глада звѣри
 Изхипшя къ добычамъ изъ норъ;
 Непроходимы съ ревомъ дебри,
 Ущелія, спремнины горъ,
 Селснѣя, пажилъ пробѣгающъ,
 И ешпли спадо обрѣшающъ,
 Спремяшя, гонилъ, рвушъ его;
 Ихъ злосшь еще жесточе глада,
 И половина гибнешъ спада
 Отъ ихъ свирѣпства одного:

Такъ шьмы Тапаръ ожесточаясь;
 Терзали южный нашъ предѣлъ,
 Подобно вихрю вознимаясь,
 Чрезъ множество градовъ и селъ;
 Уже столицы достигали:
 Сколь часто матери рыдали,
 Зря мершвыхъ или опьяныхъ чадъ!
 Сколь часпо въ ужасъ и сами
 Въ швердыняхъ крылись межъ стѣнами! —
 Богаты села шамъ горящъ,
 Во мглѣ ночной все небо рдѣшъ;
 То зря избѣгшій жипель, мнишъ;
 Что въ ономъ пламя свирѣбешъ;
 Которо домъ его изплишъ:
 Тамъ пыль пускаюшъ облаками
 Гонимы добычи врагами;
 Межъ коихъ люди какъ скопы
 Суровымъ вервиемъ влекомы
 И варвара бичемъ сѣкомы,
 Отъ люшой плѣна пягопы
 Кончаюшъ въ мукахъ жизнь и спрахъ;
 Младенцы, дряхлы старцы шамъ
 Разбросанные по стезямъ
 Лежашъ, задохшися во прахѣ. —
 Не можно всѣхъ шогдашнихъ бѣдствѣ
 Ни описать, ниже изчислить.
 Не видя къ облегченью средствъ,
 Не знали Россы, что помыслишъ.
 Ни частые походы ихъ
 Чрезъ дики степи и безводны,
 Лѣса и горы непроходны,
 Ни сильны пораженья злыхъ,

Ни шверды хищникамъ преграды
 Не приносили имъ оспрады,
 Не преставаля въ Россіи спонъ:
 Наказанны ожеспочались,
 Къ насильствамъ паки устремлялись,
 Уничшожая шьму препонъ.

Се нашей древности картина!
 Чшо было? — чшо мы нынѣ зримъ? —
ТЕБѢ, ТЕБѢ ЕКАТЕРИНА,
 Толь явно Промыслѣмъ самимъ
 Данъ скипешрѣ, чшобы насѣ спокоишь,
 Прославишь, вознести, устроишь
 Вержовно благо нашихъ дней;
ТВОЙ сильный мечъ Таварѣ смиряетъ;
 Но злостъ ихъ паче изчезаетъ
 Отъ духа благости **ТВОЕЙ**.
 Рекла; и Апласѣ спранѣ Россійскихъ
 Просперся до береговъ Поншійскихъ,
 Покорствуетъ надменный Таврѣ;
 Тавары не враги намъ болѣ,
 Живушъ, цвѣшутъ въ щасливой долѣ,
 Всего священнѣй чшя **ТВОЙ** лаврѣ.
 Ихъ прежню дикостъ оставляюшъ,
 Пріяшна дружба ихъ сердцамъ,
 И купно съ нами ублажаюшъ
ТВОЕ любезно имя намъ.
 Какъ Зефирѣ нѣжный и прохладный
 По роцѣ вѣя въ знойный день,
 Вливаешъ въ чувства сонъ опрадный
 Прибѣгшихъ подъ древесну тѣнь;
 Такъ милостъ, крошосъ, справедливосъ,
ТВОЯ любовь и прозорливосъ

Дають имъ чувствовашъ покой
 Подъ сѣнію ТВОЕЙ державы:
 Онъ изсточникъ вѣчной славы,
 Которой проиъ украшенъ ТВОЙ.
 Пороговъ Борисѣенскихъ жительство,
 Въ семействѣ мира нарушилъ,
 Защитникъ наглоспи рабовъ
 Клятвопреступныхъ и развратныхъ.
 Раскаясь, днесъ въ мѣстахъ приятныхъ,
 Въ числѣ усердѣйшихъ сыновъ
 Служа ТЕБѢ нелицемѣрно,
 Предѣлы Царства ТВОЕГО
 Отъ мыслящихъ во вредъ его
 Хранишь и бдительно и вѣрно.

И шако грозны времена
 Отъ взора ТВОЕГО сокрылись,
 Вражда и многихъ лѣтъ война
 Со стономъ въ шарахъ удалились,
 И прежнія жилища ихъ
 Пустыни дики и ужасны
 Въ полдневныхъ областяхъ ТВОИХЪ
 Превращены въ мѣста прекрасны.
 На берегахъ памѣ шумныхъ рѣкъ
 Возникли крѣпости и грады,
 Цвѣшутъ веселы верхограды;
 Возлюбленный покой припекъ,
 Престоль свой тамо утверждаетъ,
 И благъ лія обильный шокъ,
 Онъ Западъ, Сѣверъ и Востокъ
 Въ свою обитель приглашаетъ.
 Спекаются отъ разныхъ странъ
 Для водворенія народы
 Какъ многочисленныя воды
 Впадающія въ Океанъ.

Всі́д, всі́д пріяло новы́й видѣ!
 Кпо-жѣ чудеса сіи пворитѣ?
 Чья тамо дѣйспвуетѣ десница? —
 ТВОЙ разумѣ, кропкая Царица,
 ТВОЙ промыслѣ, ТВОЙ великій духѣ.
 Какѣ шолько царствоватѣ ТЫ спала,
 Временѣ преобрапился кругѣ,
 Весна вѣ Россіи возблиспала.

Но недругѣ щаспливыхѣ людей
 Та Завистѣ мрачная, чшо скрышо
 Кривою идучи спезей,
 Взираетѣ издали несышо
 На чуждый блескѣ и красопы,
 На часѣ спокойна бытѣ не можетѣ,
 Насѣ видя вѣ славѣ, перспы гложетѣ;
 Раздоры сѣетѣ, клеветы,
 Чшобѣ всѣхѣ пропиви насѣ подвигнушѣ
 И цѣли пагубной доспигнушѣ.
 На Черныхѣ спранспвуга водахѣ,
 Вѣ Балпійски ядѣ свой проливаетѣ,
 И пламенникѣ держа вѣ рукахѣ,
 Востокѣ, Югѣ, Сѣверѣ возмуцаетѣ. —
 „Смошрите какѣ она цѣѣтетѣ
 „По шоржествѣ своихѣ побѣдѣ!
 Такѣ Завистѣ скрежеца зубами
 Имѣ о Россіи говоритѣ:
 „Куда еще свой взглядѣ спремисѣ,
 „Владѣя многими морями?
 „Державную просперши власпѣ
 „Отѣ Тавра кѣ краямѣ Анадыра,
 „Держа Европы знашну часпѣ,
 „Вниманѣе обрацаетѣ міра

„На сильну мочь свою и блескъ,
 „На всѣ свои побѣды звучны,
 „На дни свои благополучны,
 „На громкій въ ликованьи плескъ,
 „Стамбулъ! чего ты ожидаешь,
 „Въ чужихъ рукахъ свой видя Крымъ?
 „Что время въ плачѣ убиваешь,
 „Не чая обладать ужъ имъ?
 „Взирая на себя съ презрѣньемъ,
 „Онъ рветъ оковы съ восхищеньемъ,
 „Въ кошорыхъ ты его держалъ:
 „Иной и скиптръ и мечъ лобзаетъ,
 „Иной успавъ онъ обожаетъ,
 „А свой отвергнувъ и попралъ.
 „Еще помедли; грянутъ громы,
 „Твои пвердыни попрясутъ,
 „Огнь молній воздымаясь дома,
 „И рѣки крови попекутъ.
 „На капищахъ, своихъ увидишь
 „Тотъ Крестъ, который ненавидишь,
 „И Орле знамя на стѣнахъ;
 „И прежде чемъ оно возвѣстъ,
 „Единый спрахъ уже посѣстъ
 „Изъмѣну во своихъ рабахъ. —
 „А ты, Спокгольмъ, поль долго спящій
 „Въ недугахъ огнь Полпавскихъ ранъ,
 „Безъ пользы Карла возносящій,
 „Который памъ ПЕТРОМЪ попранъ,
 „Спокойно смопришь, безъ досады
 „На процвѣщающіе грады,
 „На вѣкъ отвѣтны огнь тебя?
 „Зри, какъ Пешрополь гордъ, прекрасенъ,
 „Великъ, богатъ и безопасенъ, ...
 „Какъ онъ надеженъ на себя!

„Твои пути прежде были блага,
 „Кремнистые бугры и лѣса:
 „Страна швоя свинцомъ богата;
 „Но ты пути зданій не вознесъ?
 „Въ швоихъ земляхъ Нева спруилась;
 „Почшо она не сѣдинилась
 „Иныхъ съ пространнымъ покомъ водъ?
 „На брегъ и видъ ея надменный,
 „На храмы, дома взоръ вперя,
 „И тамо образъ вознесенный
 „Великаго Героя зри:
 „Се гордоспи швоей смиришель!
 „Се швой преславный побѣдипель!
 „Повергнися къ его стопамъ!
 „Признай швой стыдъ! . . . дай волю злобѣ
 „Таящейся въ швоей упробѣ
 „И успрѣмишься гладнымъ лвамъ.
 „Но ты монмъ словамъ не внемлещь,
 „Боишся грянушь, чшобъ не пасшь,
 „Взирая на Пешрополь, дремлещь;
 „Господспвующа въ ономъ власшь
 „Крѣпиль его и охраняешъ,
 „Обогащаетъ, укращаетъ;
 „Ея совровищъ корабли
 „Въ очахъ швоихъ чрезъ Белшъ дерзакотъ;
 „Тебя уже ли не прельцаютъ
 „Богатства чуждыя земли? . . . .
 Впослѣдокъ обращайся къ Варшавѣ,
 Свой голосъ возвышаетъ къ ней:
 „И ты была когда-шо въ славѣ;
 „А нынѣ буйныхъ скопъ людей.
 „Почшо ты брань шворишь усобну,
 „Разрушишь швой престолъ удобну?

„Воззри на области швои;
 „Къему вся спесь необычайна?
 „Скажи мнѣ, гдѣ швоя украйна?
 „Поцаршвуешь не многи дни.
 „Коль древле шы края чужія
 „Умѣла нагло ошпоргашь,
 „Не мнишь ли шы, чшо ихъ Россія
 „Рѣшилась вѣ вѣкѣ не возвращашь? —
 „Я вѣ двухъ вражду державахъ сѣю,
 „Чшобѣ спрашну брань воздвигли сѣ нею;
 „А шы межѣ шѣмѣ гошова будь. —
 „Твои Герои хипры, смѣлы;
 „Ты заградишь вѣ швои предѣлы
 „Ея на Полдень войскамѣ пупь;
 „Преграды флоту Шведѣ поставишѣ,
 „Лишь шолькобѣ не кѣ своей бѣдѣ. —
 „Сія, сія война прославишѣ
 „Васѣ всѣхъ на сушѣ и водѣ.
 „Но ештли рѣкѣ дѣла премѣнишѣ,
 „Иль само шаспѣе измѣнишѣ;
 „Надежнѣйшихъ ищипе средствѣ:
 „Ядѣ мнимой вольности лиется,
 „Пушѣ онѣ по всюду разнесешя
 „Горчайшихъ кѣ приключенью бѣдствѣ;
 „А послѣ . . . „, Зависть рѣчь скончала,
 Раздорами наполнивѣ свѣшѣ. —
 Чшо вижу? буря вдругѣ возшала,
 Шумишѣ война, Евксинѣ реветѣ,
 Агарянѣ флотѣ по безднѣ роешѣ,
 Крушяся, пѣнясь бездна воешѣ;
 Ко злобѣ движешя весь адѣ:
 Тамѣ ихъ на сушѣ пѣмы несчешны,
 За висошами горѣ примѣшны
 Подѣмля пыль, свѣшѣ солнца пимашѣ.

Идутъ, и пашвы исчезающъ
 Въ единый мигъ отъ глаза ихъ,
 Отъ жажды рѣки иссыхающъ,
 Пылаетъ огонь въ лѣсахъ густыхъ;
 Далеко слышны воли, крики
 И звукъ ихъ варварской музыки.
 Но грозны сонмища сіи
 Облегши море, грады, суши,
 Чуть держатъ въ тѣлѣ робки души,
 Увидя, Россѣ, полки швои.
 Сразились, и всюду пали,
 Въ швердыняхъ, на землѣ, водахъ;
 Несыпу зависъ проклинали
 Вселившуюся въ ихъ сердцахъ.
 Совлекшись брани, мира просятъ
 И земли новыя подносятъ
 На вѣкъ Владычицѣ швоей,
 Копорой правда, мечъ и сила
 Уже спокрапъ ихъ низложила
 Ко удивленью всѣхъ Царей.

И Готтоафъ рушила коварство
 Усердно поборовшихъ имъ:
 Впорично потряслось ихъ царство
 Ударомъ гибельнымъ швоимъ
 Въ ужасной битвѣ средъ пучины
 Въ очахъ самой ЕКАТЕРИНЫ:
 Тогда ЕЯ Великій духъ
 Прешедъ въ сердца ЕЯ героевъ,
 Рѣшилъ кровавыхъ участь боевъ,
 Съ побѣдой миръ возстава вдругъ.

Спокойнобъ было все, въ единой
 Въ единой Польшѣ зрю раздоръ:
 Въ брань движимая буйствъ пружиной
 Минервицѣ обратила взоръ

На всѣ дѣла свои прошивны,
 Коварны замыслы, и льспивны
 Ея мяшежнымъ головамъ:
 Погибла бы сама еобою . . . . .
 Уже Минервиной рукою
 Предѣлъ посшавленѣ мяшежамъ.
 Ихъ скопы въ Прагѣ огражденны
 Мечемъ преобразились въ прахъ,
 Наказанны и побѣжденны
 Всю Польшу зрящѣ уже въ рукахъ
 Славнѣйшей въ свѣтѣ Героини,
 Россянѣ Машери, Богини:
 ОНА побѣдою имѣ сей
 Ихъ древни грады возврашила,
 Варшава кои шягошила
 Толь долго власпію своей,

Опечесство мое любезно!

Къ тебѣ я обращаю рѣчь:
 Ты зришь, коль славно, коль полезно
 ЕКАТЕРИНА сильный мечъ
 Въ швой блескѣ, въ зашпиу обращаетъ!
 Съ какою кропосшью вѣщаетъ
 Къ блаженству швоему законъ!
 Ты зришь дѣла ЕЯ велики,
 И многочисленны языки
 ЕЯ богошворящи шронѣ:
 Зришь дивное свое пространство,
 Величіе, покой и власть,
 Нераболѣпное подданство,
 Завиднѣйшую въ свѣтѣ часпѣ;
 Ты видишь, что въ швои предѣлы
 Идутъ народовѣ сонмы цѣлы

Вкушать довольство благъ пвоихъ;
 Похвалъ тебѣ внимаешь звуки,
 Цвѣшущи зришь въ тебѣ науки
 И виды совершенствъ иныхъ;
 ЕЯ премудрости по дѣло,
 ЕЯ по благоспи плоды. —
 Усердіе всегда умѣло
 Такихъ Владыкъ почтись пруды
 И добродѣтели ихъ громки; —
 Но спросятъ нѣкогда пошомки:
 „Гдѣ-жъ благодарность Россіянъ
 „Къ Великой ихъ ЕКАТЕРИНѢ?
 „Мы зримъ ПЕТРА въ мѣди и нынѣ;
 „А зракъ ЕЯ не изваянъ;
 „Не вознесенъ въ очахъ вселенной
 „ЕЯ безсмертной славы храмъ,
 „Въ кошоромъ нами ЕЙ возженной
 „Курилсябъ вѣчно фиміамъ.

ЕКАТЕРИНЪ II.

Великой, милосливой, мудрой.

Къ торжеству возшествія на престолъ:

(Переводъ.)

Къ лавровому вѣнцу, что свѣтъ сплетаетъ цѣлый
 ТЕБѢ, о слава, честь и красота Царей!
 Не смѣлъ бы я приплестъ и мой цвѣтокъ незрѣлый,
 Небесной благости не чувствуя ТВОЕЙ:
 Она малѣйшій даръ ума не презираетъ,
 Коль токмо сердце пѣснь Писа возвышаетъ,
 Когда чувствительность вѣщаетъ съ правдой въ ней.

ТВОИ дѣянiя велики и чудесны;
 Дивися имъ, гремитъ о нихъ весь шаръ земной:
 Да торжествующъ ихъ превыспреннiя пѣснi!
 Довольно къ пѣнiю мнѣ Благости одной.
 Сiе сокровище, сей даръ безцѣнный неба
 Въ вѣнцѣ ТВОЕМЪ горитъ какъ лучъ прекрасный феба:
 Не добродѣтель ли въ порфирѣ зрю златой?

Цѣль всѣхъ ТВОИХЪ трудовъ народное блаженство
 И веледѣльнаго печенія предметъ :
 Чѣшобъ подѣ ТВОЕЙ вкусить державой благоденство,
 Отъ упра, вечера чредой народъ печешъ.
 Далекія спраны на знапыны миліоны
 Взирающъ съ зависью: нѣшъ къ щасстью имъ препоны;
 Оно для всѣхъ людей въ душѣ ТВОЕЙ живешъ,

И гдѣ блаженства вѣшъвъ, гдѣ лучше процвѣшашъ,
 Когда не подѣ ТВОЕЙ божешпенной рукой ?
 Такъ, благоспи ТВОЕЙ блешкъ крошкѣй проницашъ
 Все увеличенно владычешство ТОБОЙ :
 Обширные луга цвѣшущъ въ Россіи ею,
 Обиліе печешъ свободной памѣ спезею,
 Гдѣ дикій ужасалъ насъ видѣ земли пущой.

Изъ всѣхъ великихъ дней, прешвѣшлыхъ шоржешствами,
 Чѣш эрѣлъ щасшливый Россѣ, шощъ день всегда виднѣй,
 Когда народовъ шъмы и сердцемъ и уешпами,
 И близко и вдали какъ матѣри своей
 ТЕБѢ ихъ первое вѣщали поздравленъе,
 Въ восторгѣ духа зря пущыней превращенъе
 Въ жилище Райское блаженнѣшшихъ людей.

Россія! пользуйся еще на долго время
 Сей благосшью ЕЯ въ величешствѣ своемъ ;
 Подѣ оной вѣшъвию небешной, Росско племя,
 Покойся и желай Владычицѣ, чѣшобъ всѣмъ
 Намѣренъямъ Своимъ всегда благословеннымъ,
 Полезнымъ для шебя, для свѣша драгоцѣннымъ,
 Ещѣ давѣ дѣшшвие, вѣнчала бышiemъ !

Чувствованія бранноноснаго года 1795,
въ пѣсняхъ посвященныя Хранишелю
Опечесства. (Переводъ.)

*Представлены въ сочиненіи Капельмейсте-
ромъ Л. Штамитцомъ 1795.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Музыкальнаго представленія.

*Музыка начинается увертюрою на скрилкахъ
и духовыхъ инструментахъ; потомъ пѣніе*

Х О Р А

(съ полнымъ акомпаниментомъ: глось важень и шорже-
швень.)

Въ вечерній часъ бесѣды нашей мирной,
Друзья! минувши вспомнимъ времена;
Признапельность да будетъ въ пѣсни лирной
Хранишелю всѣхъ насъ посвящена.
Невидимый досель онъ былъ блюшитель,
Онъ Геній былъ родившей насъ земли:
Опечесства драгова покровитель!
Изъ устъ пѣвца пѣсь радостну внемли.

Б А С Ъ.

Арія для одного лѣвца.

(Музыка изображаетъ чувствіе содроганія, на подобіе стремительнаго теченія рѣки, продолжаемое до 7 стиха; пошомъ голосъ опять перемѣняется).

Толпы враговѣ излпшь клянупся мщенье,
Ужасный громѣ по всѣмѣ мѣспамѣ ревешѣ,
Вездѣ вѣ поляхѣ пожарѣ, опустошенье,
Гдѣ звукѣ шрубы Беллоны вѣ бранѣ зовешѣ:
Тожѣ самое хищенье и пожары
Готовились для рождашей насѣ земли.

Х О Р Ъ.

Редитативѣ.

Ты, Геній нашѣ, опвлехѣ сіи удары;
Пѣснь благодарности за шо внемли.

Дискантѣ.

А Р І Я .

(Изображеніе, второй шпрофѣ совсѣмѣ прошивуположное, всюду веселое и дышущее удовольствіемѣ. — Кѣ двумѣ послѣднимѣ стихамѣ прѣспаешѣ хорѣ).

Друзья! веселье вѣ сей цвѣло долиниѣ,
И намѣ пришлецѣ его не везбранялѣ;
Собраній нашихѣ и шоржествѣ до нынѣ
Нашеспіемѣ никто не прерывалѣ.

На сей горѣ мы въ хорахъ, въ пляскахъ зрѣли
Своихъ друзей ликующихъ вокругъ насъ.

Х О Р Ъ .

Воспѣшь тебѣ мы сладкій Гимнъ хопѣли;
О Геній нашъ! внимли усердный гласъ!

4.

Два голоса.

(Пѣснь безъ искусства шекущая; но музыка изображаетъ
важное спокойствіе. — Въ пятомъ стихѣ и шестомъ
пѣснь возвышается, подкрѣпляема будучи всѣми
инструментами даже до высокой пышности.)

Что здѣсь союзъ насъ дружбы сопрягаетъ,
Что сладостный вкушаемъ мы покой,
Что въ храмъ семъ насъ голосъ восхищаетъ
Изъ устъ пѣвицъ поющихъ въкъ златой;
Что нашихъ струнъ лѣнишельно искусство,
Что важенъ звукъ лишавръ, сладка свирѣль,
О Геній нашъ! сіе блаженно чувство
Ты въ насъ вдохнулъ, ты нашихъ пѣсней цѣль.

(Четыре послѣдніе стиха повтораешь хоръ во весь голосъ
и музыка разливается торжественно.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

*По краткомъ введеніи игры на инстру-
ментахъ*

пѣетъ Б А С Ъ.

Одна мольба, одно къ тебѣ желанье
Распроганной шеперь души пѣвца:

Рецитати въ.

Да Марсовъ вопль опсель, раздоръ, спенанье
Съ алчбой губить исчезнушъ до конца,
И въ злыхъ скопищахъ всю звѣрство мщений
Съ насильствомъ, ужасомъ людей,
Паренье ложныхъ изсуплений
И духъ рушишель связи всей:

6.

ЧЕТЫРЕГЛАСНЫЙ ХОРЪ.

(Начинается потчасъ послѣ рецитаціи послѣдняго сщѣха.
Музыка изображаетъ объемлющее и поржешвенное
чувствованіе. Пѣніе безъ всякаго искусства, про-
шное.

О Ты, всемъ правящій съ высотъ Эира!
Опечесство Ты наше сохрани;
Да подъ Твоимъ покровомъ мы средь мира
Спокойные окончимъ дни.

Голосъ Дисканша.

(Со внутреннею прогашельностію.)

Да никогда не узришь наше око
 Окровавленныхъ здѣсь мечемъ полей!
 Да преидемъ въ царство, гдѣ спокойствіе глубоко,
 До пламени раздора, мяшежей!

(Два прежніе стиха: *да никогда не узришь* и проч: повтораешь хоръ.)

7.

АРІЯ СОЛО.

(Музыка спарается изобразить самую тихую и сладкую задумчивость, уклоняясь отъ всѣхъ выскочекъ мрачнаго или дикаго изсщупленія. Въ срединѣ оной инспруменшы играютъ пѣаниссимо, какъ бы умирающимъ голосомъ, и пѣніе только въ двухъ послѣднихъ стихахъ возвышается по прежнему.)

И можешъ быть во время опдаленно
 Хоръ нашихъ внуковъ пѣснь сію прочпешъ:
 Минувшее оспанешся забвенно,
 Піипа и пѣвецъ оставятъ свѣшъ,
 Умолкнешъ голосъ устъ и спрунъ бряцанье;
 Но пѣснь сія попомкамъ дастъ узнатьъ,
 Чшо было въ насъ къ Гармоніи признанье,
 Чшо мы ее умѣли обожатьъ:

Кваршетъ.

(Дружественнымъ голосомъ отъ всего сердца и сливаясь
во едино.)

Кончая пѣснь, вѣнокъ вы соплешите,
Вы, въ коихъ чувство истины живете,
И руки къ намъ чредой своей простриете,
Вы, коихъ связь отечество блюдетъ:
Да видяте радостно въ рядахъ сплешенныхъ,
Кто нашъ невидимо покой хранитъ,
Признапельность сердецъ непринужденныхъ!
Да наши онъ мольбы благословитъ!

(При семъ потчасъ воспеваешь пѣвецъ при сопровожденіи
редипашива.)

Свѣтъ, свѣтъ въ Гармоніи!
Цвѣти, Россія,
Съ народомъ храбрымъ!

(Трубы и лишавры со всѣми инструменшами вдругъ при-
спаютъ и подкрѣпляютъ выраженіе пѣнія.)

(По весьма краткомъ замолчаніи возглашаетъ во весь го-
лось тройной хоръ еще разъ съ чувствомъ и поетъ:)

Отечество! земля рожденя!
До нынѣ Богъ себя хранилъ отъ бѣдъ. —
Возвысьте духъ благодареня;
Доколь живемъ, Его мы будемъ пѣть.

ИСКРЕННОСТЬ ПАСТУШКИ.

Подъ тѣнію густою
Близъ шихаго ручья
Сидѣла долго я
Терзаема тоскою.
Вдругъ миленькой дружокъ
Любезный паспушокъ,
О комъ я воздыкала
И спрасъ открытъ желала,
Но не могла открытъ,
Пришелъ поговорить.

Печаленъ, скученъ, поменъ,
Вздохнувши мнѣ сказалъ :
„Я долго спрасъ скрывалъ,
„Не буду больше скромнѣ;
„Давно тебя любя,
„Соскучилъ безъ тебя;
„А ты того не знаешь
„И здѣсь себя скрываешь
„Опть взора моего,
„Не знаю, для' чего.”

Ахъ! какъ же я смутилась,
 Когда онъ по сказалъ;
 Какъ онъ мнѣ жалокъ сталъ!
 Я шупъ же-бъ согласилась
 Ему за это дашь
 Себя поцѣловать.
 Пришелъ конецъ мученьямъ;
 Любовнымъ восхищеньямъ
 Наспушитъ скоро часъ:
 Любовь, спрягай ны насъ!

И я должна опкрышья
 Въ мученіи своемъ:
 Но только лишь о помѣ
 Хотѣла извяснишья,
 Вдругъ баринъ подскочилъ;
 Онъ зайцовъ шупъ правилъ:
 Тихонько къ намъ подкрался,
 Со мной поцѣловался;
 „Я эпова не зналъ,
 „Что здѣсь ны,, онъ сказалъ.

„Какъ ны мила, прекрасна!
 „Скажи: изъ насъ ково,
 „Меня или ево
 „Ты вѣкъ любишь согласна?,
 Потомъ сказалъ другой:
 „Пожалуй свѣпникъ мой,
 „Ты съ сердцемъ согласишья,
 „Тово любишь склонися,
 „Ково оно велишья,
 „Къ кому оно горипья,,

А баринѣ золотиыя
 Мнѣ горы посулилѣ,
 И пакѣ мнѣ говорилѣ:
 „Я камни дорогія
 „Имѣю у себя;
 „Я ими всю шебя
 „Украшишь обѣщаю;
 „Я пьмою обладаю
 „И злата и сребра,
 „И всякаго добра.

„Вѣ одеждахѣ изпещреннихѣ
 „Ты спанешъ щеголяцѣ;
 „Ты будешъ разѣѣжашъ
 „Вѣ каретахѣ позлащенныхѣ
 „По вопчинамѣ, садамѣ,
 „По замкамѣ и лугамѣ;
 „А эшо всіо имѣне . . .
 „Опдамѣ вѣ пвое владѣне:
 „Ты будешъ госпожой,
 „А я любовникѣ швой.

„На пиршештвахѣ пріятныхѣ
 „Мы будемѣ ѣсть и пить.
 „И головы кружишь,
 „Какѣ водишся у знашныхѣ . . .
 „Ушѣхи шамѣ рѣкой
 „Польюшся предѣ побой:
 „Захочешъ веселишся,
 „Вдругѣ музыка явишся;
 „Тамѣ спанушѣ пѣшь, и играшъ . . .
 „И много шанцовашъ . . .

„Высокіе чертоги
 „Жилищемъ будуць намъ:
 „Повсюду роскошь шамъ;
 „Вездѣ пріятства многи.
 „Тамъ живопись блеспитъ,
 „Тамъ золото горитъ;
 „Мы будемъ жить пріятно,
 „Великолѣпно, знатно.,,
 А пошь, кто былъ мнѣ милъ,
 Ромъ что мнѣ говорилъ;

„Мое одно имѣнье
 „Любви нелестный жаръ;
 „Прими ево ты въ даръ
 „И въ вѣчное владѣнье,
 „И пшички и цвѣтки,
 „И ленпы, и вѣнки
 „Намѣсто изпеццренной
 „Одежды драгоцѣнной
 „Я спану приносите,
 „И ихъ щебѣ даришь,

„Ни вопчинѣ нѣшь за мною,
 „Ни замковѣ, ни садовѣ;
 „Но я всегда готовѣ
 „Жить въ хижинѣ съ побоемъ,
 „Ея прохладна тѣнь
 „Средь лѣша въ жаркій день
 „Къ покою призываетъ:
 „Хоть пища шамъ бываетъ
 „Простая за столомъ;
 „Да что мнѣ нужды въ шомъ?

„Мой веселъ малый ужинъ ;
 „Онъ дружбой припасионъ
 „И дружбою красионъ ;
 „Такъ намъ и балъ не нуженъ :
 „Свирѣлка и гобой,
 „И пѣсни тоиъ простой
 „Тебѣ пріятели будеть :
 „Паспушка не забудеть ,
 „Что щастье шамъ живеть ,
 „Гдѣ пышной жизни нѣтъ.,,

Я это всё смекнула ,
 И барину потчасъ
 Я сдѣлала отказъ ;
 А паспушку шепнула :
 Чшобъ онъ спокоенъ былъ
 И послѣ посѣшилъ
 Мое уединенье ;
 И чшобы въ награжденье
 Такихъ пріятелихъ словъ
 Принесъ мнѣ пукъ цвѣшовъ.

---

*Изображеніе Анеты въ легкихъ
гертахъ.*

Твои пріятности, Анета,
Умѣли многихъ взоръ привлечь,
Живой пвой взглядъ, молодые лѣта,
Твой голосъ нѣжный, сладка рѣчь,
Лице открытое, прекрасно,
Во всемъ съ душой пвоей согласно,
И бѣлая какъ мраморъ грудь
Спрѣлой любви не уязвлена,
Дыханьемъ легкимъ оживлена
Могли нечувствственныхъ пронуть.
Не лъзя, не лъзя не любовашься
Твой прогулкою въ садахъ;
Я долженъ искренно признашья,
Ищу тебя во всѣхъ мѣстахъ,
И естли встрѣчусь гдѣ съ тобою,
Твоей плѣняюсь красою,
Не для того, чѣтобъ мнѣ вздыкашъ:
Влюбилсѣбъ смершно — я не камень;
Но рокъ судилъ любовный пламень
Къ одной красавицѣ пишашъ.

Влюбиться можно лишь въ едину,
 Одно и сердце у меня ;
 Я на тебя какъ на картину
 Могу безъ вздоховъ, не спения
 Взиратьъ съ пріятностію, съ чувствомъ
 Тобой лѣбнаться какъ искусствомъ
 Художной кисти или рукъ,
 Лобзая чершы лица и персты
 И груди не совѣмъ отверзшы
 Безъ ощущенья въ сердца мукъ.

Примѣшь, какъ взгляды я бросаю,
 Когда гуляешь ты въ саду ;
 Твой слѣдъ повсюду наблюдаю,
 Чтobъ мнѣ имѣшь тебя въ виду,
 Нарочно я съ тобой встрѣчаюсь,
 Нарочно вижусь и прощаюсь,
 Чтobъ руку лишь поцѣловашь,
 Кошорая нѣжна и спройна,
 Бѣла, румяна и достойна,
 Чтobъ съ чувствомъ на нее взиратьъ.
 Примѣшь, какъ встрѣбися желаю
 Продлишь твой милый разговоръ,
 Чтobъ тѣмъ, чемъ я себя ласкаю,
 Еще, еще насыпшишь взоръ,
 И часто самъ, сказавъ два слова,
 Опять ихъ начинаю снова,
 Чтobъ долѣ съ тобой побышь,
 Чтobъ поступъ разсмотрѣшь свободну,
 Твой видъ, осанку благородну
 И все, что можетъ изумишь ;
 Станъ правильный и ростъ пристойный,
 И жаръ очей и спройность ногъ,
 Твой ходъ и шикій и спокойный ;
 И то, что я лишь только могъ

Однимъ проникнушь въображеньемъ:
 Пльняюсь каждымъ я движенъемъ
 И каждымъ словомъ успѣ пвоихъ.
 Но спрасъ ли по или иное?
 Одно сужденіе прямое,
 Невинный выборъ чувствъ моихъ,
 Вкусъ общій, здравый, безприсраспный
 И склонность прелести цѣнишь.
 Языкъ мой съ мыслями согласный
 Дерзнулъ за многихъ говорить.
 Онибъ и болѣ сказали,
 Когда бы меньше почипали
 Твою спыдлиность, скромность, умъ...
 Скажите все, не сокрывайте,
 Своихъ сердецъ не принуждайте;
 Скажите: „сладость нашихъ думъ!
 „Узнай, любезная Анепа,
 „Мы всѣ невольники швои;
 „Ты намъ милѣ жизни, свѣта. —
 То ихъ воспорги, не мои:
 Безъ понкаго въ словахъ испусва
 Я ихъ пишу едины чувсва.
 Ахъ естли бы имѣлъ я даръ
 Иль Сафы, иль Анакреона,
 Или Овидія Назона,
 Которыхъ спихопворства жаръ
 Бывъ чище, пламеннѣ феба,
 Въ сердца мгновенно проходилъ,
 Который души вспламенилъ
 Власпшелей земли и неба;
 Тогдабъ, успроивъ голосъ мой,
 Напечатлѣлъ я образъ швой

Въ очахъ не видѣвшихъ Анеты:
 Я сдѣлалъ бы, чшобъ всѣ предметы
 Въ иномъ казались видѣ имъ;
 Чшобъ каждый бышь мечталъ съ шобою,
 Съ Анетой милой, дорогою,
 Съ прелестнымъ Ангеломъ своимъ.

---

*Похищенные волосы у Анеты
 въ перстень.*

Напрасно ты хранишь спаралась
 Прелестны волосы швои;
 Любовь не меньше полагалась
 На хитры выдумки свои.

Любовь на нашу ошпорожность,
 Всегда съ усмѣшкою глядитъ,
 Препяшства, шрудъ и невозможность,
 Орудіемъ успѣховъ чшитъ.

На легкихъ крылошкахъ лешая,
 Она подкралась и къ тебѣ,
 Прилжно взглядъ швой наблюдая,
 Нашла минушу по себѣ.

Вселила вдругъ въ тебя забвенье,
 Вложивъ въ уста обилье словъ,
 И срѣзала въ одно мгновенье
 Твоихъ не много волосковъ.

Потомъ вспорхнувши полешѣла,
Гордясь добычею своею:
Ты въ изумленьи, не кошѣла
Повѣришь хитрой пайнѣ сей,

Смущенье на лицѣ явилось,
Румянецъ ѣбжнѣй заигралъ. —
Прости, что дѣлать? такъ случилось,
Ужъ я давно шово искалъ.

П И С Ь М О
К ъ А н е ш ъ .

Анеша! швой любезный видѣ
Плѣнилъ мою на вѣки душу,
Тобою кровь моя горитѣ,
Тобой мое спокойство рушу.
Оспавъ шы мнѣ вину мою,
Что Ангельску красу швою
Вселенной всей предпочитая,
Дыша шбой и умирая,
Тебѣ опѣ сердца говорю;
Кшо виненѣ въ шомѣ, что я горю?
Когда въ прещасшливой свободѣ
Еще не знавѣ себя я жилѣ;
То не было красы въ природѣ,
Которой бы я плѣнникѣ былѣ:
Я былѣ ко всѣмѣ имѣ равнодушенѣ,
Не сердцу, разуму послушенѣ,
И клялся вѣкѣ свободнымѣ быти:
Ты шолько на меня воззрѣла,
Вмигѣ кровь холодна закипѣла: —
Какѣ кляшвы шупѣ не позабышь!

Вы, коимъ спраспи неизбѣжной
 Пріятность райская чужда,
 Убѣгнушь спрѣль любви нѣжной
 Вы не клянись никогда:
 Довольно ешь еще прекрасныхъ
 Для сердца пвердаго опасныхъ;
 Не та, другая васъ плѣнитъ.
 Такова въ свѣтѣ челоуѣка
 Не видано еще отъ вѣка,
 Когобъ любви не пронулъ видѣ.
 Ея и чисъ и тонокъ пламень,
 Пронзаетъ въ глубину морей;
 Ее не чувствуетъ лишь камень;
 Яль буду не покоренъ ей? —
 А чшобъ нечувственнымъ казаться,
 Умѣшь лишь должно притворяться;
 Какогожъ спшитъ по пруда!
 Скрывашъ любовь, спенашъ, помилъся;
 Быть веселу, а впай крушишься
 И не открышься никогда!
 О время! о часы зланыя,
 Когда спокоенъ я бывалъ!
 Узрѣль я прелести драгія,
 И васъ на вѣки поперялъ.
 Анеша! ты сіи чипая спроки,
 Теперь узнаешь, сколь жесткоки
 Мои мнѣ нынѣ спали дни:
 А можешъ быть уже и знаешь
 И шолько отъ меня скрываешь,
 Сугубя горести мои.
 Не лзя тебѣ не знать; всечасно,
 Когда Анешу я узрю,
 Любя себя, вздыхаю спраспно,
 Съ шобою робко говорю:

И въ робости не примѣчаю,
 Что часто на себя взираю,
 И по узнать даю другимъ:
 Я припворяюсь не умѣю —
 Но мало я о помѣ жалѣю,
 Лишь милѣ бы былъ очамъ своимъ.
 Взирая на себя, драгая,
 Боюсь и взоры отвратить,
 Поступка чѣмъ въ тебѣ такая
 Сомнѣнья не могла родить
 Въ моей любви горячей, вѣрной,
 Въ любви совсѣмъ неліцемерной.
 Анешу сполько я люблю,
 Что изцѣлится не желаю;
 Утѣхой муки я считаю,
 И щасливѣ, что себя гублю.
 Но участь мнѣ судила злая,
 Любя себя, любовь шаишь,
 Мой взоръ красой швоей пицная,
 Единымъ шѣмъ довольну бышь.
 Лѣзя-ль мнѣ спокойно жить на свѣшѣ?
 Но знай, когда моей Анешѣ
 Досель пропивенѣ не былъ я,
 Когда равно любимъ я ею,
 Что съ участью сравнишь сею,
 И кѣмъ шакъ щасливѣ былъ какъ я?

И Д И Л Л И Я.

Въ прекрасный лѣтній день, но знойный
 Я въ рощѣ ягоды срывалъ,
 Гдѣ близъ меня ручей спокойный
 Между кусточковъ протекалъ.
 Отъ жару весь ослабѣвая,
 Вообще пролады ждалъ въ тѣни;
 Лучъ солнца землю раскаляя,
 Вездѣ бросалъ свои огни.
 Чемъ мнѣ спасти себя отъ зною?
 Я вздумалъ изъ ручья водою
 Себя хоть мало прохладить:
 Но только лишь совсѣмъ раздѣлся,
 Успѣлъ чуть ногу омочить,
 Вдругъ неprimѣшно оглядѣлся,
 И что же я увидѣлъ тамъ?
 Водой тѣго пропока ясна
 Пастушка мылася прекрасна,
 Плескаясь смѣло по струямъ.

Однако я не испугался,
 Нагую видя красоту,
 Я къ платью ея подкрался,
 Унесъ, и спряхался въ кусту.

« Какое было восхищенье!
 Какое сильное волненье
 Родилось въ моей крови!
 Я видя всѣ нѣжнѣйши часши
 Толь скорыя къ возженью спрасши,
 Какъ въ пламени горѣлъ въ любви.

Паспушка ничегѠ не зная,
 По всѣмъ плескалася мѣспамъ,
 А я заразы изчисляя,
 Свободу далъ моимъ глазамъ.
 Попомъ я съ мѣспа подымался
 И къ ней приближисья хопѣлъ,
 Опѣ спрасши часто спопыкался;
 Но дерзость оказатъ не смѣлъ.

Межъ пѣмъ паспушка опдыкала,
 Умывшись съ ногъ до головы,
 И плашья своего искала,
 Вставая съ мягкой муравы.
 Нѣшъ плашья швоего, паспушка!
 Теперь швоя пропала душка.
 Кому бы кажется украсъ?
 Случись же бѣдненькой напасъ!
 Небойсь, все горе шо миніюшся,
 Еще бѣда швоя мала;
 Пусть плашье вору доентаіюшся,
 Была бы шолько пы цѣла.
 Да слышно, что прокляшы воры
 Такой уже имѣюшъ нравъ,
 Что вышгаривъ всѣ углы, норы
 И до послѣдняго раскравъ,
 Для брапской дружбы и любви
 Еще алкаюшъ нашей крови.

Ахъ! берегися свѣшникъ мой,
 Чѣшбъ не было повожъ сѣ шбой.

Моя паспушка поблѣднѣла
 Не видя плашья своего,
 А какъ опослѣ покраснѣла,
 Увидя хищника его. —
 Паспушка! вонѣ прокляшой ворѣ,
 Смощри! вѣ рукахѣ его шпорѣ,
 Онѣ близко ужѣ къ шебѣ поджодитѣ,
 Бѣги, вишь онѣ шебя уждитѣ!
 Не ворѣ, любовникѣ швой идіотѣ
 И плашьеце швое несіотѣ. —

Я чѣшбъ вѣ любви ей извѣяснитѣся,
 Она ударилась бѣжашѣ;
 Но гдѣ шебѣ, голубка, скритѣся?
 Вездѣ могу шебя дотнатѣ.
 Вотще невинность защищаешѣ
 И слезы горьки проливаешѣ;
 Повѣрѣ, никакѣ ты не уйдіотѣ,
 И плашья даромѣ не возміотѣ.

Паспушка мнѣ за шо пеняешѣ,
 Меня безсовѣшнымѣ зовіотѣ,
 Ручей невинный проклинаешѣ —
 Однѣко даромѣ не уйдіотѣ:
 Кой-какѣ ни жміотѣся, ни вершитѣся;
 А должно скоро согласитѣся. —
 „Добро, сказала, шакѣ и бышѣ!
 „Коль сѣ жаромѣ мнѣ нелицемѣрнымѣ
 „Ты клятву дашѣ ошпатѣся вѣрнымѣ;
 „И я клянусѣ шебя любишѣ.

Вотѣ былѣ какой конецѣ пропажѣ!
 Когда бы всякой ворѣ вѣ покражѣ,

Какъ я, умѣлъ искуснымъ бышь,
Не спали бы за эшо бишь.

    Всему причиной былъ ручей!
Я кляпву далъ и плашье ей;
Потомъ успѣлъ еще умышья
И до свиданія проспишься.

НА ПРОСТУДУ КАТЕНЬКИ.

Внемли шенящій голосъ мой,
Властитель въпровъ дерзновенныхъ!
Запри ихъ сильною рукой
Во мрачныхъ пропастяхъ подземныхъ:
Проспри къ нимъ свой прегрозный взоръ
И бремяемъ шяжчайшихъ горъ
Стѣсни ихъ мрачныя пещеры,
Чтобъ ихъ спремленье обуздашь!
Когда имъ должно буншовашь,
Сей дерзкій родъ не знаешъ мѣры.

Бунтуя въ темницахъ, заклепы ихъ рвушъ,
Недвижныя горы хребтами шрясушъ;
Отъ быстрого ихъ по пространству полеша
Претвердыя зданья и дубы шрещашъ,
Ужасныя звѣри въ вершешахъ дрожатъ;
Колеблются частыя обширнаго свѣша:
Дыханіемъ бурнымъ весь воздухъ вскрушя,
Дождь съ пылью и волны съ пескомъ возмушя,
Крылами огромный корабль разрывающъ,
И шяжкихъ киповъ на берега изшоргающъ.

Усмири, Золъ правдивый,
 Сей шoliko родъ кичливый!
 Успремляясь въ свой пущь,
 Дунулъ онъ въ прелестну грудь
 Кашеньки моей любезной.
 Видъ плачевный! случай слезной!
 Охладила грудь ея,
 И болѣзнь ее перзаетъ.
 Кашенька моя спрадаешъ! —
 Смерть приближилась моя!

Грудь, въ которой пламень спроси
 Возжигалъ нѣжнѣйшу кровь,
 Гдѣ воздвигла пронъ любовь
 Для моей блаженной части!
 Чпо я вижу? вянешъ цвѣтѣ,
 И уже надежды нѣтъ!
 Смерть очамъ ея прѣдспала!
 Ахъ! не дайше небеса,
 Чшобъ божешвенна краса
 Прежде времени увяла!

Мое все щастье въ семъ предметѣ.
 Коль будеше ея хранишь,
 Ничемъ не можете на свѣтѣ
 Меня вы больше наградишь.
 Я въ ней лишь ващу благосшь вижу,
 Безъ ней я все возненавижу.
 Хранише розу вы сію,
 Щадите съ нею жизнь мою;
 А ежели она увянешъ,
 Кшо мiръ сей украшати спанешъ?

На возвращеніе Лизеши
изъ путешесствія.

Оспрада дней моихъ безцѣнна,
Владычица души моей,
Приди увидѣшь восхищенна
Присутствіемъ красы швоей.
Уже дары здѣсь пышной Флоры
Давно прельщаютъ наши взоры,
Давно здѣсь царствуетъ весна;
Но ахъ! утѣхъ я видѣлъ мало,
Чего-то миѣ не доставало,
Тобой была вся мысль полна,

Не такъ сладка во время зноя
Цвѣтамъ прохладная роса,
Не столько лѣтомъ для цюкя
Тѣнисшы милы древеса,
Какъ та за шоки слезъ награда,
Та сердцу плѣнному оспрада,
Чшобъ зрѣшь любезну вѣ шѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ прежде съ нею разспавался:
Я жизни безъ тебя лишался,
Я живъ шеперь вѣ швоихъ очахъ.

Отъ мѣстѣ, копоры обшекала
 Съ супругомъ нѣжнымъ и драгимъ,
 Блеснувъ, ненаспѣе ты прогнала
 Возвратомъ солнечнымъ своимъ. —
 О сколь тѣ узы драгоцѣнны,
 Сколь шверды, нѣжны и священны,
 Копорыми мой связаѣ духъ!
 Я добродѣшель обожаю;
 Ее въ шебѣ я обрѣпаю,
 Довольно, я швой вѣчный другъ.

Златое время пролепаешъ,
 Приди сдержашъ его полешъ;
 Гдѣ шолько образъ швой сіяешъ,
 Тамъ вѣчная весна живешъ:
 Тамъ я швой другъ нелицемѣрный,
 Тамъ нѣжный швой супругъ и вѣрный
 Вкушаемъ щаспье и покой:
 Веселье шамъ печешъ рѣками;
 Гдѣ ты, подъ шѣми небесами
 Для насъ блиспаешъ вѣкъ златой.

АНЮТА КЪ ВИКТОРУ.

Преложенное въ спихи письмо

*Дѣвицы воспитанной и обученной разнымъ по-
знаньямъ въ домѣ сего ея гослодина, кото-
рый по ея красотѣ и отличнымъ дарова-
ньямъ любилъ ее безпрѣдѣльно; но послѣ для
своихъ видовъ женился на другой.*

Хоть я раба швоя, но ты меня любилъ;
Я все тебѣ вѣрна, а ты мнѣ измѣнилъ:
Возненавидѣлъ спрашь въ чувствительной крестьянкѣ,
И хочешь болѣ любви найши въ дворянкѣ.
Ахъ! сколько разъ изъ успѣ слыкала я швоихъ:
„Дворянки ласковы, пріятельства много въ нихъ,
„Клянущая вѣкъ любишь, а послѣ измѣняющъ,
„И жаркую любовь въ безуміе вмѣняющъ:
„Не милъ любовникъ имъ, пріятель хитрый льстецъ,
„Ихъ слава царствовать надъ множествомъ сердецъ;
„Что удовольствіе находятъ въ перемѣнѣ,
„И плодъ своихъ побѣдъ въ несноснѣйшей измѣнѣ:
„А ежели кого не могутъ побѣдипъ,
„И видятъ, что никто не хочетъ ихъ любипъ,
„Пріемлютъ видъ тогда красавицы суровой,
„Невинность въ ихъ лицѣ, въ очахъ ихъ пламень новой.
„Съ копорой заведетъ мужчина разговоръ,
„Тогда прищворный спыдъ ея пошупипъ взоръ,

„И кажется она любви еще не знаетъ,
 „Хотя ужъ на щекахъ румянецъ увядаешъ:
 „Дворянки наши сей ихъ прелестей избянь
 „Умбюшъ награждать пріятностью румянъ,
 „И кипросью такою прельщая легковѣрныхъ,
 „Вселяюшъ въ нихъ любовь и вздоховъ шму безмѣрныхъ;
 „Но ежели и въ помѣ успѣха не найдутъ,
 „Тогда хулишъ мужчинъ, смѣяшся имъ начнутъ,
 „Рассказываютъ всѣмъ безспыдно ихъ пороки,
 „И дѣлаются къ нимъ суровы и жестоки.
 Вотъ что ты говорилъ! я вѣрила всему;
 А можешъ бышъ и льстилъ ты сердцу моему:
 Ты думалъ, что швое къ дворянкамъ опрращенье
 Ещѣ сильное тебя любиши побужденье.
 Ты льстилъ, конечно льстилъ! не лзя иному бышъ;
 На что бы ужъ тебѣ дворянку и любишь?
 О льстецъ! когда бы я швое припворство знала,
 Что въ помѣ, что баринъ ты? тебя бы презирала,
 И всемъ сокровищемъ, кошорымъ блещешъ ты,
 Не могъ бы обольститъ невинной красоты;
 Сей малой красоты, но нѣжной, неприпворной,
 Рожденной для любви, обманамъ непокорной.
 Природа сверхъ любви дала и гордость намъ:
 Крестьянка я, но знай безчестно не продамъ
 Свободы лестной шой, кошорой обладаю;
 Любила я себя, а нынѣ презираю.
 Иль властію своей предъ нами возгордясъ,
 Невольными сердца хотише сдѣлать въ насъ?
 Напрасно; я тогдабъ и жишъ не спала болъ,
 Когдабъ была должна любиши по неволѣ.
 У васъ обычай шотъ, чтообъ властью усмиращать,
 Чтообъ значностью въ другихъ привязанность снискашь:

Ищите вы ее не здѣсь, а у дворянокъ,
 И пышнось ничего не значилъ у крестьянокъ.
 Ты вкрался въ грудь мою не ленпой голубой,
 И не блестящею плѣнилъ меня звѣздой;
 Плѣнилъ меня своимъ пріятнымъ обхожденьемъ,
 Щедрою къ своимъ крестьянамъ, снизхожденьемъ;
 Мнѣ лестно было слыть любовницей пвоей,
 Творя щасптивными подобныхъ мнѣ людей:
 Тебя опцемъ, меня всѣ маперію звали,
 Не сполько благъ себѣ, колико намъ желали.
 О просподушные! то былъ пріятный сонъ:
 Изчезнешъ нѣкогда съ блаженспвомъ вашимъ онъ.
 Познайше, еспли могъ измѣнникомъ явисься,
 Что можешъ онъ и къ вамъ въ любви перемѣнисься.
 Тогда былъ добръ до васъ, когда меня любилъ;
 Теперь сей льспивый жаръ на вѣки въ немъ проспиль.
 На вѣки! . . ахъ злодѣй! забуду все почпенье,
 Которымъ я должна, и за свое мученье
 Опмщу невѣрному . . . опмщу! . . . мнѣ-ль бѣдной мспшишь?
 Едино мценіе на вѣкъ его забышьъ
 Забышь! — пріятнѣй нѣшъ измѣннику сей меспи.
 Природа! для чего за оскорбленье чеспи
 Меня лишила средствъ по сердце расперзашъ,
 Не жаркая гдѣ кровь, печешъ смерпельный ядъ,
 Которо злобою, не нѣжностью пылаешъ,
 Которо онъ звѣздой блестящей закрываетъ?
 Почто въ злой ядъ мою не препворила кровь?
 Нещаспная! не гнѣвъ пы чувспвуешъ, любовь.
 Признайся, что еще опмщашъ ты не умѣешъ,
 Что любишь Виктора, что ты его жалѣешъ.
 Жалѣю, признаюсь, хоть чувспвую въ немъ спыдъ:
 Привѣшпль, весель, милъ, его прелеспенъ видъ,

Онъ нѣженъ, тихъ, не гордъ; въ немъ всѣ пріятства вижу,
Люблю, хоша его измѣны ненавижу.

Щасплива-ль буду шѣмъ, или нещасна я,
Не лъзя его забышь, въ немъ вся душа моя.

Какъ въ мысляхъ я его смущенныхъ представляю,
Мнѣ кажешся, слова ихъ успѣ его внимаю,
Изъ шѣхъ сладчайшихъ успѣ, которыми лобзалъ,
Изъ коихъ въ грудь мою весь духъ свой изливалъ,
Печально говоря: „любезная Анюша!

„Какая спрашная швой умъ превожипъ смупа?

„Иль мало я кажу горячности къ тебѣ?

„А я, любя, души не чувствую въ себѣ.

„Не вѣрь словамъ моимъ, вѣрь вздохамъ непрестаннымъ,

„Сердечнымъ жалобамъ и мукамъ несказаннымъ,

„Которыя шогда, какъ нѣпѣ тебя со мной,

„Терзаючи меня, сиѣдаюшъ мой покой;

„Которымъ мать швоя и швой опецъ свидѣшеть;

„Имъ всѣхъ извѣстиѣ мой нравъ и добродѣшеть.

„Пойдець ли опѣ меня къ подругамъ пы своимъ,

„Родишся грусь во мнѣ опсущспвиемъ швоимъ,

„И мнишся, чшо тебя лишился невозвратно,

„Любезную опшоль зову къ себѣ спократно.

„Проводишь ли часы въ гуляньи по лугамъ;

„Съ собою и меня всегда увидишь шамъ:

„А ежели въ лѣсахъ Анюшу поперею,

„Симъ именемъ драгимъ дубравы наполняю,

„Съ копорымъ эхо шамъ къ тебѣ несешъ мой спонъ,

„Взывая: Викпоръ эдѣсь, и ждепѣ Анюпы оѣ.

„Минушы безъ тебя мнѣ кажущся часами,

„И скучные часы несносными годами.

„А ешъли въ городѣ по должноти бывалъ,

„Не много времени я шамо провождалъ:

„Горчайши слезы лиль съ побою распаваясь,
 „Въ восторгахъ умираль, опшуда возвращаясь.
 Почпожъ шеперь къ своей любезной не лепишь?
 Чшо медлишь? возвращись; меня пы оживишь.
 Увы! все было шо, и кончилось мечшою.
 Мысль, сердце Викторѣ ужъ заняшы иною.
 Иной! какъ шо снеспи! нещаспная, скрѣпись,
 Ты слабоспи своей и ревноспи спыдись;
 Ты будь спокойна пакъ, какъ Викторѣ швой спокоенѣ;
 Онѣ вздоховѣ, слезѣ швоихѣ и гнѣва не достоинѣ.
 Спокоенѣ онѣ? а я . . . чшо болѣе сказашъ?
 Когда сильна любовь, не лзя не ревновашъ.
 Но шѣмѣ могу-ль къ себѣ родишь въ немѣ сожалѣнѣ?
 Не заслужи ли шѣмѣ я ненависть, презрѣнѣ?
 Безѣ ревноспи въ любви еспъ знакѣ безѣ чувспва бышь,
 Опасна ревносць мнѣ, не можно не любишь.
 Но обѣ спраспи шѣ мнѣ нынѣ бесполезны;
 Лучъ ясныкѣ дней изчезѣ, пришли минушы слезны.
 Когда нещаспную пы, Викторѣ, покидалѣ;
 Уже-ль о бѣдспвіи моемѣ не разсуждалѣ?
 Какъ пшицамѣ сѣшь ловецѣ невиннымѣ распавляешѣ,
 О злой ихѣ учаспи уже не размышляешѣ;
 Въ неволю заключивѣ, свою въ шомѣ радость зришь,
 И жалобную пѣснь веселіемѣ ихѣ чшишь.
 Кто не былѣ въ гореспи, ея не знаетѣ свойспва,
 И чшишь опрадою сердечны безпокойспва.
 Ахѣ нѣшѣ! не можешѣ бышь пакъ злобенѣ Викторѣ мой;
 А чшо мнѣ измѣнилѣ и сердце далѣ иной,
 То вѣтренность: въ комѣ вдругѣ любовный пламень
 вспыхнешѣ, -
 Разлившись, скоро онѣ погаснешѣ и ушижнешѣ.
 Мужчинамѣ молодымѣ всѣмѣ сроденѣ шотѣ пороки;
 И Викторѣ усшоаяшъ прошивѣ его не могѣ.

Онъ мнѣ невѣрнымъ милъ; а что, когдабъ былъ вѣренъ?
 Вотъ сколько жаръ моей любви къ тебѣ безмѣренъ.
 Возможно-ль, чтобъ тебя совмѣстница моя
 Любила съ нѣжностью такою же, какъ я?
 Не въ нѣжности своей нашла она пріятство;
 Ей милы честь своя, и счастье, и богатство.
 Когда счастливы дни ты здѣсь со мною велъ,
 Горячности ея какой ты знакъ имѣлъ?
 Возможно-ль такъ любишь, чтобъ съ милымъ не видашься,
 Или увидѣвшись, желаешь опять разстаться?
 Но тѣ ли знаки ты получишь отъ нее?
 Она разрушитъ все спокойствіе свое.
 Какъ ты меня, она равно тебя забудетъ;
 Я мучусь; и съ тобой, невѣрный, по же будешь.
 Ахъ! какъ бы я тогда довольна тѣмъ была!
 Узналъ бы ты, какъ мнѣ своя измѣна зла;
 Аяшубъ вѣкъ свою любилъ нелицемѣрно,
 Съ такою-жъ нѣжностью, какъ я, и такъ же вѣрно.
 Той добродѣтели уже не найдешь въ ней,
 Которой зрѣлъ плоды въ крестьянкѣ ты своей.
 Къ единой роскоши всѣ мысли устремляя,
 И въ модахъ вѣтреннымъ дворянкамъ подражая,
 Не только что свое имѣнье распочитъ;
 Но и крестьянъ своихъ ограбитъ, разоритъ,
 И тѣмъ горячую любовь тебѣ докажетъ.
 Желала бы я знать, тогда что Викторъ скажетъ?
 Не вспомнитъ ли свою Аяшубу наконецъ?
 Не ужъ мать крестьянъ; она, ты ихъ отецъ:
 Не въ силахъ помощь дать, я только ихъ жалю.
 Но что я говорю! все то, что я имѣю,
 Имѣю множество я камней дорогихъ,
 Которые изъ рукъ доспались мнѣ своихъ,

Все то употреблю для пользы разоренныхъ;
 Покой ихъ камней всѣхъ дороже многоцѣнныхъ;
 Они не нужны мнѣ; когда на нихъ взгляну,
 Я пошчасъ люшую измѣну вспомяну;
 А вспомнивъ, не могу не чувствовашь досады:
 Терзаю волосы, и рву свои наряды,
 Которы прежде я любила для шово,
 Чшобъ болѣе плѣнишь драгова моего.
 Алмазамъ рубище шеперь предпочитаю,
 Люблю убрѣгу жизнь, а пышность презираю!
 И могущъ ли меня наряды ушѣшашь,
 Когда я въ нихъ должна лишь слезы и вздыхашь?
 А бѣдность мнѣ на мысль спокойствіе приводишь,
 Душа спенящая опраду въ немъ находишь.
 Опраду! какъ мала опрада передъ шѣмъ,
 Чшо въ сердцѣ чувствую расперзанномъ моемъ!
 Нѣшъ, Викторъ! ужъ меня ничшо не ушѣшашь;
 Анюша бѣдная съ печалѣ умираешъ.
 Приди на шѣ луга, гдѣ жаживалъ со мной,
 Взгляни въ лѣса, гдѣ гласъ швердило эхо швой,
 Приди къ источникамъ съ унылосшвю журчащимъ,
 Приди къ мѣстамъ, шеперь мнѣ ужасъ наводящимъ,
 Вездѣ меня найдешъ; но не узнаешъ шы,
 Чшобъ я ужъ шо была: себя мои чершы,
 Мой блѣдный видъ, мой взглядъ, мой голосъ иль спенанье,
 Все приведетъ тебя во ужасъ, шрепанье.
 Или не приходи къ мѣстамъ шѣмъ никогда;
 Тамъ шѣнь моя, мой гробъ; спрашисъ взглянушь шуда:
 Когда-жъ придешъ, меня конечно найдешъ мершву;
 Но принеси шы мнѣ послѣднюю шамъ жершву,
 На гробъ напиши: *сей гробу Анюту скрѣлѣ,*
Которой я любовь измѣной заплатилѣ.

Е Л Е Г І Я

на измѣну А.

Спремлюся мой ударѣ и горестъ описатьъ ;
 Но полнѣ опчаянья, не знаю какѣ начашъ.
 Печальну мысль мою вздохѣ тяжкій прерывашъ,
 Перо изѣ рукѣ моихѣ дрожащихѣ упадаешъ.
 Погибло все, и что послѣдуешъ со мной?
 Погибло все, любовь, надежда и покой.
 Лишаюсь — не могу сдержашъ источникѣ слезной,
 Лишаюсь я, увы! на вѣкѣ моей любезной!

Спращъ, ревностъ любая, уныніе и спонѣ!
 Вы маловременный смущающіи мой сонѣ,
 Сберишесь грусти всѣ бесѣдовашъ со мною,
 Оспрадой будъше мнѣ гонимому судьбою.

Такѣ, я несчастнѣй всѣхѣ: я пламенно любилѣ,
 Я жизнь свою моей любезной посвяшилѣ,
 Въ ней радостіи мои и все блаженство видѣлѣ,
 Съ ней чувствовалѣ мой рай, безѣ ней все ненавидѣлѣ;
 Улыбка, рѣчь ея и каждый милый взглядѣ
 Томилѣ меня, плѣнялѣ, вливая шъму оспрадѣ.
 Я сладостный сей плѣнѣ предпочипалѣ свободѣ,
 Я мнилѣ, блаженнѣй нѣшѣ меня во всей природѣ.
 Кшо вѣришѣ щастію, шотѣ долженѣ чаяшѣ бѣдѣ,
 И крапко щастье то, въ кошоромѣ мѣры нѣшѣ.

Въ шотѣ день, когда мой духъ наполненъ былъ шобою,
 Жестокая! меня сражаешь вдругъ бѣдою;
 Когда пріятнѣйшихъ ждалъ сердцу я вѣстей,
 Внимаю казнь за жаръ къ тебѣ любви моей!
 Другому руку ты и сердце посвящаешь,
 Другому! ахъ! за что меня ты умерщвляешь?
 Знашь суждено ему меня щасливѣй быть;
 Но такъ, какъ я себя, не можешь онъ любить!
 Нѣтъ, спросишь его съ моей любовью не сравнися,
 Она во мнѣ живетъ и въ гробъ со мной вселишя.
 Законы естества сильнѣ брачныхъ узъ:
 Будь ты еврипа, я во вѣкъ не премѣнюсь,
 Что поль любезно намъ и что намъ поль священно,
 Въ чемъ наша жизнь и смерть, быть можешь ли забвенно?

Но вѣрностью моей и силой чувствій сихъ
 Могу ли облегчить суровость мукъ моихъ?
 Могу ли быть вѣчнаго совѣстника избавленъ?
 Могу ли позабыть, что я тобой оставленъ?
 Нѣтъ, нѣтъ, не выйдетъ то изъ памяти моей! —
 О небо! давшее красы поль многи ей,
 Почто чувствительность ей въ сердце не вложило?
 Оно бы вѣкъ меня единого любило.
 Покорствую судьбѣ, прошивишься нѣтъ силъ;
 Неволю никто не можешь быти милъ.
 Но естли я паду подъ бременемъ мученій
 И кончипъ жизнь мою оправа огорченій;
 Тогда хотя, тогда чувствительна ты будь,
 И къ жалости о мнѣ подвигнувъ нѣжну грудь,
 Оплачь ты жребій мой и пламень бесполезной,
 Воспомни, что я жилъ и умеръ для любезной.

Одной красавицѣ на представленіе роли
 Заиры, изъ трагедіи Г. Волстера и
 другой дамы, которая играла роль
 Фатимы.

1.

Природы честь и украшеніе,
 На шоль шы ею создана,
 Дабы запьмишь ея сіянье,
 Наполнишь жалостью сердца,
 И смершью ложныя Заиры
 Навлечь повсюду видъ печали?

2.

Ктобъ могъ безъ еодроганья видѣти
 Померкшій блескъ швоихъ очей,
 И устѣ кораллы измѣненны,
 И розѣ лишенное лице,
 И грудь любви; заразѣ жилище
 Своею кровью обагрено?

3.

Воспань! . . дай жизнь съ тобой умершимъ . . —
 Прерви свою, Фашима, грусть;
 Твои насъ жалобы перзаюшъ:
 Прими шебъ врожденну живость;
 Горячихъ слезъ на землю кладну
 Не лей, чшобъ наши удержашъ.

4.

А шы какъ кринъ цвѣши въ весельи,
 Ты къ радостямъ рожденна въ свѣшъ!
 Тобой мѣста сіи прелесны;
 Ты всѣхъ пишаешъ мысль и взоръ:
 И авторъ, нѣкогда вѣнчаный,
 Тобой межъ мершвыми гордишъ.

5.

Но шопъ, кто сихъ шрудовъ предметомъ,
 Исполненъ благодарныхъ чувствъ: *)
 Онъ прежде умиралъ съ шобою;
 Теперь шобою оживленъ
 Ошраду полную вкушаетъ,
 Любуясь прелесшми швоими.

*) Разумѣлся ея любовникъ, учредившій представле-
 ніе сей шрагедіи.

---

*Хоры на тотъ же слугайъ*1й. *Отвѣтствующій* 1му.

Ты намъ плѣняющей игрой
Свои изобразила чувства,
И рѣдкаго сего искусства
Познали цѣну мы побой.

2.

Коль спрашный видъ очамъ предсталъ!
Коль жалкія красотъ премѣны!
Не въ грудь ли самой Мельпомены
Вонзенный видимъ мы кинжалъ.

3.

Когда спраданій нашихъ слухъ
Въ жилище мертвыхъ проникаетъ;
Зря скорбь твою, теперь спрадаетъ
Чувствительный Вольперовъ духъ.

4.

Забудемъ въ сей пріятный часъ
Закры спонъ и сокрушенье,
Копорымъ ложное видѣнье
Только возмущало насъ.

5.

Всѣ зрители твоимъ прудамъ
Достойну честьъ воздашь спремиа;,
Всѣ дару твоему дивяпся,
Душѣ, уму и красошамъ.

*Восхищеніе стихотворца при видѣ одной
красавицы въ Молдавіи.*

Какой во мнѣ разлился пламень!
Чпо слабость силъ моихъ крѣпитъ?
Въ сей часъ стопы мои спремятся
Съ безмѣрной быспропой на Пиндѣ,
И я спѣшу вънокъ Парнасскій
Прекрасной поднести Аглаѣ.

Не сонъ ли шо, или я почный внемлю звукъ
Драгова имени ея на Геликонѣ?

Безсмершныя богини водъ,
Владѣющи Эвксиномъ бурнымъ!
Спекайтесь на пѣснь мою;

Внемлите похвалы Аглаѣ несравненнѣй. —

Умъ оспрый съ пысячью пріятствѣ соединеннѣй,
Невинна искренность и чувствованій шонкость,

Посупки милыя и сладостная рѣчь,

Взоръ побѣждающій сердца неколебимы,

И всѣ оплчные шаланшы,

Чпо могутъ смершныя украсишь духъ и шѣло,

Аглаѣ щедрыми даны богами,

Чтобъ въ ней явишь свое шворенье совершенно. —

Какъ дщерь небесъ прекрасная Аврора,
 Для возвращенія намъ дневнаго свѣшила
 Оставляя брачный одрѣ,
 Средь неба темнаго восходитѣ свѣтлозарна;
 Ей слѣдуютѣ любовь и смѣхи,
 Изъ розовыхъ ея любуся нѣдрѣ ушѣхи,
 Подѣ кропкими ея снопами
 Цвѣшны и шравы прозябаютѣ,
 Невинны дѣвы, паспухи
 Ее въ воспоргѣ обожаютѣ:
 Такѣ нѣжныхъ лѣпѣ своихъ въ разцвѣтѣ
 Средь льдиспыхъ горѣ Карпашскихъ
 Явилась между насѣ возлюбленна Агдая.
 Отѣ ней Дакія въ изумленьи,
 А Нимфы въ горести сердечной,
 И робки юноши пускаютѣ пяхкій вздохѣ! —
 Куда влечешъ меня, о божество?
 Толикій блескъ мой зѣницы помрачаешѣ;
 Вспревоженной душѣ какой предметѣ прелестной
 Дерзаетѣ шы явишь, неосторожна муза? —
 Непоспижимой нѣкой силой
 На верхѣ Парнаса я взнесенѣ;
 Ошполь зрю розы и лилеи,
 Которыя усердно
 Ея ланишы украшаютѣ;
 Уша румяны зрю,
 На коихѣ царшвуешѣ пріятная улыбка;
 Зрю взглядѣ, зрю каждую прелестѣ
 И сладкій внемлю гласѣ ея.
 О боги! естѣли бы сіе лице
 Рождало менѣ огня,
 Когдабѣ сіи глаза
 Не такѣ жестоки были,

Изъ кожѣ сыплешъ искры
 Въ сердца нещасливыхъ любовь;
 По красотѣ ея чудесной,
 По симъ чела ея блиспающимъ лучамъ
 Небеснымъ ангеломъ ее призналъ бы свѣтъ; —
 Когдабъ она не такъ была прелестна . . . .
 Но что я рекъ! . . . куда меня спремите, боги! . . .
 Ея достоинства моихъ превыше пѣсней. —
 Живившій огонь меня божественный погасъ,
 И удаляешся неблагодарна муза,
 Подъ цявкигъ долгомъ симъ спрашася пастъ,
 Прости мнѣ въ дерзости, почтенная Аглая!
 Маншуйскаго лѣвца превыспренняя лира
 И Тибрска пасыря чувствительна свирѣль
 Не въ силахъ были бы воспѣть шебя достойно.
 Но естли я, пѣвецъ неспройный,
 Высоко полъ дерзнулъ направитъ свой полетъ;
 Вѣщаль мнѣ Аполлонъ, я только лишь писалъ,
 Да знаки новые почпеня
 Приносятъ ко твоимъ сѣпоамъ
 Побѣдоносны вои
 И удивленный свѣтъ!
 Да къ небесамъ швоя
 Вознесется слава,
 Что ты среди шоржествъ блиспащельныхъ героевъ
 Сердца умѣла цокоритъ,

Выраженіе любви спихопворицы

САФО къ ФАОНУ.

Переводъ съ Французскаго.

Кто часто близъ себя бываешь
 И видишь блескъ своихъ заразъ,
 Улыбкой нѣжной взоръ пишаешь
 И свой сладчайшій немлетъ гласъ,
 Тотъ равенъ въ щастіи съ богами. —
 Передъ небесными красами
 Возможно-ль мнѣ спокойной бытьъ,
 Ихъ сильной власпи не любишь? —
 Какъ зрю себя, языкъ нѣмѣешь
 И рѣчи гибнушь во устахъ:
 Вся кровь и сердце пламенѣешь,
 И меркнешъ свѣтъ въ моихъ очахъ:
 Звукъ нѣкій спранный, непонятный
 Колеблетъ и смущаетъ слухъ:
 Съ воспорами любви пріятный
 Я пренешъ ощущаю вдругъ:
 Томлюсь . . . . блѣднѣю . . . . воздыхаю,
 И въ нѣжныхъ вздогахъ умираю.

---

*Прекрасной Деліѣ искреннее приношеніе въ
день ея Ангела въ Декабрѣ мѣсяцѣ,*

Желалъ бы я имѣшь пу честь,
Чтобъ въ знакъ преданности нелестней
Въ день ангела тебѣ поднесшь
Драгихъ цвѣшковъ пучокъ прелестной;
Но гдѣ, въ какомъ шеперь саду
Я розы, лиліи найду?
Оспавлю трудъ мой бесполезный. —
Скажу тебѣ безъ дальныхъ словъ:
Ты всѣхъ пріятнѣйшихъ цвѣшковѣ
Сама пучокъ любезный,
Живи, цвѣщи, не увядай,
Творенье лучшее природы!
Какъ сей, такъ будущіе годы
Ты новымъ щастьемъ начинай.
Подъ сѣнію любви сладчайшей,
Гдѣ радости печешъ ручей,
Вздыханья гдѣ зефиръ крошчайшій
Лешаетъ вокругъ красы швоей,
Ты дни златыя провождаешъ
И ихъ забавами считаешъ;

Творя щасливою себя,
 Творишь любовника блаженнымъ,
 Который съ жаромъ неизмѣннымъ
 Вѣкъ будешь обожать тебя.
 О счастье сердецъ сихъ нѣжныхъ!
 Будь постоянно имъ всегда!
 Да въ жизни дней они мясепныхъ
 Не узрять никогда.

Мадригалъ двумъ красавицамъ.

Прелестна и умна Клариса,
 Прелестна и умна Ириса:
 Между красавицъ двухъ
 Колеблется мой духъ.
 Дай мнѣ во влась одну, я вѣренъ буду вѣчно;
 Опдай обѣихъ мнѣ, скажу чистосердечно,
 Я долженъ буду измѣнить:
 Желалъ бы, естлибъ лзя, обѣимъ вѣренъ бышь.

---

*Къ Діанѣ въ оперѣ называемой:
Діанино древо.*

Прелестное очамъ видѣнье!
 Невинность чувствуя любовь,
 Приходитъ въ нѣжно изумленье,
 Не зная, что волнуешь кровь?
     Смяшенно, робко говоришь,
     Въ лицѣ ея играетъ смѣхъ.
 Въ перзаньи радость ощущаешь
 И хочешь свой восторгъ сокрыть,
 Спрямился всюду и не знаешь,
 Чемъ муку сердца ушолить:
     Того спрашится и бѣжитъ,
     Что насъ щастливыми шворитъ.
 Потомъ всё кажется прелестно,
 Всѣ мило для ея очей,
 Когда то чувство неизвѣстно
 Любовь откроешь ясно ей . . . .
     Пріяшнѣй воздухъ, небеса,
     Нѣжнѣй цвѣты и дрѣвеса.
 Узнай, прекрасная Діана:
 Любовь невинности милѣй;
 Сердечная пріяшна рана
 И ты казалась веселѣй,

Какъ сладостный ея законъ
 Открыль тебѣ Эндиміонъ . . . . ,
 Онъ чувствія свои суровы
 Въ веселье, въ нѣжность премѣнилъ,
 И заключивъ себя въ оковы,
 Свободнѣй прежняго явилъ:
 Задумчивость своя прошла,
 Ты щастіе въ любви нашла. —
 Скажи, какое упѣшенье
 Въ однихъ пріяшствахъ безъ упѣхъ?
 Краса безплодное шворенье,
 А ненависть къ забавамъ смѣхъ:
 Почувствовавъ любовну спрась,
 Ты ихъ уоугубляешь власшь.
 Признайся, что своя охопа
 Купашься и ловишь звѣрей
 Была пустая лишь забота,
 Игра невинности своей:
 Съ тѣхъ поръ, какъ спала ты любить,
 Всею то легко могла забыть.
 Когда разсердишься бывало,
 Тебя ничемъ не лъзя смягчить,
 Собранье Нимфъ твоихъ молчало,
 Бояся больше огорчить.
 За малую вину Пифонъ
 Тобой былъ въ древо превращонъ.
 Нечаянно себя нагую
 Въ ручьѣ увидя Аксеонъ,
 Терпѣль не меньше учась злую;
 Оленемъ очутился онъ.
 Съ тѣхъ поръ, какъ спала ты любить,
 Тебя не шрудно умячишь.

Благодари любви закону
За нѣжность сердца, чувствѣ швоихъ,
Благодари Эндимиону
Виновнику ушѣхъ драгихъ.

Умѣла ты невинной бышь,
Теперь умѣй его любишь.

Когдабъ, какъ ты, я сладкимъ пѣньемъ
Умѣлъ швой духъ очаровать;
Съ какой бы радостью и рвенемъ
Я спалъ швой жребій воспѣвать!
Но что само собой прекрасно,
То украшать уже напрасно.

---

*Чувствованія любовника по разлукѣ съ его
любезною, при свиданіи.*

Сколь горько было мнѣ съ побою разлучиться,
Оставивъ милую и Бжашъ въ дальный путь;
Такъ сладко мнѣ шеперь съ побой соединишься,
Узрѣшь, облобызашъ швои успа и грудь.

Проспи, что медлилъ я свиданіемъ съ побою;
Минушу каждую душой къ шебѣ лепѣлъ:
Я въ мысляхъ быспрошой равнялся со спрѣлою,
Въ любви къ шебѣ старалъ, желаньемъ зрѣшь кипѣлъ.

Но шо, чего искалъ, чшобѣ бышь шебѣ любезнымъ,
Чшобѣ болѣе швоей горячнoshi привлечь,
Всіо кончилось однимъ спараньемъ бесполезнымъ,
И слезы о шебѣ не преспавали шечь.

Межъ шѣмъ дни нашея разлуки продолжались:
Хошь чувшповалъ, но я не видѣлъ божѣства,
Кѣмъ сердца моего желанья увѣчались,
Кѣмъ сладость моего вкушанья шущесшва.

Всѣ шиплы, почести оставишь я рѣшился;
 Тобой дышала грудь и двигались уста:
 Я болѣ всего швоей любовью льспился,
 И вѣ щаспливы шобой спѣшилъ сіи мѣста.

Ахъ! еспля вѣ сердцѣ семѣ и пламенномѣ и нѣжномѣ
 Ты видишь шопѣ же рай, который зрю вѣ шебѣ;
 Вѣ уединенія семѣ пріятномѣ, безмяшежномѣ
 Всѣ будущѣ нашей, всѣ завидовашь судьбѣ.

Любима вѣчно мной! будь вѣчнымѣ мнѣ залогомѣ
 Блаженсшва жизни сей, шпо небо намѣ сулишь;
 Убѣжища сего я не сравню сѣ черпогомѣ;
 Всіо щаспіе мое возлюбленный швоей видѣ.

Мысль Метастазія.

Иногда моей прекрасной
 Образъ вижу я во снѣ,
 Муку сердца, пламень шраспной
 Ушюляющій во мнѣ:
 О любовь! мои желанья
 Самымѣ дѣломѣ увѣнчай;
 Иль прелеспнаго мечпанья
 Никогда не прерывай.

Освобожденный изъ неволи любви.

Могу ли я воспѣть достойно
Свободу сердца моего,
Которое уже спокойно
При видѣ хищницы его,
Красавицы холоднокровной,
На рѣчи нѣжныхъ чувствъ безсловной,
Смѣющейся любви моей,
Не внемлющей моихъ спраданій,
Ни шажкихъ вздоховъ, ни спенаній
Въ мечтѣ о прелести своей.

Не чаялъ выйши я изъ плѣну;
Разсудокъ! пы мнѣ въ помѣ помогъ:
Теперь дивлюся, какъ Исмену
Я прежде позабыть не могъ,
И шакъ былъ слѣпъ, что въ ней не видѣлъ
Пороковъ, кои ненавидѣлъ
И гналъ въ прелестницахъ другихъ? —
Какое было заблужденье!
Теперь мое освобожденье
Милѣй мнѣ всѣхъ Исменъ шакихъ.

И ежели помыслишь здраво,
 Скажите, что въ красѣ безъ чувствѣ?
 Но сердце нѣжно, нелукаво,
 Пльняющее безъ искусствѣ,
 Волшебну прелесть отъ природы
 И способъ нравиться безъ мѣды
 Съ какимъ сокровищемъ сравнишь?
 Ты думаешь, Исмена, ложно,
 Что безъ труда тебѣ возможно
 Чувствительность и умъ пльнить.

Въ своихъ блестящихъ темныхъ глазкахъ
 Огня любви не достаешь,
 Въ своихъ обыкновенныхъ ласкахъ
 Ни малой искренности нѣтъ;
 Въ лицѣ своемъ румяномъ, блѣдомъ,
 Въ семъ райскомъ яблочкѣ созрѣломъ
 Не вижу милыхъ свойствъ души
 Невинности и постоянства:
 Безъ рѣдкаго сего убранства
 Какъ женщины не хороши!

Улыбка слишкомъ принужденна
 На розовыхъ своихъ устахъ,
 Нескромность всѣми осужденна
 Въ своихъ поступкахъ и словахъ.
 Не ты-ль подругамъ говорила,
 Что всѣхъ мужчинъ собой пльнила,
 А я до глухости влюбленъ?
 Найдется-ль хоть одинъ межъ ими,
 Когобъ ты красками дурными
 Не обнесла со всѣхъ споровъ?

Тотъ глупъ по своему, накаленъ,
 Тотъ въпренъ, эшотъ разгилдай;
 Одинъ не кспіатъ всіо печаленъ,
 Другой кричитъ какъ попугай,
 Тотъ выпуча глаза зѣваетъ,
 А эшотъ вѣчно пьянъ бываетъ;
 Кто слѣпъ, кто глупъ, кто близорукъ,
 Тотъ малъ какъ карло, тотъ съ жердину,
 Кто сморщитъ вверхъ, кто горбитъ спину,
 Кто жолтъ, кто чоренъ такъ какъ жукъ:

Одинъ прусливъ, заспѣнчивъ, робокъ,
 А эшотъ грубъ, мужиковатъ,
 Тотъ сухъ, тотъ полстѣ, тотъ очень знобокъ;
 Другой всіо мелешъ не въ попадъ:
 Тотъ ходитъ шагомъ журавлинымъ;
 Тотъ голосомъ поетъ ослинымъ;
 Тотъ свыше мѣръ надупъ собой,
 Тотъ вѣчно хвалятся чинами,
 Тотъ донкишотскими дѣлами,
 И липнутъ всѣ къ тебѣ одной:

Вотъ какъ ты всѣхъ мужчинъ щелкаешь!
 И это правда, я не лгу;
 А что ты сверхъ того болтаешь;
 Всево я вспомнишь не могу.
 Я также не забышь побою; ?
 И названъ книгой записною
 Всѣхъ дѣлъ и всѣхъ рѣчей своихъ;
 Что я не дорожа всемъ свѣтомъ,
 Одну тебя избралъ предметомъ
 Любовныхъ пѣсенокъ моихъ:

Что я уже тебѣ наскучилъ
 Кропаніемъ моихъ стиховъ,
 Что нѣжностью тебя замучилъ
 И повспореньемъ пѣхъ же словъ;
 Что я какъ ноша за спиною
 Вездѣ пашуся за побою,
 Что опѣ меня покою нѣтъ,
 Что жалокъ я, смѣшонъ и чуденъ,
 Что путь ко всѣмъ сердцамъ мнѣ пруденъ,
 Что мнѣ ужъ било шридцать лѣтъ.

Имена! можно-ль такъ ругаться?
 Я былъ конечно слѣпъ и слабъ;
 Теперь не думай посмѣяться,
 Знай, больше я тебѣ не рабъ,
 И ничего тѣмъ не перяю,
 Что въпренницу забываю:
 А ты попужишь можетъ быть,
 Что съ нѣжной, искренней душою
 Никто не займется побою;
 Красотъ безъ чувствъ не лзя любить.

ИЗОБРАЖЕНІЕ АНЕТЫ.

Хочу свое изображенье
 Я здѣсь, Анета, начерпашь;
 Хочу - - какое дерзновенье!
 Мнѣ-ль прелести свои писашь!

Гдѣ столько я возьму искусства;
 Чтобъ каждою блеснушь черпкой?
 Чемъ успокою сильны чувства
 Воспламененныя побой?

Мой шапшъ взоръ, рука шрепещшъ;
 Мясешся мысль, кипишъ вся кровь,
 При каждомъ взглядѣ шрѣлы мещешъ
 Изъ глазъ своихъ мнѣ въ грудь любовь.

Изобразилъ бы шапшъ прелестный,
 Твой милый, благородный видъ,
 И въ помныхъ зорахъ огнь чудесный;
 Чшо вдругъ пронзашъ и живишъ.

Я начерпалъ бы живо, смѣло
 Тѣнь черныхъ кудрей и бровей,
 Въ ней круглое лице и бѣло
 Нѣжнѣйшее самихъ лилей:

На коемъ роза процвѣщаетъ,
 Какъ лучъ веселія блеснетъ,
 И помна блѣдность покрываетъ,
 Какъ сердце злая грусть грызетъ:

На коемъ вижу печашлѣнье
 Чувствившельности я швоей,
 Воспоргъ, печаль, любовь, смущенье
 И знаки нѣжныхъ всѣхъ спраспей:

Въ которомъ царствуетъ надъ ними
 Невинность въ полной красотѣ,
 Прешаща взорами своими
 Тревожипь сильно спрасши тѣ:

На коемъ шо улыбка зрится
 Твоихъ веселыхъ мыслей въ часѣ,
 То бисерна слеза капится
 Ошъ горесши изъ темныхъ глазъ:

На грудь прекрасну унадаешъ,
 Лиемся понкою спруидѣй
 И скорбь душевну уполяетъ
 Живошворящей шеплошѣй.

Грудь спяжкимъ вздохомъ потрясешся,
И больше спяжко не вздохнешь,
Чувствительное сердце бьется,
Но какъ зефиромъ нѣжный цвѣтъ.

Изобразилъ бы на любезномъ;
На ангельскомъ лицѣ своемъ
И добродѣтель въ видѣ слезномъ
Соспращающую въ бѣдспвахъ всѣмъ.

Твою она какъ движетъ руку
На помощь бѣднымъ и покровъ,
Ихъ часто облегчаетъ муку
Изъ успѣ своихъ прятспвомъ словъ.

Я начерталъ бы всѣ движенья,
Всѣ чувства души своею,
Чтобъ радости и сожалѣнья
Предметомъ всѣмъ былъ образъ сей:

Чтобъ каждый на тебя взирая,
Тобой былъ втайнѣ восхищенъ,
Тебя любя и обожая,
Къ тебѣ былъ вѣчно прилбленъ.

Но для премѣны въ сей каршинѣ,
Чтобъ въ зрителяхъ восторгъ родилъ,
Желалъ бы я тебя въ срединѣ
Собранія изобразилъ;

Гдѣ всякъ умомъ своимъ пламенный
 Твой жадно внемлетъ разговоръ,
 Или иной уже влюбленный
 Кидаетъ на тебя свой взоръ :

А ты того не примѣчая,
 Жива, спокойна, весела,
 Какъ будто вѣчно горестъ злая
 Тебѣ извѣстна не была.

Бесѣду шуткой оживляешь,
 Производя приятный смѣхъ ;
 Помомъ ее ты оставляешь,
 Очаровавъ собою всѣхъ.

Представилъ бы въ уединеньи
 Тебя я въ храмнѣ швоей,
 Въ глубокомъ съ книгой размышленьи
 О ложномъ щасіи людей :

О ихъ лукавствѣ, лицемѣрствѣ,
 О нечувствительности ихъ,
 О подлой зависти и злѣрствѣ,
 О угнѣбаемыхъ опъ злыхъ :

Твое при ономъ еодроганье,
 Досаду, гнѣвъ и рономъ швой,
 А послѣ гнѣва въздыханье
 Съ невольню льющейся слезой,

Я сей красотѣ опшѣнкой важной
Въ шебѣ бы божество явилъ,
Предѣ коимъ бы повергшись каждой,
Сердечны жертвы приносилъ.

Представилъ бы - - - но вображенъе
Тревожатъ милья черпы.
Прими любовь и удивленъе
За жертву, коей спойшь ты.

---

*Признаніе вины предъ Анетого въ нѣкоторой
рой любовной волнѣности,*

Виновенъ, признаюсь, виновенъ — не душой,
Не сердцемъ, нѣтъ, клянусь; огонь любви свяшой
На жертвенникахъ сихъ невинности пылаешъ;
Онъ чистъ какъ солнца лучъ и вѣчно не стараетъ,
Сей огонь, который въ нихъ побою вдохновенъ,
Вселится въ гробъ со мной ничемъ не помраченъ;
Но я — я человекъ, красотъ я силу знаю,
И слишкомъ иногда чувствительнень бываю . . .
Ужъ былъ бы я давно преспуникомъ спокрашъ,
Когда бы не спасалъ меня пвой спрой взглядъ;
Упрекъ невинности въ немъ видя, содрогаюсь,
И чистыя любви въ спихію возвращаюсь.

Прости, что предъ побой невольна преспунилъ;
Увы! я никогда такъ спраспно не любилъ.
Наполненъ весь побой, и спражду, и доволенъ;
Какъ хочешь властвуй мной, забудь себя не воленъ.
Но только я прошу опъ нѣжности пвоей:
Хотъ мало будь къ любви чувствительна моей,
Не презирай ее; хотъ слабый вздохъ сердечной,
Хотъ каплю слезъ излей на пламень спраспи вѣчной.

Онъ вздохомъ укрошенъ и уполенъ слезой,
 Какъ Веспы *) будешъ огонь горѣшь передъ побой,
 Какъ божество мое, душевно приношенье
 Прими, дай чувствовашъ на свѣтѣ утѣшенье,
 Дай кончипъ мнѣ мой вѣкъ со изреченьемъ симъ ;
 Какъ сладко умерешъ пому, кпо самъ любимъ !

*) Веспы богиня непорочности, во храмѣ коей воздвигну-
 помъ первоначальными Римлянами на жершвенникѣ
 пылалъ вѣчный огонь невинности, хранимый строго
 дѣвами, кошорыя называдись Веспалками.

П Ъ С Н И.

I.

Что мнѣ радости въ покоѣ, *)
 Что я дома вѣкъ сижу,
 Забавляюсь тѣмъ въ неволѣ,
 Что въ окошечко гляжу?

Всѣ какъ люди веселятся,
 Я не знаюся ни съ кѣмъ;
 Слезы съ глазъ моихъ капаются . . .,
 Чемъ довольной бышь мнѣ, чемъ?

Безъ друзей, подругъ любезныхъ
 Кто на свѣтѣ семъ живетъ?
 Кто безъ нихъ часы дней слезныхъ
 Въ лѣпахъ младости ведетъ?

Я одна, одна поскую,
 Я не знаюся ни съ кѣмъ:
 Заслужила-ль жизнь такую?
 Чемъ довольной бышь мнѣ, чемъ?

У немилова во власти,
 Какъ у яспреба пшенецъ,
 Жду одной себѣ напасти,
 Чшобы мой пришолъ конецъ.

*) На голосъ: *взйду-ль въ темной я лѣсогикѣ*: музыка
 Г. Козловскаго.

Чувствовать любовь ко свѣту,
И опѣ свѣта чуждой бышь,
Ничего ужаснѣи нѣту;
Для чезовѣ на свѣтѣ жишь?

Красота моя несчастна,
Что утѣхи мнѣ въ тебѣ?
Я жестокому подвластна,
Я пляжка сама себѣ.

Естьлибѣ былѣ другой удобенѣ
Нѣжностъ чувствѣ моихѣ познать;
Онѣ бы не былѣ столько злобенѣ,
И спарался-бѣ угождать.

Я нашла бы въ тебѣ оспраду,
Онѣ во мнѣ бы видѣль рай. —
Ахѣ! измѣрь свою досаду
Сердце нѣжно, и спрадай.

Всѣ бѣгутѣ тебя забавы,
Нѣтъ ихѣ, нѣтъ на свѣтѣ тебѣ;
Принимай однѣ осправы,
Чемѣ тебя утѣшишь, чемѣ?

II.

Можетѣ ли ударѣ бышь злѣе,
Кои мѣ рои мѣ сразилѣ?
Кто душѣ всево милѣе,
Онѣ шово на вѣки скрылѣ,

Все въ слезахъ со мною понешъ,
И напасъ мою швердитъ;
Вся природа шяжко спонешъ,
Мнѣ являя спрашный видъ.

Кажется, свѣшило дневно
Свой сокрыло ясный лучъ,
Небеса взираютъ гнѣвно
Сквозь завѣсу мрачныхъ пучъ.

Взоръ куда ни обращаю,
Смерть я вижу предъ собой,
Гласъ любезнаго внимаю
Соспрадающей со мной.

„Позабудь меня, вѣщаетъ,
„Тѣмъ спокоищъ тѣнъ мою:
„Спонъ швой въ гробъ мой проникаешъ,
„Сокращая жизнь швою.

„Намъ судьбы опредѣленья
„Не возможно премѣнишь,
„И сего уже изплѣнья
„Ты не можешь оживишь.

„Всѣ стеклись случаи злобны
„Насъ съ шобою разлучишь,
„Брачныя свѣщи въ надгробны,
„Радосъ въ слезы превратишь.

„Позабудь, что съ бесполезной
„Кляшвой сердце посвяшилъ,
„И со именемъ любезной
„Вдохъ послѣдній изшусшилъ. —

„Нѣтъ, пово не позабуду,
Кто въ душѣ моей живешъ,
Лишь надъ прахомъ слезы буду,
Мнѣ другой опрады нѣтъ.

Скорбь моя неизцѣлима
Возрастаетъ опъ пово,
Что во вѣкъ не возвращима
Трапа сердца моего.

III.

Несклонный къ нѣжной спраси, *)
Вина моей напаси,
Начшо ты грудь мою плѣнилъ?
Начшо мнѣ сполько милъ?

Свиданій убѣгаешь,
И вздохи презираешь;
Мои слова, мой спраспный взглядъ
Тебѣ смертельный ядъ.

Опкрой мнѣ самъ искусство
Привесъ несклонность въ чувшво,
Моей любви дай нѣжный гласъ
И болѣе заразъ.

Когдажъ душа плѣненна
Тобой оприновенна,
Скажи мнѣ, какъ суровой бышь?
Какъ мнѣ шебя забышь?

*) На голосъ: *За сто меня брачить?*
За сто меня журить?

Тому я не повѣрю,
 Чшобъ ты подобно завѣрю
 Терзая нѣжну грудь мою,
 Въ томъ радость зрѣлъ свою?

Не вижу также славы
 Презрѣшь любви забавы;
 Ея законъ весь принялъ свѣтъ,
 Въ тебѣ лишь чувствій нѣтъ:

Мужчинамъ я дивлюся,
 И часто имъ смѣюся:
 Начнешь любить, они бѣгутъ,
 Не любишь, въ плѣнъ идутъ:

Иль можетъ быть иною
 Прельщенный красою
 Мои ты ласки всѣ забылъ,
 Ей сердце посвятилъ.

Я въ томъ съ побой согласна:
 Она мила, прекрасна;
 Но равную любви моей,
 Повѣрь, не найдешь въ ней.

Хоть спраспно я пылаю,
 Будь ты любимъ, желаю;
 Но бойся презрѣнь быть другой
 Равно какъ я побой.

IV.

Сспремлюсь къ тебѣ всечасно *)
 И сердцемъ и душой;
 Ссраданіе ужасно
 Въ разлукѣ живѣ съ тобой!
     Мнѣ въ долѣ слезной
     Твой видѣ любезной
 Еще милѣи спократѣ.
     Чрезѣ степи, горы
     Плѣненны взоры
     Къ тебѣ лешащѣ.

Съ тобой мои оспрады
 Исчезли все какѣ тѣнь,
 И горестѣ безѣ пощады
 Терзаетѣ ночь и день.
     Начто плѣняться,
     Когда разсшащѣся
 Намѣ люшый рокѣ велищѣ?
     За все напасши
     Что въ нѣжной спрасши
     Насѣ наградищѣ?

Узнавѣ, какѣ здѣсь перзаюсѣ,
 Хоть каплю слезѣ пролей,
 Я шолько упѣшаюсѣ
 Горячностѣю швоей:
     И шо прельщааетѣ,
     Коль кшо вѣщааетѣ

*) Музыка Г. Козловскаго.

Мнѣ имя дарагой:
 Любить, поминься,
 Оспрадъ лишинься,
 Вопѣ жребій мой.

V.

Не льщусь пвоей взаимной спраспью, *)
 Не спую можеть бытъ шебя;
 Теряю всю надежду къ щаспью . . .
 Но долженъ упѣшашъ себя:

Чпо пыі меня не презираешъ
 За чувства искренни мои,
 Меня жалѣешъ, соспрадаешъ
 И кажешъ ласки мнѣ пвои.

Не знатность родá и богатство
 Дають намъ право на любовь;
 Но нѣжность, искренность, пріятствѣ
 И спраспъ, чпо движешъ духъ и кровь.

Коль я не знаю лицемѣришь,
 Такъ спую, чпобѣ меня любишь;
 Свое мнѣ можешъ сердце ввѣришь,
 Я пламенно могу любишь.

Могу я съ жаромъ неизмѣннымъ
 Безмерпну спраспъ къ шебѣ пиіашъ,
 И всѣмъ сокровищамъ безцѣннымъ
 Одну шебя предпочишашъ.

*) Музыка Г. Козловскаго.

Рѣшишь тебѣ ласки, сожалѣнье
 Въ любовь ко мнѣ перемѣнишь:
 Ты видишь все мое мученье;
 Такъ спую, чѣмъбъ меня любишь:

VI.

Бесѣдуя съ побойю
 Я самъ себя забылъ,
 Тебя я всей душою
 На вѣки полюбилъ.

Не смѣлъ тебѣ открыпиться;
 Но взоромъ всею сказалъ;
 Какъ часъ пришелъ простишься;
 Я тайно воздыхалъ.

Спѣша мнѣ въ край безвѣстный,
 Я въ мысляхъ говорилъ:
 Прости цвѣтокъ прелестный,
 И горьки слезы лилъ.

Узрю-ль тебя, не знаю,
 Но буду вспоминать;
 Я спрасть къ тебѣ пишамъ
 И буду вѣкъ пишамъ.

Открыпностью моею
 Хоть виненъ предъ побойю;
 Люблю, и съ рѣчью сею
 Я вѣкъ окончу мой.

Любиму бышь не въ волѣ,
 Не въ волѣ не любишь;
 Не лзя въ своей намѣ долѣ
 Судьбы перемѣнишь.

VII.

Охъ! какъ по мнѣ живь!
 Охъ! какъ не шужишь!
 Опѣвѣжаешь,
 Покидаешь
 Милъ сердечной меня. 2.

Голубчикъ ты мой!
 Разлучусь я съ тобой;
 Здѣсь не будешь,
 Позабудешь,
 Чшо была я швоя.

А я молода
 Буду помнишь всегда,
 Какъ со мною
 Съ молодою
 Миловался дружокъ.

Дорожкой пойду
 Во зеленомъ саду;
 И листочки,
 И цвѣпочки
 Всѣ поблекнутъ, мой свѣтъ.

А гдѣ ты съ другой
 Свыкнешся, дарагой,
 Въ дни весенни
 Дни осенни
 Тамъ проглянушѣ для васѣ.

Вздохни обо мнѣ
 На чужой споронѣ;
 Вспомянувши,
 Воздохнувши
 Прослезися хоть разѣ.

А я безѣ тебѣ
 Изсушу всю себя;
 По разлукѣ
 Буду въ скукѣ
 Лишь тебѣ вспоминашѣ.

VIII.

Мучь меня, жестокая любовьъ,
 Сожигай мою кипящу кровьъ:
 Я нещасна
 Тщешно спрасна,
 Хочу умеретьъ,
 Не могли узрѣшь
 Въ спрасни злой усѣха:
 Таль моя усѣха,
 Чшобѣ безѣ пользы вѣкъ любивѣ?

Кѣмъ я спражду, кѣмъ я жизнь гублю,
Тотъ не знаетъ, что ево люблю :

Сердце спрашно
Ждетъ всечасно,
Чтобъ мукамъ внялъ онъ ;
Ахъ! щеченъ мой спонъ :

Я горю, но спаси
Въ лютой сей напасти
Не могу ему открышь.

Не могу яво открышь ему,
Что любезенъ сердцу моему :

Спыдъ мѣшаетъ,
Спращь терзаетъ ;
Въ сей лютой борьбѣ,
Въ сей горькой судьбѣ
Вѣкъ лишена воли,
И жестокой боли

Не могу я облегчить.

Эхо! сквозь лѣса промчи мой спонъ,
Повтори, чтобъ плачь мой слышалъ онъ,

Чтобъ любезный
Рокъ мой слезный
Собой облегчилъ :
Онъ сердце пронзилъ ;

Пусть любви въ награду
Дастъ хоть шу опраду,
Чтобъ хоть каплю пролилъ слезъ.

Музыка Г. Козловскаго.

Лепи къ моей любезной
 Ты пѣсенка моя,
 Предспавь ей рокъ мой слезной,
 Скажи, какъ спраспенъ я.

Поди въ прелестны руки,
 Предспань ея очамъ,
 Скажи сердечны муки
 Небеснымъ красопамъ.

Скажи, что лучшей доли
 Не стану я желать,
 Какъ сладкой лишь неволи
 Ея законъ внимаешь.

Когдабъ всѣ свѣща проны
 Въ мою давали власть,
 Не презрилъ бы короны,
 Чшобъ въ ней предъ нею пастъ.

Сказалъ бы: вопъ вселенна,
 Коль хочешь обладать,
 И вопъ душа плѣненна,
 Рѣшишь повелѣвать.

Напоминай всечасно,
 Что жизнь безъ ней мнѣ адъ,
 И всіо, что есть прекрасно,
 Ея одинъ лишь взгляды.

Тверди мое спенанье,
 На жалость призывай,
 И вырвавъ состраданье,
 Ко мнѣ еіо склоняй.

Скажи, что облегченье
 Я въ помѣ единомъ зрю,
 Когда въ слезахъ, мученьѣ
 Тебя сто разъ пою.

Завидую судьбинѣ
 Я пѣсенка, пвоей,
 Какъ щасплива пы нынѣ
 Въ рукахъ драгой моей!

Небесныя лобзаешь
 Ты прелеспи ея,
 Не спонешь, не вздыхаешь,
 Не рвешься шакъ какъ я.

Ахъ! ешьлибъ хопъ минушу
 Я въ равной долѣ былъ!
 Иль грусть прервалъ бы люшу,
 Иль грудь мою пронзилъ.

Скажи, что ожидаю
 Опвѣща отъ неіо,
 Надѣюсь, унываю,
 Смерть, щасъе въ ней моіо.

На ревность.

Естьли ищешь безмятежныхъ
И пріятныхъ въ жизни дней,
Не перзай ты чувствій нѣжныхъ
Тщешной ревностью своею.

Какъ былинку засушаешь
Непрестанный солнца зной,
Злая ревность такъ сѣдаешь
Нашу радость и покой.

Нѣтъ, красавицы не знаюшь
Власъ красотъ своихъ цѣнить,
Естьли такъ ихъ унижають,
Что имъ можно измѣнить.

Я въ твоихъ прелестныхъ взглядахъ
И невинность сердца зрю;
Тѣмъ вѣрнѣй въ моихъ опрадахъ,
Тѣмъ я болѣе горю.

Естьли съ жаромъ и вѣщаю
О красавицѣ иной,
Вмигъ еѳ позабываю,
Лишь увижуся съ шобой.

Таль измѣна, чтобъ прельщаться?
Иль всего себя отдашь?
Я могу одной лѣбняться,
А другую обожать.

И во вѣки не разспрю
 Тѣмъ пріятнѣйшихъ забавъ;
 Сѣдинили насъ съ побойю
 Склонность, свычка, дружба, нравъ.

Въ помѣ съ побой лишь не согласенъ,
 Что безъ ревности люблю;
 Не хочу я бытъ ужасенъ,
 И ушѣхъ не погублю.

XI.

Подозрѣніе въ холодности.

Естьлибъ вѣдалъ ты, жестокой,
 Какъ я мучусь безъ тебя,
 Ты давно бы пущь даліокой
 Совершилъ, меня любя.

Нѣтъ, ты мало понимаешь
 Власъ всесильну спраси злой,
 Мало, мало сердце знаешь
 Вспламененное побой!

Равнодушіе ужасно!
 Какъ умедлишь хоть часомъ?
 Нѣтъ, меня не любишь спрасно;
 Чужь помыслишь мнѣ о помѣ?

Для чего, любовникъ кладный,
 Ты мнѣ спрашны кляшвы даль?
 Для чего ты безоградный
 Пламень въ душу мнѣ вліялъ?

Возвратись, не медли болѣ,
 Есльли хочешь живу зрѣшь;
 Пожалѣй, нѣтъ силъ ужь долѣ
 Бышь въ сомнѣннн и шерпѣшь.

Для сердець взаимно плѣнныхъ
 Могутъ ли препяиспва бышь?
 Поспѣши, дай вожделѣнныхъ
 Брачныхъ узъ покой вкусишь.

Есльлижъ время и опсущспво
 Изспребили пламень швой,
 Есльли . . . о ужасно чувспво! . . .
 Нѣтъ, не вѣрю я, . . . шы мой. . . .

Вѣчно мой, меня шы любишь,
 Ты чувспвишеленѣ какѣ я;
 Нѣтъ, меня шы не погубишь,
 Ты мой вѣчно, я швоа.

XII.

Гдѣ, въ какой странѣ блаженной
 Есль опрада въ груспн злой?
 Я пойду на край вселенной,
 Есльли шамѣ найду покой.

Въ шумномѣ свѣтѣ, гдѣ всіо лживо,
 Гдѣ любви и дружбы нѣтъ,
 Можно-ль, можно-ль жить шаспливо
 Средь моихъ цвѣтущихъ лѣтъ.

Что мнѣ пользы въ чувспважѣ нѣжныхъ,
 Въ искренней душѣ моей?
 Утѣшителей надежныхъ
 Больше нѣтъ уже для ней.

Нѣтъ любви, ни дружбы болѣ
 Въ помѣ, кто клялся вѣкъ любить;
 И должна я по неволѣ
 Свѣтъ оставишь и забышь.

Вы мѣста, мѣста прелесны,
 Гдѣ давно живепѣ мой духъ,
 Гдѣ печали не извѣсны,
 Гдѣ о нихъ забышь и слухъ!

Вы въ свой рай меня примите,
 Успокойте на лугахъ,
 И съ природой подружите
 Въ темныхъ рощахъ и лѣсахъ.

Ей мои всѣ чувспва нѣжны,
 Мысли, душу посвящу;
 Тамъ минушы безмяшежны,
 Тамъ опраду я сыщу.

Ахъ! когдабъ еще такое
 Сердце шамъ могла плѣнишь,
 Сердце доброе, простое,
 Чтобы вѣкъ могло любить! . . .

XIII.

Музыка Г. Козловскаго.

Плѣнно сердце нѣжной Лилой,
Вотъ радостей своихъ предметъ;
Ея невинной взоръ и милой
Велишь тебѣ забыть весь свѣтъ.

Цвѣтущу зря красу и младость,
Нечувственнымъ возможно-ль быть?
И пѣня внимая сладость,
Возможно-ль пламень угаишь?

Въ тебѣ одной, драгая Лила,
Собранье вижу вѣхъ пріятствъ,
Въ тебѣ одной соединила
Природа тѣму своихъ богатствъ,

Дала тебѣ волшебны взгляды
Въ одно мгновенье побѣждашь,
И вдругъ мученье и опрады
Въ сердцахъ чувствительныхъ рождашь.

Въ лицѣ своемъ надечашла
Румянецъ съ бѣлизной лилей;
Она изобразишь жопла
Невинность тѣмъ души своей.

Твой станъ украсивъ простотой
И стройность сохраня во всемъ,
Природа кипрою рукою
Явила совершенство въ немъ.

Какъ мягкой ленъ вокругъ шеи бѣлой
 Віюпся нѣжные волосы,
 Какіе пишепъ кистью смѣлой
 Художникъ рѣдкой для красы.

Твой голосъ, каждое движенье
 Для сердца новая спрѣла;
 Воспоргъ его, оцѣпененье
 Тебѣ неложная жвала,

О какъ пошъ щаспливъ и доволенъ,
 Кто сердцемъ власпвуетъ пвоимъ!
 Онъ самъ въ оковахъ и неволенъ;
 Но каждый бы желалъ бышь имъ.

Завидовать сей лестной долѣ,
 Напрасно грудь свою поминъ;
 А бышь у Лилы вѣкъ въ неволѣ,
 Съ чемъ можно щаспье по сравнинъ?

З А Г А Д К И.

I.

Я почно человекъ, и въ епомъ я не лгу:
 Съ ногами и руками,
 Съ такими же глазами,
 Съ такими же ушами;
 Ходишь и говоришь, хопь живъ я, не могу.

II.

Несчешны въ мѣрѣ семъ родились пользы мною:
 Сбраній и бесѣдъ бываю красою;
 Кусаюсь больно я, хопя зубовъ и нѣпъ,
 Иль смерти шѣмъ, или виной бываю бѣдъ.
 Я должности своей опнюдь не прерываю;
 Но порчѣ никогда себя не подвергаю.
 Въ зашворничесствѣ я природою рожденъ
 И ею къ жизни памъ и смерти осужденъ.
 А ежели мое жилище оспавляю,
 То бесполезенъ бывъ, въ мученьяхъ умираю:
 Въ Мароккѣ, въ Турціи естъ пошѣвъ обычай злой,
 Естъ и въ Европѣ онъ, чтобъ рушишь мой покой
 Изъ дому моего свирѣлымъ изпорженьемъ:
 Но здѣсь, любезные чипашели мои,
 Подъ кропкимъ съ вами я и истиннымъ правленьемъ
 Въкъ буду презирашь обычаи сіи;
 И сей жестокосяи я не спрашуся съ вами . . .
 Премудрость правитъ нами.

III.

Я часто спереди цѣны довольной спою;
 А сзади завсегда не значу ничего:
 Однакожъ памѣ люблю похваспашъ вѣ высотѣ;
 Непротивѣ спереди люблю невидимѣ бышь.
 Купецѣ напередѣ хопя меня имѣешѣ;
 Но назади имѣшь себѣ вмѣняешѣ вѣ спыдѣ:
 А тѣ, копорымѣ я служу лишъ только сзади,
 Желалибѣ всей душой и спереди имѣшь.
 Есть люди: я служу имѣ спереди и сзади;
 Но много и шакихѣ, копорые кѣ нещасью
 Ни спереди меня, ни сзади не имѣють.

IV.

Скажите: какѣ назвашъ дорогу епу должбѣ,
 Копорой ходимѣ мы и лѣпомѣ и зимой,
 По коей никому пробѣшъ не возможно?
 Когда идущѣ по ней увѣчный и хромой,
 Аршинажѣ на пяши разѣ десять отдыхающѣ:
 Тущѣ и здоровые часшенько упадающѣ.

V.

Четыре буквы я различныя имѣю,
 Полезна и вредна для свѣша бышь умѣю.
 Чшобѣ оба свойства тѣ противны разобращѣ;
 Сначала иль сѣ конца мнѣ должно силу дащѣ:
 Я сѣ силою вѣ концѣ весь смершныхѣ родѣ пишаю;
 Безмѣрно имѣ нужна и жизнь ихѣ продолжаю.
 Сначала силу дай; признается весь свѣшѣ,
 Сколь люшый опѣ меня бываешѣ людямѣ вредѣ;

И нѣтъ ужаснѣе меня для человѣка ;
Я адомъ жизнь шворю, концемъ бываю вѣка.

VI.

Коль хочешь должность пы узнать мою, чипашель!
Лишь укажи, куда, я пошчасъ полечу
Опѣ одново конца вселенной до другога.
Храня секретъ; преяду моря лѣса и горы.
Подобна многимъ зря, не свѣдаешъ никшо,
Что значу я, и кшо за чемъ меня послалъ :
Нося въ себѣ швои я мысли, ихъ не знаю ;
Но пы къ комубъ меня ни захошѣлъ послашь,
Умѣю всякому ихъ вѣрно расказашъ.

VII.

Буквѣ равное число въ себѣ я заключаю
И шѣхъ же самыхъ буквѣ; когда я цѣль бываю,
Тогда ужасную могу смиришь войну,
Ошвергну мечъ враговъ, ихъ злобу пожену,
Тогда я возвращу женѣ ея супруга,
А другу друга,
И шоки ꙗ поляхъ кровавы не пекутъ.
Когдажъ вторый мой членъ на полы разсѣкупъ ;
Вдругъ безпредѣльное проспранство мнѣ дадушъ,
Всѣ смертные во мнѣ какъ граждане живутъ,
И всяка шварь тогда войдетъ въ мою ограду,
Коснусь небесъ и снизу къ аду.

VIII.

Видали-ль вы когда полъ нѣжной и прекрасной
Среди мечей, огня, средь бишвы преужасной

Въ слезахъ, имѣющій распрепаны власы,
 Терзающій свои одежды и красы,
 Который съ яростью въ рядъ воиновъ лепаётъ,
 Кричишь, сражается, сражая умираешь.
 Не бывъ онъ ни щипомъ, ни шлемомъ покровенъ,
 Единой храбростью и мной вооруженъ;
 Коль въ женскихъ я сердцахъ потъ пламень возжигаю,
 Съ непобѣдимыми героями равняю:
 Но съ похвалою о мнѣ не говоришь никто.
 Бывали смершныя, которые за то,
 Что прибыль принесу, что мною побѣждаютъ,
 Меняжъ за то казнятъ, меня же оуждають.

IX.

Я пушешествую мой домъ нощу съ собой
 И не спрашуся въ немъ погоды никакой.
 Хожу шихохонько: безъ моего жилища
 Никто нигдѣ меня не узришь никогда;
     Живу одна всегда,
 И даже самая въ мой домъ не входитъ лица;
     Однакожъ памъ зимой
 Запершись, не шёрплю я нужды никакой.
 Я спранно создана: природа пакъ хотѣла,
     Чтобъ я ни рукъ, ни крыльевъ не имѣла:
 Но голову могу высоко возносить,
     Глаза куда хочу, могу спремишь,
 И лучше я людей на небеса зриаю:
 Великую при томъ я рѣдкость заключаю!
     Имѣя даръ плодшворить.
     Имѣю силу я плодородить.

X.

Я первую всѣхъ золъ виною,
 Въ которы ввергся человекъ;
 А безъ меня онъ велъ бы вѣкъ
 Среди блаженства и покою.
 Имѣю въ разныхъ я владычествѣ мѣстахъ,
 Во градѣ, при дворѣ и въ деревняхъ;
 А шѣ, которы мнѣ всѣхъ больше угождающъ,
 Въ столицахъ время провождающъ,
 Мнѣ жершвы принося. — Имѣю я дѣшей
 И вѣпренныхъ и умныхъ;
 Для первыхъ прибыли въ услугѣ нѣшѣ моей;
 Но много опѣ меня естѣ пользы для разумныхъ:
 Вокругъ качелей каждый годѣ
 Толпится для меня народѣ.
 Сколь много для меня несчастныхъ
 Теряли жизнь свою во случаяхъ опасныхъ!
 Не можно о себѣ еще яснѣй сказать. —
 Чипашель, думаю, успѣлъ ужѣ опгадать;
 А естѣли опгадать охоту онъ имѣетѣ,
 То безъ сомнѣнння меня ужѣ разумѣетѣ.

XI.

Весьма полезну вещь мы въ свѣтѣ соспавляемъ;
 Во упражненнн насѣ найдешѣ всегда одномъ,
 Въ безперерывномъ мнѣ движеннн бываемъ;
 Однакожѣ не вѣ шакомъ,
 Чшобѣ сѣ мѣста перейши въ другое;
 Движеннѣ наше естѣ совсѣмъ иное.
 Лежимъ, спويمъ, и движемся всегда;
 Оспановляемся шогда,

Когда свое скончаемъ мы печенье.
 Насъ въ мірѣ пьма; у всѣхъ едино упражненье.
     Имбюшъ многіе по нуждѣ насъ;
     А прочіе для щегольства, для глазъ.
 Одни насъ леншами искусно украшающъ,
     Другіе цѣпи надѣвають:
     А дерево, мешалль
     И камни разнородны
     Для жизни нашей весьма пригодны.
 Когдабы чловѣкъ совсѣмъ о насъ не зналъ,
 Онъ всѣ не во время дѣла бы исправлялъ.

XII.

Чистъ, ясенъ какъ алмазъ, но дорогъ не бываю:
 Рожусь ошъ машери, и самъ ее рождаю.

XIII.

Не можно въ обществѣ всѣхъ насъ перецищать;
     А должно знашь,
 Чшо въ маломъ шарикѣ мы всѣ помѣщены:
     Тамъ бывъ заключены,
 Лешаемъ, бѣгаемъ повсюду безпрестанно;
 И землю и моря, и небо мы проспранно
 Въ единое почши мгновенье обтекаемъ;
 Но часто пакъ въ своемъ пуши мы заблуждаемъ,
 Чшо наконецъ лепя въ безмѣрной высотѣ,
 Теряемъ шамъ себя во мглѣ и шемношѣ.

XIV.

Хотя я и спрашна, хощь мраченъ образъ мой;
 Но смертнымъ приношу опраду и покой.

Являясь имъ, себѣ соупшника имѣю,
 И съ нимъ безмолвіе вездѣ обильно сѣю;
 Въ копоромъ челоѡкъ свой къ знанью жадный умъ
 Вручаешъ мудрости, исполненъ важныхъ думъ.
 Но рѣдкіе для сихъ причинъ меня встрѣчаютъ;
 А болѣе меня во зло упошребляютъ.
 Порочны замыслы, любовныя дѣла,
 Вотъ все, чемъ многимъ я полезна бышь могла.

XV.

Имѣя пять опверзшій цѣлыхъ,
 Мы служимъ лѣпомъ и зимой.
 Красавицы насъ бѣлыхъ
 Считаютъ для себя красой.
 Пять брашневъ насъ; коль вмѣстѣ всѣ бываемъ;
 Цѣны своей мы не шеряемъ;
 Но одного лишасъ, не споимъ никакой:
 Насъ мечутъ всѣхъ тогда съ презрѣнемъ.
 Бывъ прежде украшенемъ,
 Попомъ бываемъ вещью пустой;
 Любовники насъ презираютъ,
 Когда своихъ любезныхъ лобызаютъ.

XVI.

Я съ обоихъ концовъ опверзшіе имѣю;
 Однакожъ грѣю.
 Я широка, мягка, продолговата,
 Довольно пухловата
 И шерстію кругомъ обнесена.
 Для одинаковыхъ двухъ членовъ я нужна,
 Копоры ежели въ меня кто вложитъ,
 Согрѣшся скоро можешъ.

XVII.

Чемъ больше изъ меня паскають,
 Тѣмъ больше спановлюся я:
 Боишься вверъхъ смотрѣшь, кто ходишь близъ меня,
 И многіе меня спрашася, обѣзжаютъ.

XVIII.

Рождаюсь я на свѣтъ какъ ночью, пакъ и днемъ,
 И умираю вдругъ въ рожденіи своемъ.
 Никто меня не ждетъ; но я всѣхъ посѣцаю,
 И сей незапностью ихъ сильно поражаю:
 А пошъ, кто слѣдуешъ за мной чрезъ мало время,
 Шумишь, прещишь, реветъ, спрашишь всѣхъ смер-
 пныхъ племя.

XIX.

Я шреугольника видѣ почный представляю;
 Въ поляхъ я завсегда гулянье провождаю.
 И какъ я машь мою хочю поцѣловать,
 То пошъ же часъ начну ее зубами рвать.

XX.

Названіе одно съ живописнымъ я ношу
 И цвѣтъ имѣю одинакой,
 Безгласна говорю, даю, прошу,
 Изполковашелемъ бываю спраспи всякой:
 Любилъ меня спаринный свѣтъ;
 А нынѣ на меня ужъ моды нѣтъ.
 Любимое мое жилище прежде было
 На свѣжемъ чемъ нибудь; а нынѣ тамъ, гдѣ гнило.

XXI.

Отъ пищицы я свое
 Имбю бышце;
 А ремесло мое
 Все дѣлашь то, что умъ прикажешъ,
 Чпо сердце скажешъ.

Мной въ жизни множештво прославилось людей;
 Боишся всякъ меня, коль я въ рукахъ судьей
 Неправедныхъ и злобныхъ,
 Иль имъ подобныхъ.

Велика ли я вещь; но многое шворю:
 Смѣхъ, слезы, щасье, смерть; но днешь животъ дарю
 И благоденствіе дію на миліоны,
 Изобразивъ божештвенны законы,
 Которы царештвуютъ въ безсмершный ПАВЛОВЪ вѣкъ,
 Отъ коихъ океанъ безцѣнныхъ благъ изшекъ.

XXII.

Хотъ не планеша я, но въ воздухѣ ношусь,
 И въ образѣ землѣ подобнымъ я кажусь:
 Какъ между волнъ корабль, межъ облакъ пролетаю,
 И многихъ я къ лунѣ поближъ придвигаю.

О ш г а д к и.

I Никто не можешъ похвалишся,
 Чтобъ началъ шотъ ходишь, кто чущъ успѣлъ родишся.
 II Языкъ. III Кошелекъ косной и денежной. IV Лѣшника.
 V Мука и мука. VI Письмо. VII миръ и мѣръ. VIII
 Отчаяніе. IX улишка. X Любопытештво. XI часы. XII
 Ледъ. XIII мысли. XIV Ночь. XV Перчашка. XVI Муфта.
 XVII Яма. XVIII молнѣя: XIX Борова. XX мушка. XXI
 Перо. XXII Монгольфѣеровъ шаръ.

Х О Р Ы,

I.

Въ священнѣйшій день Коронованія ИХЪ
ВЕЛИЧЕСТВЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕ-
РАТОРА Всероссийскаго ПАВЛА
ПЕТРОВИЧА I. и супруги ЕГО
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДО-
РОВНЫ. *)

Какія солнцы озаряютъ
Неколебимый Россій пронъ?
Въ божественной чепѣ сияютъ
Лучи отъ царскихъ двухъ коронъ.
Не возвращенъ ли намъ судьбиной
Великій ПЕТРЪ съ ЕКАТЕРИНОЙ?

Се ПАВЕЛЬ Первый и МАРИЯ!
Се подданнымъ Опецъ и Мать!
Ты въ жершву имъ должна Россія,
Свою всю душу изліяшь.
Съ любовью мудрость сѣдинилась;
Ты въ крапки дни преобразилась.

*) На сей и послѣдующіе хоры музыка сдѣлана Г. Козлов-
скимъ.

Уже правленія кормило
Направило швой вѣрный ходъ,
И правосудіе открыло,
Чемъ будешъ щасливъ швой народъ.
Любся милости рѣками;
О ПАВЕЛЬ! царшвуй вѣкъ надъ нами!

II.

На заключеніе мира съ Оппоманскою
Поршою въ 1791 году,
къ празднеству въ Яссахъ,

Забудемъ брань кроваву;
Низходитъ съ неба миръ.
Прехрабрыхъ Россовъ славу
Едва вмѣщаетъ миръ.

Ни море имъ, ни суша
Не сдѣлали преградъ:
Всѣ ковы злыхъ разруша,
Низвергли гордость въ адъ.

Герои! насладитесь
Плодами чудныхъ дѣлъ;
Весельемъ возноситесь
Вселенной за предѣлъ.

Опечество драгое
Въ объятія васъ ждетъ,
И время золотое
Къ забавамъ васъ зовещъ.

III.

Въ день Рожденія

Его Высокопревосходительства

Льва Александровича

Нарышкина,

отъ лица друзей его.

Музыкою и пѣніемъ въ дѣйство произведенъ
сей хоръ Февраля 26 дня 1794 года,
въ городекомъ его домѣ.

Съ воспоргомъ нашимъ гласы звучны
Несутся къ щедрымъ небесамъ,
Что дни твои благополучны
Они хранятъ въ отраду намъ.

Душа забавъ! всегда ты съ нами *)
Твои веселія дѣлишь,
Владѣешь нашими сердцами,
Въ своемъ намъ домѣ рай шворишь.

*) Сей куплетъ былъ пѣтъ внукою Льва Александровича Еленою Александровною Нарышкиною при играньи на Фортепіано.

А Марья Львовна Нарышкина акомпанировала на Арфѣ.

Да Ангелъ швой живешъ съ побою,
 Съ швоимъ семейшвомъ дорогимъ!
 Оно цвѣшетъ какъ садъ весною
 Подъ небомъ яснымъ и злымъ.

Для Полскаго.

Все согласиѣмъ здѣсь дышетъ,
 Все блаженшвуешъ съ побой;
 Дружба здѣсь ушавы шшетъ,
 Здѣсь веселье и покой.

Небеса! сей домъ храните!
 Вы, друзья, сей день почшите!

Въ пѣсняхъ съ чувшвами согласныхъ
 Торжешвуйте вы его,
 И временъ желайте ясныхъ
 Для семейшва вы сего.

Небеса! сей домъ храните!
 Вы, друзья, сей день почшите!

IV,
На Высочайшее
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
посѣщеніе дому
Льва Александровича Нарышкина
въ 1795 году,

Незашно домъ нашъ озарился
Давно желаннымъ шоржеспвомъ,
Во храмъ блаженства превратился
Пресвѣшлымъ Россовъ божеспвомъ.

О мыслей рай! — не шакъ денница
Пріятна роцамъ и лугамъ,
Какъ ТВОЙ сюда приходъ, Царица,
Ошраденъ искреннимъ сердцамъ.

Восшорги ихъ нашъ взоръ вѣщаетъ,
Дороже вѣка намъ сей часъ:
Твой взглядъ спокойшвіе вливаешъ,
Какъ нешпаръ сладосшенъ швой гласъ.

Для Польскаго.

Всѣ цвѣтешъ въ Твоемъ народѣ
И блаженствуетъ ТОБОЙ;
Такъ свѣсило всей природѣ
Жизнь вдыхаешъ теплошой.

Ничего нѣтъ справедливѣй,
Что теперь мы всѣхъ щасливѣй.

Наслаждаемся присушствомъ
Мы Владычицы своей;
Взоромъ, мыслью, сердцемъ, чувствомъ
Благодарны вѣчно ЕЙ.

Ничего нѣтъ справедливѣй,
Что теперь мы всѣхъ щасливѣй.

Въ -день Рожденія
Его Высокопревосходительсва
Александра Львовича
Нарышкина.

Музыкою и пѣніемъ въ дѣйство произведенъ
сей хоръ 14 дня Апрѣля 1799 года,
отъ лица его семейсва.

Какихъ сравнятся дней сіянье
Съ симъ нашего веселья днемъ?
Прими, прекраснѣе собранье,
Сердечное участие въ немъ.

Одинъ голосъ.

Рожденье чтимъ и воспѣваемъ *)
Опца любезна юныхъ чадъ,
Всѣ нѣжны чувства посвящаемъ
Творцу ихъ щасья и опрадъ.

*) Сей куплетъ и другой послѣдующій были пѣшы дочерію Его Высокопревосходительсва Александра Львовича Еленою Александровною при играніи въ корнѣ де бассетъ.

Свое семейство зря блаженнымъ,
 Онъ самъ доволенъ и блаженъ;
 А въ дружбѣ съ обществомъ почтеннымъ
 Самъ въ обществѣ любимъ, почтенъ.

Для Польшаго.

Больше въ свѣтѣ нѣтъ забавы,
 Какъ онъ всѣхъ любимымъ бытъ,
 Выше всякихъ пицль и славы
 Въ щасъи ближнему служить.
 Кто такъ жизнь свою устроилъ,
 Тотъ на вѣкъ свой духъ покоилъ.

Тотъ, котораго рожденье
 Торжествуемъ въ пѣсни сей,
 Зритъ свое изображенье,
 Зритъ и наши чувства въ ней:
 Такъ онъ жизнь свою устроилъ,
 И на вѣкъ свой духъ покоилъ.

На рождене
 Ея Высокопревосходительства
Марины Осиповны
Нарышкиной
 въ 20 день Юля,
 празднованный въ мызѣ Левендалѣ.

Безмолвное уединенье,
 Жилище дружбы и красотъ!
 Глази мое по роцамъ пѣнье
 Какъ тихое журчанье водъ.

Я не хочу, чѣмъ звуки лирны
 Прервали сладостный покой;
 Пусть дуновения зефирны
 Разносятъ кропко ихъ съ собой.

Бышь можешъ, какъ въ тѣни прохладной
 Найдущь владычицу пивою,
 Оподохновеня въ часъ опрадной
 Онѣ внушатъ ей цѣснь мою.

Въ сей день на свѣтѣ она родилась
 Съ любезной, ангельской душой,
 И добродѣтель воцарилась
 Надъ младостью и красотой.

Жила въ ней, съ нею возрастала
Среди прекрасныхъ жизни дней;
Живетъ, и паче возсіяла
Вечерней лѣпшъ ея зарей.

Богъ благоденствомъ, Царь щедротою
Ее достойно наградилъ. —
Блаженъ, кто на землѣ добротой
Покой и счастье утвердилъ!

Внушите вы, Зефиры нѣжны,
Что видимъ рай, когда мы съ ней;
Пой дни пріятны, безмятежны
Любезнѣйшихъ сихъ мѣстъ Орфей. *)

Пой ихъ владычицу со мною,
Которою сей рай цвѣшетъ,
Котора щедрою рукою
Довольство намъ, покой даетъ:

Пой нѣжну мать, благословенну
Обиліемъ прѣкрасныхъ чадъ,
Супругу властію почтенну
Надъ домомъ для его опрадъ:

Да будутъ нерушимы въ вѣки
Согласіе и дружба въ немъ!
Отъ нихъ живутъ лишь человѣки
Спокойно въ счастья своемъ.

*) Г. Козловскій.

Для Серенады въ Левендалѣ

ко дню именинъ

Ея Высокопревосходительства

Маринны Осиповны

Нарышкиной.

(Музыка Г. Козловскаго.)

Завѣса сонка лѣпней ночи
 Спустилась съ голубыхъ небесъ,
 Закрываетъ дремлющія очи,
 И сонъ мечтѣ уже принесъ.
 Кто сердцемъ чистъ, пошъ безмятежнѣ
 Вкушаетъ сладости его —
 Сонъ будетъ рассыпаться ижъ нѣжно
 И въ нѣдрѣ ложа своего.
 Иди, покоемъ наслади́ся
 И къ новымъ радостямъ проснися!

Приношеніе Маринѣ Дмитріевнѣ перворожденной дочери Ихъ Превосходительствъ Дмитрія Львовита и Маріи Антоновны Марешкинскихъ, при крещеніи ея въ 10 день Ноября 1798 года.

Супружеской любви лобзая первый плодъ,
 Младенца милаго, дочь нѣжную красотъ,
 Родителямъ своимъ надежду, утѣшенье,
 Сердечнымъ чувствамъ ихъ награду, наслажденье,
 Могу-ль не чувствовашъ восторгъ въ душѣ моей?
 Украсишь нѣкогда цвѣточикъ юный сей,
 Прелестный садъ семействъ благословенна рода
 Какъ роза, какъ нарциссъ въ пріятно время года;
 А можешь быть, чего не лъзя не ожидашь,
 Заставишь онъ себя любить и обожать.
 Родителей своихъ подобье совершенно
 Возможеть ли не быть любимо и почтено?
 Диша! не прежде я весь блескъ увижу швой,
 Какъ спарость мнѣ чело покроеть сѣдиной;
 И вспомнивъ, какъ себя я зналъ отъ колыбели,
 Не воздохну, что дни шакъ скоро пролетѣли,
 Но радости слезу изъ шусклыхъ глазъ пролью,
 Что зрѣлъ младенчество, и юность зрю швою.

НА Д П И С Ъ

къ портрету Его Свѣтлости
Канцлера Князя Александра Андреевича
Безбородка,
писанному Лампїемъ.

Се образъ, въ коемъ зримъ блистательны черпны
Высокаго ума, душевной доброты.
Вельможа и министръ и шишломъ и дѣлами,
Доспигъ величїя великими трудами.
Сынъ, другъ отечества, всегда неколебимъ,
Почтенъ для общихъ пользъ, и славенъ, и любимъ,
Князь Безбородко симъ блисташъ въ потомствѣ будешъ;
Отечество его во вѣки не забудешъ.

Благодарность за предпачельство

Его Высокопревосходительству

Александрѣ Львовицѣ

Нарышкину,

при пожалованіи его Орденомъ Св. Апостола
Андрея Первозваннаго, 5 Маія 1799 года.

Давно-ль обрадованъ шобою
Я былъ въ несчастіи моемъ!
Теперь шы самъ своей чредою
Ушѣшенъ Богомъ и Царемъ.
Такъ въ слѣдъ за добрыми дѣлами
Своими вѣрными спезями
Награда шесшвуешъ всегда;
И ими кшо взведенъ на щасье,
Тому не спрашно бѣдъ ненашье,
Томъ не смущися никогда.

МОНАРХЪ, — не давно на престолѣ,
 И столь ужъ много возгремѣлъ!
 Благъ, правъ во всемогущей волѣ,
 Онъ благодать небесъ обрѣлъ;
 Щедрой удивилъ вселенну,
 Возспалъ на гидру разъяренну;
 Богъ мечъ Его благословилъ:
 Побѣда за побѣдой мчишся,
 Весь свѣтъъ воззвашъ къ нему спремшся,
 Чшобъ ОНЪ его спасеньемъ былъ.

И будетъ. — Для души великой
 Препятствій нѣтъ: рече и бысть;
 А въ славѣ зря ЕГО шолокой,
 Какая можетъ сильна кисть
 Сравнишься съ похвалою свѣта?
 ОНЪ будетъ жить въ ней вѣчны лѣта,
 Но всѣхъ ЕГО славнѣ дѣлъ,
 Что добродѣтель ОНЪ возвелъ,
 Что ей отверзлася дорога
 Во внутренность ЕГО чертога.

Достоинства престолу прямо
 Съ лицомъ открытымъ предстоятъ,
 Судъ истины и милость тамо
 Законы подданнымъ гласятъ;
 Тамъ предстоишь и ны — спокойно:
 Тамъ щедро, праведно, достойно
 Знакъ новый милостей Царя
 Тебя, всѣмъ въ радость, украшаетъ.
 Такъ добродѣтель процвѣщаетъ,
 Такъ щасливъ всякъ, добро нворя.

Его Высокопревосходительству
Льву Александровичу
Нарышкину,

при поднесеніи экземпляра предвѣдущихъ
 стиховъ.

Тебя блескъ почестей уже не удивляетъ ;
 Ты въ храмѣ щастья самъ на перьву спешень спалъ ;
 Но блескъ твоихъ дѣшей еще тебя плѣняетъ,
 Ты имъ опеческо благословенье далъ,
 Да шествуютъ въ сей храмъ путемъ непрепкновеннымъ,
 Со крошопью души и съ сердцемъ несмущеннымъ ;
 Да Богъ и Государь, всесильна коихъ власть
 Все правитъ на земли, и ихъ управитъ часть. —
 Ты видишь, щайный гласъ души твоей Богъ внемлетъ,
 И нѣжно въ свой покровъ дѣшей твоихъ приемлетъ :
 Ты видишь, что МОНАРХЪ, котораго Отецъ
 Блаженства твоего начальный былъ творецъ,
 Тебѣ и имъ равно спалъ нынѣ благодѣтель,
 За ихъ и за твою высоко добродѣтель.
 Спремленья щастія не бойпесь вы сего ;
 Вы честностью души достигли до него.

 На кончину

Его Высокопревосходительства

*Льва Александровича**Парышкина*

Декабря въ 10 день, 1799 года.

Кончина праведныхъ есть вѣчный имъ живошъ,
 Предѣлъ всѣхъ горестей и суетныхъ заботъ;
 Ихъ чистая душа, что въ брени помияся,
 Съ Началомъ и Душой всѣхъ пварей сединится;
 Жизнь вѣчная — отъ бурь надежнѣйшій покровъ,
 Всякъ праведный — пловецъ достигшій береговъ;
 Почто же мы спенемъ, льемъ слезы и страдаемъ,
 Когда по брение во гробъ сопровождаемъ? —
 Сердечно чувствіе погда мнѣ говоритъ:
 Вотъ нашихъ совершенствъ прежалостнѣйшій видъ!
 Вотъ обипалище души свяшой, прекрасной!
 Вотъ образъ плѣнія! вотъ смерти зракъ ужасной!
 Она со всею насъ природой разлучилъ,
 Прерветъ съ ней нѣжну связь, разспоргнетъ, испребишъ.
 Разлука горестна! что смертенъ я, хоть знаю;
 Но о ничтожествѣ со спрахомъ помышляю,
 Зрю гробъ со шрепешомъ, невольню слезъ ручей
 При видѣ жалкомъ семъ лещея изъ очей:

Скорбь, воюль родныхъ, друзей, ихъ вздохи и сгнаныя
 Для сердца моего мучительны перзанья.
 Скончайте, бѣдныя, сей вашъ безплодный стонъ;
 Не оживишь уже ничтожна праха онъ.

Чей прахъ? чей гробъ? увы! Нарыщкина не спало,
 Въ комъ сердце рѣдкое такъ нѣжно пренешало,
 Кто добродѣтели наполненъ чувствомъ былъ,
 Кто всѣхъ любви искалъ, кого весь свѣтъ любилъ,
 Кто въ знаменности своей шѣмъ паче отличался,
 Что съ каждымъ въ обществѣ онъ равенъ бытъ спарался,
 И всѣхъ къ себѣ привлекалъ любезной простотой;
 Изъ дому дружества изгналъ весь блескъ пустой,
 Несчастныхъ утѣшалъ своимъ благошвореньемъ,
 Содѣлавъ имъ свой домъ покровомъ, утѣшеньемъ.
 И больше нѣтъ его! оспрады общей нѣтъ!
 Чемъ можешь наградишь сію потерю свѣтъ?
 Онъ пышенъ, онъ великъ, блистательнъ, пріятенъ;
 Но добродѣтели не такъ какъ блескомъ значенъ.
 Опецъ, нѣжнѣйшій другъ семейства своего,
 Пипался и дышалъ онъ щастіемъ его;
 И видя Божіе на немъ благословенъ,
 Въ семъ долагалъ свое верховно наслажденъ,
 Блаженная душа! и здѣсь ты зрѣла рай;
 А шамъ, а шамъ всего отъ Бога уповай:
 Вздохъ каждый о тебѣ и каждая капля слезна
 Достигнувъ до небесъ и до престолоа звѣзна,
 На коемъ Царь вѣковъ, Опецъ существъ сѣдитъ;
 Онъ, онъ тебя за все достойно наградишь.

Такъ, намъ жалка сія, жалка безцѣнна прапа,
 Изъ міра вѣчнаго въ сей міръ ужъ нѣтъ возвраща;
 Но сей достойный мужъ не всемъ оставилъ насъ,
 Умѣримъ нашу скорбь, прервемъ сгнющій гласъ;

Воззримъ на чадъ его, семейство всѣми чшимо:
 Все то, что въ обществѣ и рѣдко и любимо,
 Все то, чемъ въ жизни самъ почтенъ и славенъ былъ,
 Онъ въ память намъ свою въ сердцахъ ихъ насадилъ:
 Нравъ милый, искренность, ко ближнимъ состраданье,
 Щедропу, правопу, любовь, благодаренье.

Н А Д Г Р О Б И Е,

Почтимъ слезой сей прахъ; весь свѣтъ тому свидѣтель,
 Что мужъ сей обжалъ всему сердцемъ добродѣтель,

 НАДГРОБИЕ ВАСИНЬКЪ,

Едва ты началъ жить
 Мое дитя любезно,
 Какъ вдругъ преспалъ уже и бышь,
 Оспавя по себѣ воспоминанье слезно.
 Злой рокъ тебя постигъ,
 На жизнь твою озлился;
 Изъ нашихъ ты обьяпій вмигъ
 Въ обьяпія земли ужасной преселился.
 Опецъ и нѣжна мать
 Въ слезахъ, въ поскѣ, въ мученьи,
 И всѣ, кто могъ тебя узнать,
 Въ жестокомъ по тебѣ оспались сокрушеньи.
 Неумолима смерть
 Тебя не пощадила,
 Невиннаго алкала смерть,
 Изъ пѣла милого духъ нѣжный изпребила.
 Безчувственъ, кладенъ спалъ,
 И глазки пошемнѣли,
 Цвѣтъ розы на лицѣ увялъ,
 И ручки сжались, и губки почернѣли,
 Теперь спалъ прахъ и плѣнь
 Младенецъ сей прекрасный.
 Несчастный!
 Не давно началъ цвѣсть, уже и умерщвленъ.

Рососою оживленна
 Такъ гибнешѣ справка подѣ косою;
 Такъ гаснетѣ искра воспаленна,
 Такъ исчезаетѣ все печальною чредой,
 Твоимѣ пріяшствомѣ улаждаясь,
 Не шѣмѣ ласкали мы себѣ;
 Твоимѣ здоровьемѣ унѣшаясь,
 Мы всѣхѣ надѣялись на свѣшѣ благѣ шебѣ,
 Со вздохамѣ, спенаньемѣ
 Теперь во гробѣ шебя несемѣ;
 Съ надгробнымѣ пѣньемѣ и лобзаньемѣ
 Бездушнаго землѣ на вѣки предаемѣ.
 Прокожій! зря оію могилку сакрушенно,
 И зернушко сіе во гробѣ заключенно,
 Помысли, чшо нашѣ вѣкѣ; не пища-ль смерши злой?
 И чшо послѣдуетѣ еѣ побой?

С К А З К А

Нѣтѣ.

Что *нѣтѣ* бываетъ иногда
 Гораздо лучше *да*,
 Въ помѣ всякой можетъ быть увѣренъ.
 Чтѣобъ это доказать,
 Позвольте, я намѣренъ
 Вамъ оказочку сказать.

Помѣщикъ спаричокъ имѣлъ жену молодку,
 Проворную во всѣмъ, веселую красочку,
 Да слишкомъ былъ ревнивъ:

То правда, иногда бывалъ и справедливъ;
 Да жоны эшова не очень возлюбляющъ,
 И часто муженьковъ своихъ за цю щуняющъ. —

Для нуждъ своихъ,
 Не знаю я, какихъ,

Хотъ не хотѣлъ съ женой, съ деревнею разстаться,
 Ревнивой спаричокъ спалъ въ городъ собирающъ;

Однако не забылъ сказать женѣ:

„Пожалуй сдѣлай милость мнѣ,
 „Не очень безъ меня съ мужчинами водися,
 „Поменьше будь съ гостями, въ ихъ рѣчи не вджися,
 „На ихъ вопросъ всегда давай сухой отвѣтъ,
 „И иначе никакъ не отвѣчай, какъ *нѣтѣ*.
 „Какъ будешь поскромнѣ,
 „Ты будешь мнѣ милѣ.

„Тогда повѣрю я, что мужу пы вѣрна,
 „Тогда скажу: ахъ! какъ мила моя жена!
 „Пусть грубою себя мужчины называютъ;
     „А пы исполни мой совѣтъ:
     „Пускай ихъ вздоръ болшаютъ;
 „А пы на ихъ вопросъ всегда отвѣтствуй *нѣтъ*,
 „То слыша, за собой не спанушь волочиться. —
 „Смотри же, свѣпикъ мой, чтобъ намъ не побранишься.
 „Не бойсь, не побранюсь, жена ему въ отвѣтъ,
 „И буду отвѣчать на ихъ вопросы *нѣтъ*.
 Мужъ шѣмъ доволенъ былъ, съ женой своей просился,

И въ городъ оплучился.

Въ опсущспіи его, въ весіольгй лѣпній день
 Хозяюшка одна на роцицѣ гуляла:
 Пріятный видъ деревъ, прохладная ихъ тѣнь
 Частіоохонько еіо изъ дому вызывала.

Въ средицѣ роци шой,
 Не знаю, кто шакой
 Пригоженькой собой
 Дворянчикъ молодой

Просіолочнымъ пупіомъ въ шомъ городъ пробирался,
 Куда ревнивой мужъ не давно опправлялся. —
 Увидя женщину пригожую собой

Дѣпинка холостой,
 Довольный встрѣчею шакой

Съ колясочки спустился,
 Учпиво, вѣжливо красокѣ поклонился
 И началъ говорить:

Я васъ осмѣлюся, сударыня, спросить:

Моту ли эшою дорогой

Пробхашъ въ городъ я? — она ему въ отвѣтъ:

Нѣтъ.

Къ чему жъ шакой отвѣтъ суровой, строгой?

Или проотивно вамъ, что я спросилъ васъ? — *нѣтъ*.

Всѣо нѣшѣ да нѣшѣ! мнѣ очень эшо дивно.
 Такъ видно скучно вамъ со мною говорипшь? —
нѣтъ. — Вы изволише шеперь однѣ ходишь;
 Я пара буду вамъ: вамъ эшо не проотивно? —
нѣтъ. — Вы изволише смѣяшься надо мной!

Или не можете со мною извѣяснишься?

Когда угодно вамъ, я могъ бы удалипшься

И вамъ здѣсь дашь покой;

Прикажете ли? — *нѣтъ!* — шакъ вы со мной согласны,
 Чшобъ я оспался здѣсь? — какъ милы вы, прекрасны!
 Ахъ! какъ доволенъ я! — пойдюмше же гуляшь.

За шоль пріятное со мною обхожденье

Позвольше ручку мнѣ у васъ поцѣловать;

Вы не осердипсье? — *нѣтъ*. — ваше снизхожденье,

Кшотораго не спшою я,

Пріятно очень для меня! . . .

Учтивостъю пакой вы сердце мнѣ плѣнили . . . .

Вы для моихъ всево милѣе глазъ . . .

Когдабъ вы и на шо шеперь согласны были,

Чшобъ я поцѣловалъ и васъ;

Да вамъ покажѣтсья обидно;

Вы мнѣ откажете, и мнѣ шо будепшь спыдно,

Не правда-ль? — *нѣтъ*. — О! еспьли эшо шакъ,

Сказалъ онъ самъ въ себѣ, не буду я дуракъ . . . .

нѣтъ былъ шаспливѣй да; всѣо дѣло шѣмъ скончалъ,

Чшо ей въ знакъ вѣрности молодчикъ переспень далъ,

Пшомш преспившися и въ городъ поскакалъ.

Пріѣхавъ, видѣлся съ друзьями шамъ своими;

А наконецъ межъ ими

Нашолъ спариннова дружицу своево,

И не забылъ увѣдомишь ево,

Что въ роцѣ съ нимъ происходило. —
 Кпожѣ эшотѣ былъ ево спаринной другѣ?
 Ревнивой спаричокѣ, нещасной шотѣ супругѣ,
 О коемѣ сказано здѣсь прежде было.
 По слову *нѣтъ* онѣ шотчасѣ всѣо узналѣ,
 Съ досады, съ ревности дрожалѣ,
 И ужѣ не въ силахѣ былѣ дослушать окончанья.
 Постшой, сказалѣ ему, любезной другѣ!
 Вся голова моя пеперь вершихся вкругѣ;
 Я боленѣ, мочи нѣтъ, проспимся до свиданья.
 Пришедѣ домой, чево не дѣлалѣ онѣ!
 Прокляпью вѣчному жену и друга предалѣ,
 Съ печали, бѣшенства дни по три не обѣдалѣ;
 Но время кончило ево досаду, спонѣ.
 Чрезъ полгода онятъ онѣ съ другомѣ повидался,
 И какѣ шогда уже въ деревню собирался,
 То вздумалѣ и ево просишь съ собой:
 И чшобы надѣ женой
 Всѣо здѣлать опомщенье,
 Хотѣлѣ оперника предсавишь въ обличенье.
 Тотѣ слово далѣ; и пакѣ въ другой день по упру
 Въ деревню поскакали
 И пущь свой окончали
 Довольно поздно въ вечеру.
 Приѣхали домой и до обѣда спали.
 Какѣ чаю напились, въ гостинную пошли,
 Хозяйку, водку шамѣ, накрышой столѣ нашли.
 Хозяйку видя гостѣ, со всѣмѣ не догадался,
 Чшот нѣкогда онѣ въ роцѣ съ ней видался;
 Да ужѣ и времени едва-ль прошло не годѣ;
 И хощь хозайна любилѣ онѣ всей душою,
 Но прежде не бывалѣ знакомѣ съ ево женою. —

Да вошѣ

Ужѣ малой водку подаюшѣ

И всѣмѣ подноситѣ.

Хозяинѣ проситѣ,

Чтобѣ гостѣ опять пошѣ случай расказалѣ,
 Которой вѣ городѣ ему не докончалѣ.
 Гостѣ былѣ учивѣ и спалѣ расказывать сначала.
 Межѣ шѣмѣ хозяйюшка не знала, что начатѣ;
 Искусненько ему пошѣ перстень показала,
 Что знакомѣ вѣрности должна была принять . . . :
 Онѣ перстень свой узналѣ и вспомнилѣ *нѣтъ* щастливой,
 Вдругѣ вспомнилѣ и о ней,
 Не кончивѣ, замолчалѣ; а мужѣ ревнивой
 Сказалѣ женѣ своей:

Смотри чѣмѣ кончипся; а кончипся прекрасно. —
 Чпожѣ замолчали вы? извольте продолжатѣ. —
 Нѣтъ, гостѣ опѣвѣштвуетѣ: окончилось нещастно.
 Лишѣ только спалѣ у ней я руку цѣловать,
 Лишѣ только было ей во спраси извѣсился,

Анѣ шумѣ и пробудился. —

Какѣ! развѣ это вы всѣо видѣли во снѣ? —

Такѣ почно . . . по-по и досадно мнѣ: —

Такой уловкою всѣо дѣло онѣ поправилѣ,
 Отѣ подозрѣнія хозяина избавилѣ;
 А сѣ нею прежняго знакомства не оставилѣ.
 Но я прошу другихѣ сему не подражатѣ:
 Долгѣ честныхѣ жонѣ, мужей своихѣ не обижатѣ.
 Что вѣ шулку сказано, то пусть и будѣтѣ шулкой;
 А памѣ заговоримѣ другою мы погудкой.
 Мое намѣренье не вреднымѣ свѣшу бытѣ;
 Но чтобѣ чипашелей моихѣ повеселишѣ:

Мужъ хвастунъ.

Въ бесѣдѣ кшо шо говорилъ,
 Которой по свѣшу бродилъ:
 Какіе въ Турціи прекрасные законы!
 Въ какомъ шамъ изобильи жоны!
 Не полюбилась ша, другую выбирай,
 Хошь сонню набери, лишь полько пожелай.
 Тупшъ мужъ сказалъ женѣ: какое шамъ раздолье!
 Когдабъ я жилъ въ шакомъ привольѣ,
 Ужъ шо шо бы себя повеселилъ!
 Жена въ опвѣшъ: *ты тамъ дурной бы турокъ былъ.*

Эпиграмма скрипачу.

Орфей когда игралъ,
 Къ вниманію древа и камни возбуждалъ;
 А пы когда играешь,
 Насъ въ камни прешворяешь.

Р о г а.

Въ деревнѣ съ мужемъ жизнь наскучила жена.
 Съ упра до вечера бывая на охотѣ,
 Совсѣмъ не прилежалъ къ домашней онѣ работѣ.
 Ей скучно; вздумала она
 Дни два, при въ городѣ пожизнь, повеселишься.
 А мужъ тому и радъ; не всіо съ женой возишься.
 „Пожалуй не забудь, голубушка моя,

Лошадінокъ обѣзжашь;
 Молодую подзадорить,
 А лѣнливую пришпорить,
 Рысью и въ галопъ скакашь.
 Бывъ наѣздникомъ великимъ,
 Я умѣю ихъ держашь;
 Давши шпоры самымъ дикимъ,
 Ихъ принужу завизжашь.

Да и нынѣ

И въ сѣдинѣ

Не ударю въ грязь лицомъ:
 Я козакъ неугомонной;
 Нашяну свой кнутъ ремѣнной,
 Станепѣ всякая дыбкомъ.
 Такъ онъ хваспалъ, и спаруха
 Бывшая въ компаніи шупъ,
 Не пустила мимо уха
 Шпоры и ремѣнной кнутъ;
 Добру молодцу сказала:
 Гой еси донской козакъ!
 Про себя ужъ я слыжала:
 Не введи себя въ снабзакъ.
 У меня въ моемъ заводѣ
 Добрая кобылка есть,
 Не донская по породѣ,
 А не пустишь скоро сѣсть.
 Стать прекрасна, длинна грива,
 Полна шея, нѣжна грудь;
 Но дика еще, брыклива,
 Не дайшъ себя пронуть.
 Вотъ ужъ время наступило
 Познакомиться съ сѣдомъ,
 И попытокъ много было;
 Не сошлася съ ѣздокомъ.

Осѣдай еіо, мой милой,
 Размахнися, сядь верьхомъ,
 И собравшись съ прежней силой,
 Проскачи на ней пупідомъ.
 Пообѣздивши умненко,
 Ошучи брыкашь ногой;
 Пустьъ подолъ, хорошенько
 Попотѣетъ подъ шобой.

Подавай еіо скорѣ,
 Борзо шупъ козакъ вскричалъ:
 Будетъ, будетъ помирнѣ!
 И къ заводу побѣжалъ.

Какъ красавица какая
 Передъ молодцомъ своимъ,
 Вдругъ кобылка молодая
 Показалась передъ нимъ.
 Мой казакъ еіо уздаешъ,
 Треплешъ, гладишъ и сѣдлаешъ
 И садитъ ужъ верьхомъ:
 Вдругъ кобылка заплясала,
 Завертѣлась, забрыкала:
 Онъ жопѣль огрѣшь кнутомъ;
 Кнутъ согнулся шупъ кольцомъ:
 Сѣдока кобылка сшибла,
 Чесъ наѣздника погибла.

Кругина стараго пахаря.

Прощай моя прекрасна нива!
 Тебя мнѣ больше не пахашъ;
 Мой конь какъ кляча сталъ лѣнива,
 Не сможешъ головы поднять,

Бывало вдругъ полдесятины
 Напашемъ, и пойдіомъ домой;
 Теперь ударъ жопъ вѣ при дубины,
 Съ одной не сладимъ бороздой.

Бывало конь мой не уймідшся,
 Не пашешъ ниву, а дерідшъ;
 Теперь . . . пословица ведідшся:
Ремля могла не порвѣтѣ.

Не разбиралъ я вѣ прежни годы,
 Какой имѣешъ нива кряжь;
 Какой бы ни была породы,
 Орю, когда придідшъ миѣ блажь.

Ешъ пвѣрдый кряжь, сухой и прочной,
 Ешъ слабой, рыхлой, водяной;
 Всіо пожь, будь шолько пахарь мочной,
 Запляшешъ нива подѣ шобой.

Нѣшъ нужды вѣ шомъ, что хвороспиной,
 Волчцомъ и шѣрномъ заросла;
 Пахаль, не видѣлъ ни единой,
 Чшобы плода не принесла.

Теперь я спалъ уже разборчивъ,
 Заросшихъ пашней не шерлю,
 Не къ лѣшамъ прихопливъ, приморчявъ,
 Я нивы гладкія люблю:

Чтобъ только правка молодая
Едва подюрнула по нихъ. —
Къ чему жъ разборчивость пакая?
Пахать не въ силахъ ужъ моихъ.

Младые пахари! взгляните
Съ слезой сердечной на меня;
А вы, о нивы! покормите
Хошь правкой моево коня.

Упробы вашей не перзая,
Мы спанемъ лишь глядѣшь на васъ;
Иль вашей муравой играя,
Такъ . . нѣжисься въ свободной часъ.

П О Э М А
С А Д Ы,

или

ИСКУСТВО УКРАШАТЬ
СЕЛЬСКІЕ ВИДЫ.

Сочиненіе Аббапа де Лилля, члена
Французской Академіи.

Переводъ съ Французскаго,

въ коемъ помѣщеніи примѣтанія сего стихотворца на нѣкоторыхъ мѣстахъ Первой и Второй пѣсни его Поэмы: послѣднія двѣ, коихъ переводъ еще не кончанъ, помѣщенны будутъ во второй книжкѣ сихъ Стихотвореній.

П О Э М А
С А Д Ы .

П Ъ С Н Ъ П Е Р Ъ В А Я .

Се паки въ мѣръ весна прїятная вспуаетъ,
Зефировъ, пшиць, цвѣшны и гласъ мой оживляетъ.
Что буду новое вѣщати въ моихъ стихахъ?
Когда въ поляхъ, въ лѣсахъ, на окрестныхъ горахъ
Земля ошъ долгаго унынья ошдыхаетъ,
Въ надеждѣ всѣо, въ любви и щастїи играетъ,
Пускай другой гласишъ великїя дѣла,
Пусть въ храмѣ славы ихъ сіяетъ похвала;

Пусть на гремящую злашую колесницу
 Побѣду вознесешь, пускай свою десницу
 Кроровой чашею Атрея обагришь;
 Улыбка Флоринъ мой духъ живоизводитъ,
 Спрямлюсь воспеть Сады: 'Ошкрою, какъ искусство'
 Въ простыхъ мѣстахъ плѣнять умещь наше чувство,
 Какъ управляетъ шамъ и дерномъ и водою,
 Цвѣтами разводитъ и лѣбнью густою.

О муза! жаль—тебѣ Лукрецій долженъ былъ,
 Что спроег свои уроки умягчилъ,
 И ешлы, языка боговъ не помрачая,
 Соперникъ онаго на лирѣ услаждая,
 Трудолюбиваго пѣлъ рахая съ тобой;
 Приди обильнѣйшій предметъ украсишь мой,
 Котораго прельщенъ Виргилій былъ красою.
 Не спанемъ чуждыхъ мы убранствъ искашь съ побю;
 Изъ собственныхъ цвѣшковъ вѣнокъ мой будетъ свить,
 Приди, и онъ мое чело приосѣнишь;
 Какъ чисто облако лучъ солнца озлацаетъ,
 Такъ стихъ мой красками предмета возблискаетъ.

Искусство кропкое, что я въ стихахъ воспѣлъ,
 Въ началѣ дней своихъ свѣтъ древній произвелъ.
 Съ пѣхъ поръ, какъ человекъ подвергъ поля работъ,
 Часть лучшую земли украсишь былъ въ заботъ;
 Въ ближайшихъ онъ мѣстахъ отъ вѣра своего
 Любимыя древа и выбора его
 Разсаживалъ цвѣшны, законъ имъ свой устроилъ.
 Тамъ роскошь сельская преспаго Алкиноя

Убрала огородъ. 1) Исполненнымъ чудесъ
 Искусствомъ Вавилонъ сады на воздужъ взнесъ. 2)
 Тогда, какъ Римъ послалъ оковы всей вселенной,
 Герой побѣдою въ звѣринецъ украшенной
 Спокоишь славу шель и укропишь свой громъ. 3)
 Премудрость нѣкогда въ садахъ имѣла домъ

- 1) Гомерово описаніе о садѣ Алкиноя есть драгоценный памятникъ древности и исторіи о садахъ. Оно, какъ видно, изображаетъ самое еще рожденіе искусства, когда вся пышность сада состояла въ порядкѣ и симетріи, въ богашествѣ земли, изобиліи дровъ и двухъ водомешахъ, конми онъ украшался; и всякой, кто бы пожелалъ имѣть садъ для того, чтобы имъ утѣшиться, а не для того, чтобы его показывать, не спалъ бы изъ за него требовать другаго.
- 2) Сѣи всякіе сады частію существовали еще въ 16 столѣтіи по заведеніи оныхъ, и удивили Александра при вшествіи его въ Вавилонъ.
- 3) Въ одномъ письмѣ Плинія младшаго сохраняется весьма драгоценный памятникъ вкуса и начертанія садовъ Римскихъ. Изъ онаго видно, что тогда уже извѣстно было искусство обдѣлывать деревья и давать онымъ различныя фигуры сосудовъ или живошныхъ, что Архитектура и пышность въ зданіяхъ были главнымъ украшеніемъ ихъ Парковъ; но всякой имѣлъ въ предметѣ пользу: о чемъ совсѣмъ почти забыто въ новейшихъ садахъ. — Сего Плиніева описанія переводчикъ не помѣстилъ здѣсь для того, что оно по длинностѣ своей много бы заняло мѣста. Знающіе Французскій языкъ съ большимъ удовольствіемъ прочтуть его въ подлинныхъ примѣчаніяхъ де Лилла въ концѣ сей Поэмы.

И съ видомъ ласковымъ давала наставленье.
 Колю боги избрали премудрымъ въ награжденье
 Жилищемъ Елисей; чертоги-ль имъ даны?
 Зелены рощицы, цвѣтущи равнины,
 Жилище, гдѣ всегда утѣхи зрѣлись, радость,
 Гдѣ мира вѣчнаго они вкушали сладость.

Но время намъ явитъ предъ свѣтомъ новый трудъ;
 Предмета прелести къ сему меня влекутъ,
 Великодушіе Филиппа одобряетъ.

Кто больше красоты полямъ придасть желаетъ,
 Могущимъ и простой пріятностью плѣнитъ,
 Брегися множествомъ издержекъ оскорбитъ
 Природу мудрую. Въ сей должности почтенной
 Художникъ долженъ быть разсудкомъ одаренной,
 Изощревающей не деньги, разумъ свой.
 Тамъ садъ пространный картина предо мной,
 Гдѣ видно болѣе искусствѣ, чемъ богатства,
 Гдѣ меньше пышности, а болѣе пріятства.
 Будь живописцемъ ты. Поля, шьма ихъ опмѣнь,
 Различный свѣта блескъ, многообразна шьнь,
 Годичны времена, часы, своей чредой
 Перемѣняючи кругъ дневной, годовой,
 Цвѣтущихъ сихъ луговъ богатства изпканья,
 Веселыхъ скаповъ сихъ зелены одѣянья,
 Древа, крупины горъ, и воды и цвѣты }
 Суть кисти для себя, и краски, и холсты.
 Располагающей спихіями рукою
 Рисуй и созидай, напура предъ шобою.

Но прежде нежели ты спанешь насаждатьъ
 И землю заспуномъ небрежнымъ копатьъ,

Дабы умѣшь садамъ дославить видъ прелестной,
 Въ природѣ углуби вниманіе чудесной,
 Разсмащривай ее и примѣняйся къ ней.
 Сколь часто пораженъ былъ взоръ пвоихъ очей,
 Когда нечаянно въ мѣспахъ уединенья
 Срѣпалъ онъ зрѣлица доспойны удивленья,
 Чшо шеспвіе швое могли оспановишь
 И сладкую въ шебѣ задумчивость родишь.
 Тѣжъ сильныя черпы присвой, когда по можно,
 Какъ украшашъ поля, съ полей учишься должно.

Съ вниманіемъ и шѣ разсмащривай мѣспа,
 Гдѣ вкуса понкаго сіешъ красоша.
 Съ избранныхъ сихъ каршинъ избрашь пы искусися;
 Пріятной пышности Шанпилия Дивися:
 Герои многіе одинъ вѣкъ за другимъ
 Спаралися его одѣшь убраншвомъ симъ.
 Великолѣпный видъ Белеля и дубравный, 4)
 И гордый Шаншелупъ, еще до нынѣ славный
 Изгнаньемъ прежняго владыки своего,
 Сущъ пища сладкая для взора швоего.
 Прелестныя весны предшесшвенникъ несмѣлый,
 Любезный Тиволи, сей цвѣтѣ еще незрѣлый,
 Облекшись въ новую одежду, первъый былъ,
 Кошорый образецъ всей Франціи явилъ. 5)

4) *Белель* загородный домъ Принца де Линя.

5) Мѣшположеніе *Тиволи* не представляло блисшасельныхъ каршинныхъ видовъ; но Г. Бушень имѣлъ въ самомъ дѣлѣ даръ извлечь изъ шого лучшій, сколько можно было, способъ, наипаче испышавъ первъый съ успѣхомъ испривильный родъ садовъ.

Съ усмѣшкой Граціи Монпрейль нарисовали. 6) Мопертюи, 7) Дезеръ 8) и Лимуръ возблиспали, 9) И Ренси, 10) и Ошейль являющъ рай въ очахъ. Какъ мило заблуждашь на свѣжихъ ихъ пропахъ! Тѣнь Генриха еще Наварру посѣщаешь. Пріятность Трианонъ 11) съ величьемъ сѣдиняешь, Въ помѣ съ юнымъ божешвомъ равняся своимъ, Украсяся для него и украшаясь имъ. Ты, князя милаго приспанище спокойно! 12) Толь скромное шебя названье не достойно;

- 6) *Монтрейль* прекрасный садъ Принцессы де Гюмене, по дорогѣ изъ Парижа въ Версаль.
- 7) *Мопертюи*. Сей садъ извѣстный подъ именемъ *Елисей* принадлежишь Маркизу де Моншескю. Когда прозрачныя воды, разныя произрашенія, удачная смѣсь холмовъ и долинъ дѣлающъ мѣсто красивымъ и пріятнымъ; шо Елисей достоинъ милаго своего названія.
- 8) *Дезеръ*. Оный садъ расположенъ съ превосходнымъ вкусомъ Г. де Монвиллемъ.
- 9) *Лимуръ*. мѣсто сие, шо природѣ дикое, оимѣнно украшено Графинею де Брѣонъ, и нѣсколько лишилось своей грубости, не пошлявъ однакожъ важнаго своего вида.
- 10) *Ренси*. Сей прекрасный садъ принадлежишь Герцогу Орлеанскому.
- 11) *Малый Трианонъ*, садъ Королевы, есть образецъ въ семь родѣ. Тутъ видно богатство, употребленное вездѣ со вкусомъ.
- 12) Разумѣется пріятный садъ подъ именемъ *Бездѣлки*, расположенный съ великимъ умомъ для Графа д'Аршоа и имѣющій шу выгоду, шо помѣщенъ въ срединѣ

Прелестно мѣсто! дай владыкѣ своему
 Всіо по найши въ тебѣ, чѣмъ долженъ я ему,
 Пріятность времени и рай уединенья!
 Пѣша и его благошворитель пѣня,
 Онъ мой внимаетъ стихъ межъ сладостныхъ пѣвцовъ,
 Въ саду семъ среди парнасскихъ въ немъ цвѣшовъ.
 Изъ нѣдра такъ правы фіалка вырастаютъ
 И подлѣ лиліи прекрасной расцвѣшаютъ.
 Безвѣстна спутника мужей преславныхъ сихъ
 Когда бы слабый гласъ могъ также пѣшь какъ ихъ;
 Тогдабъ свои сады въ картинахъ я представилъ
 И купно бога въ нихъ живущаго прославилъ,
 Художества бы я и дружбу возгласилъ,
 Которыя онъ шупъ съ собою водворилъ.
 Да изпѣтъ онъ шамъ блаженства полную чашу!
 А ешьли сельское убѣжище украшу,

прекрасной роци, кажется, часть онаго составляющей. Павильонъ опмѣнно красивъ. — Я не наименовалъ здѣсь многихъ пріятныхъ садовъ сдѣланныхъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Много ешь такихъ, о коихъ достойно было бы упомянуть; и изъ числа оныхъ суть: *Фалеза*, *Морфонтеъ*, *Роасси* и *Мальмзонъ* пріятный красошою своихъ роцей, водъ, видовъ и мѣстоположенія.

Въ какомъ шо нынѣ положеніи всѣ сіи прекрасныя сады, коими гордилась Франція предъ цѣлымъ свѣтомъ? Жаль, ежели такое великолѣпное убранство земли сея обезображено наглыми руками изшребителей, вмѣняющихъ иногда въ честь уничтожать рѣдкое и прекрасное, прудомъ ума и времени произведенное!

Свѣтлѣйшій шамъ его я образъ вознесу,
 И первенцы цвѣтовъ на жертву принесу.
 Лавръ съ миршой возрастивъ Бурбонцамъ драгоцѣнны,
 Увѣшу вкрутъ его ихъ вѣтви соплешенны.
 Когда и сѣнь, и миръ, и вольность мнѣ вдохнушь,
 Даровъ сихъ посвящу виновнику мой прудъ.

Я рекъ, что шѣмъ мѣстамъ искусство подражаетъ,
 Которыхъ прелести природа созидаетъ;
 Но прешыканія шамъ должно избѣгать:
 Умъ подражательный привыкъ насъ обольщать.
 Ненужное землѣ оставь пы украшенье:
 Тщись первѣе всего знать мѣстоположенье,
 Способности его пы свято почиай,
 И божество его на помощь призывай
 Карающе всегда за свой законъ погранный.
 Опважный менѣе, колико вѣ мысляхъ спранный
 Художникъ, каждый день, безъ вкуса, по полямъ
 Перемѣняя всѣ, всѣ безобразитъ шамъ.
 Нелѣпымъ выборомъ красокъ соединенныхъ
 Онъ мѣстъ, Италіи на вкусъ расположенныхъ
 Прелестный поршитъ видъ, во Францію пришедъ.
 Учись распознавать, дерзай шѣмъ овладѣть,
 Что съ удовольствіемъ земля воспринимаетъ:
 Оно пріятностью природу превышаетъ,
 Но пажь природа всѣ. Каршинѣ шаковой
 Во превосходствѣ нѣтъ подобной никакой.
 Такъ знали выбирать Беркгемы и Пуссены.
 Спайрайся перенять пруды ихъ совершенны.
 И то, что живопись могла съ полей зѣнять,
 Искусство должно всео природѣ воздавать.

Разсмотримъ выборъ мы земель шеперь подробно,
 И кое мѣсто швой законъ пріять удобно.
 Я мыслью прохожу къ несчастнымъ временамъ,
 Какъ объявляло брань прекраснѣйшимъ мѣстамъ
 Искусство; нѣдра шамъ земныя раздирая;
 Срывающа холмъ оно, лоцины засыпая,
 Щасливый кряжъ земли преобращало шамъ
 Въ безплодны площади несносныя глазамъ.
 Искусство, сей пиранъ и врагъ лугамъ пріятнымъ
 Упошребленемъ прошивнымъ и превратнымъ
 Днесъ горы силишся и доли созидать.
 Бѣги сихъ крайностей. Тыбъ спалъ изощевашъ
 Безплодно прудъ, съ землей гористую еражаясь.
 И горка робкая, которая въздымаясь
 На гладкой равнинѣ, едва на ней видна,
 Намѣсто всѣхъ прикрасъ бываетъ лишь смѣшна.

Желаешь ли шымѣстѣ прудамъ швоимъ надежнымъ?
 Бѣги неравнымъ горъ, полей безмѣрно смежныхъ;
 Ищи высотъ, гдѣбъ холмъ красивъ и не надменъ
 Былъ надъ богашою долиною вознесенъ.
 Тамъ сладкій сокъ земли умѣренно пипаетъ,
 Ушесовъ нѣшъ на ней, суха, но плодъ рождаетъ.
 Ты шеспвуешь, шибъ послушенъ горизонтъ:
 Земля передъ шобой колеблется какъ поншъ,
 То възвышается, шо вдругъ упадшей эришся,
 То расширяется, шо сжаша спановишся.
 Довольшвий сполько же, сколь много и премѣнъ.

Пусть скрытый землемѣръ, компасомъ вооруженъ,
 Садъ правильный въ умъ холодномъ представляешъ,
 И въ кабинетѣ планъ его начершавашъ;

Ты виды съ самыхъ мѣстѣ карандашемъ снимай,
 Тамъ ошдаленности, пригорки назначай
 И зрѣлица сіи являющи пріятства;
 Предвидь всѣ способы, предчувствуй всѣ препятства:
 Едини трудности рождаютъ чудеса.

Безплоднѣйшей землѣ есть свойственна краса.
 Нагаль? одѣнь ее пы рощей красотою:
 Закрышаль? въ мрачный лѣсъ неси попорѣ съ собою:
 Болотисшаль она? изъ мушной влаги сей
 Озера, рѣки пы обильныя пролей;
 Борся съ воздухомъ, землею и водами,
 Исправь, очисти ихъ успѣшными трудами:
 Сухаль она? ищи, пышайся дальъ рышь;
 Вода хотя себѣ и медлишь измѣнишь,
 Близка ужъ можетъ бышь, чпобѣ бышь ей изпоченной.
 Такъ долговременнымъ усилениемъ удрученной,
 Сухія, хладныя подробности кленя,
 Щасливую чершу незапно вижу я;
 Изъ нѣдра вдругъ она безплоднаго спремилъся,
 И стихъ мой оживленъ свободнѣе капишься.

Есть прудъ пріятнѣйшій, искусство изумишь.
 То мало взорѣ плѣнѣишь, знай сердцу говоришь.
 Извѣстны ли тебѣ невидимы сношенья
 Бездушныхъ тѣлѣ, существѣ имущихъ ощущенья?
 Внималъ ли пайный гласъ, выпійство безъ рѣчей
 Луговъ, долинь и горъ, водѣ, рощей и полей?
 Яви намъ дѣйства тѣжъ. Содѣлай, чпобѣ спокрашно
 Изъ благороднаго перехода въ пріятно,
 Изъ радости въ печаль, всіо могъ я заняшь бышь;
 И чпобы пы умѣлъ всѣмъ вкусомъ угодить,

Сбери, колико есть, пріяшностей всѣ роды
 Изъ нѣдръ художества, изъ нѣдръ самой природы,
 Представь величіе въ нихъ купно съ прошпшой,
 Пльни и порази пы ими разумъ мой.
 Чтобъ живописца кисть шамъ всіо обогащало,
 Чтобъ вдохновеніе піиша восхищало,
 Чтобъ мудрый пишины пущъ сладость находилъ,
 Щаспливый вспоминалъ, нещаспный слезы лилъ.

Но дерзость зрю вездѣ, съ разсудкомъ рѣдкихъ
 знаю.

Гдѣбъ пронущъ бышь хощѣлъ, шамъ спранности вспрѣ-
 чаю.

Брегись шѣжъ разныхъ дѣйствѣ худую цѣль сляшь,
 Чтобъ не совмѣспныхъ чертѣ хаоса не создашь.
 Пропивурѣчіе рождаетъ опвращенье,
 Оно совсѣмъ не есть пропивуположенье.

Проспранно полошно имѣй для сихъ каршинѣ.
 Не мысли рѣкъ, озерѣ, горѣ, роцей и долини
 Представилишь полный видѣ, гранича въ рамахъ шѣсныхъ.
 Смѣются шѣмъ садамъ, въ которыхъ чертѣ преле-
 спныхъ,

Природы смѣлою разбросанныхъ рукой,
 Нелѣпость видима пародіи смѣшной,
 Гдѣ цѣлую спрану, коль вѣришь лязя, единой
 Искусство грубое объемлетъ десятиной.

Намѣспо сбивчивой, огромной смѣси сей
 Ты разношь покажи и видовѣ и вещей,
 Дабы сблизенные равно какъ опдаленны,
 Не вояся зримые и вполне опкровенны

Различныхъ зрѣлищей являли намъ соборъ;
 Чпобъ дѣйствиѣмъ сего нашъ любопытный взоръ
 Безвѣстность хитрая помила, развлекала,
 И въ сладостной его превогѣ оставляла.
 Со вкусомъ наконецъ убранства помѣщай,
 Не слишкомъ скрадивай, не слишкомъ возвѣщай.

Но чпобъ очаровашъ, нужнѣй всего движенъе:
 Духъ праздный безъ сего падетъ во усыпленъе;
 Когда оно пвоихъ полей не оживишь,
 Тогда по случаю мой взоръ на нихъ екользипъ.
 Я живописцевъ здѣсь въ примѣрѣ хочу предс-
 вить,
 Возмогшихъ мастерствомъ себя уже прославишь,
 Обильной кистію рисующихъ своей
 На мртвомъ полощиѣ пьму движимыхъ вещей:
 Бѣгущія спруи, вѣтрѣ вѣшвія клонящій,
 И дымъ изъ хижины клубами изходящій,
 Спада, гульбу, игру и пляски паспуховъ.
 Ихъ таинству внимай. Ты гибкихъ сихъ кустовъ,
 Сихъ движущихся древъ сади какъ можно болъ,
 Которыхъ гибкій верхъ покоренъ вѣтровъ волъ;
 Колеблющуюся ихъ зелень уважай,
 Природу оскорбляшь желъзу не давай.
 Смотри, какъ эшотъ дубъ и вязъ она рисуешъ,
 Какую мягкость имъ качаніемъ даруешъ,
 Сугубя гибкость шу опъ пня до вѣшвій ихъ,
 Опъ вѣшвій до листковъ искусствомъ рукъ своихъ.
 Но люшы ножницы . . . предупреди по бѣдствю;
 Теките, Нимфы, дашь къ спасенію ихъ средствю.
 Но что я говорю? свершилась люшость зла,
 Спаль зеленѣючи верхи ихъ ошняла.

Уже вдали надъ ихъ колеблемой главою
 Не слышенъ аквилонъ лепящій съ быспропою,
 Копорый нѣкогда въ ихъ вѣшвахъ прешпалъ,
 И удаляясь на воздухъ, умиралъ.
 Единообразны спавъ и живоспи лишены,
 Желѣза, кажется, копорымъ усѣченны,
 Недвижну приняли упругость на себя.

Въ картинахъ пы своихъ движеніе любя,
 Оспавъ древамъ швоимъ ихъ милое качанье.
 Въ проспектахъ покажи обильное собранье
 Вещей, въ движеніи являющихся намъ:
 Дай печь, плескашь, скакашь и падашь симъ вол-
 намъ.

Ты холмы зришь сіи, лѣса, поля пуспыя,
 Различныя спада пошли въ мѣспа любыя
 И многочисленность разсѣй повсюду ихъ.
 Съ вершины дальней горъ кусписпыхъ и крушыхъ
 Повѣсившіяся шамъ зримы козы дики.
 По скашамъ эхо здѣсь разноситъ агнцевъ крики.
 На сихъ лугахъ, что холмъ водой своей поипъ,
 Жуя, шяжелый волъ колѣнами лежишъ,
 Тогда какъ бурный конь, сей ярый и надменный,
 Военный, пылкій звѣрь, презубцемъ порожденный,
 На шучной пажипи своей предъ нимъ игрой
 Силь бодрость съ дикою являешъ красшой.
 Живъ, гибокъ, сановишъ, онъ вихремъ шамъ лепашъ:
 То въ бысприну рѣки, дрожа, себя ввергаешъ,
 И шамъ съ волной борясь, ногой въ спруку разишъ,
 Которая предъ нимъ бѣлбецъ и шумишъ;
 То распуспя власы по вѣпру долгой гривы,
 Скачками опъ себя уходишъ онъ чрезъ нивы;

Гордѣ, въ пламени глаза, дымѣ пышетѣ изѣ ноздрей,
 Прекрасенѣ отѣ любви и гордоспи своей,
 Лепитѣ къ любовницамѣ! когда изѣ глазѣ умчипся,
 Мой взорѣ еще за нимѣ послѣдуетѣ, спремипся.

Такѣ изшощаемо сокровище шобой,
 Природы щедрою разсыпанно рукой,
 Тѣнь, виды, и вода, и мѣсположенье
 Даютѣ садамѣ швоимѣ жизнь купно и движенье.

Но ежели мой глазѣ въ движеньи прелоспъ зрипѣ,
 Не меньше вольноспи его плѣняетѣ видѣ.
 И шакѣ ошавъ садамѣ предѣлѣ неположенный,
 Иль скрой, иль уничтожь. Гдѣ глазѣ ненасыщенный
 Не зрипѣ ужѣ ничего, прельщенье гибнетѣ шамѣ.
 Края прекрасныхѣ мѣспѣ прискорбно видѣшъ намѣ;
 Ввергая скоро въ грусть, помятѣ они досадой.
 За онымѣ рубежемѣ, за скучной сей оградой
 Воображаются мѣспа милѣе сихѣ;
 Тревожный рушитѣ умѣ прельщенье глазѣ моихѣ.
 Какѣ праощы швои, что вѣчно воевали,
 Жилища сельскія во замки превращали,
 Всякѣ въ башнѣ бывѣ своей стѣбною огражденѣ,
 Для безопасности жилѣ шамо започенѣ;
 Теперь къ чему сіи прошивны служатѣ стѣбны,
 Хранимы гордоспью и спражомѣ сорууженны?
 Скучая зрѣнью, онѣ его шягчатѣ;
 Какѣ имѣ не предпочестѣ цвѣшущихѣ стѣхѣ оградѣ,
 Изѣ иглѣ сплешенныхѣ стѣбнѣ, дрожащей гдѣ десницей
 Ты розу дику рвешъ съ багровой шелковицей?

Но огражденный садѣ мой безпокоитѣ духѣ.
 Возримѣ, ошавя сей шoliko шѣсный кругѣ,

На родъ обширнѣйшій, на лучшія карпины,
Которымъ подражалъ Эрменонвиль единый.

Поля нашли себѣ убѣжище въ садахъ;
Теперь сады найдутъ убѣжище въ поляхъ.

Съ высокихъ сихъ холмовъ, сихъ горъ, откуда зрѣнье
Объемлетъ мѣста всѣ обширно положенье,
Природа разуму вѣщала такъ: „внемли!
„Сія сокровища ты зришь; онѣ твои.
„Въ ихъ дикой пышности еще неустроенной
„Искусства пребудетъ мой трудъ несовершенной.
Рекла: спремись онѣ, по всѣмъ мѣстамъ лещишь
Рысь грудь, гдѣ красы премноги спящи зришь.
Лещи изъ рощей въ лугъ, несясь на холмъ съ долины,
Разнообразныя рисуетъ онѣ карпины.
Онѣ для прельщенья глазъ умѣетъ сѣдиниць,
Развлечъ, опкрышь иль скрышь, дашь тѣнь и освѣ-
пить.

Не созидаетъ онѣ, но правитъ, вычищаетъ,
Природою черныя начаты довершаетъ.
Горъ черныхъ каменныхъ чело онѣ спрашно скрыль,
Лѣса развеселя, ихъ ужасъ укропилъ.
Изсточникъ заблуждалъ, онѣ бѣгъ его направилъ,
Озѣра и ручьи обильно печь заспавилъ.
Онѣ хочетъ, и слези бѣгутъ искашь, хватать
И членъ всѣ сія разсѣяны связать,
Которыхъ множество бывъ чудно соплещенно,
Намъ въ цѣломъ зрѣлище являющъ совершенно.

Ужасны можетъ бытъ искусство тѣ труды.
Взгляни ты, въ наши вшедъ старинныя сады,

На мѣлки рѣдкости, бездѣлки драгоцѣнны,
 На спуски, водоемъ, рѣшешки изсѣченны.
 Гораздо меньше тѣхъ издержекъ изводя,
 Которыхъ мѣлочной художникъ не щадя,
 Украсилъ мѣсто, день одинъ глазамъ пріятно,
 Украсишь можешь ты проспранство необъянно.
 Великолѣпіе исполненно мечпы!

Повергнися предъ симъ искусствомъ шонкимъ ты.
 Да въ новый Франція Эдемъ преобразишь,
 И взору въ ней одинъ проспранный садъ явишь!

Но ежели начашъ не смѣешь подвигъ сей,
 Ограду ты разрушь вокругъ площади своей
 И увеличь мѣста богатствомъ представленій.
 Долины ты, холма, прелестныхъ ошдаленій
 Проспранство чуждое садамъ своимъ придай,
 Любуйся зрѣніемъ, очами обладай.

Схвасишь и привязашъ умѣй къ нимъ наиболъ
 Тѣ встрѣчи щасптивы, что опличаюгъ поле.
 Здѣсь роцей хижина окружена густой;
 Града вѣнчаюгся шамъ башенъ высотой,
 И синій аспидъ ихъ, что издали сверькаетъ,
 Изчезнушь въ небесахъ въ ихъ оспрый верьхъ взбѣгаетъ.

Не забывай рѣки, печенья, береговъ.
 Твой глазъ спремится въ слѣдъ летящихъ парусовъ.
 Ты зришь, какъ оспрова изъ нѣдръ ея возникаюгъ,
 И какъ спруи вдали подъ мостъ себя скрываюгъ.

Проспранство-ль моря ты увидишь предъ собой,
 Его величье съ премѣною ошкрой.

Здѣсь дай узрѣшь его сквозь вѣшви дровъ зеленыхъ,
 Тамъ въ углубленіи аллеи покрытыхъ темныхъ,
 Какъ длинныя трубы въ концѣ сводѣ кажетъ намъ.
 Оно изъ за лѣска встрѣчаясь здѣсь очамъ,
 Еще перяется; а шамъ въ свободѣ зрѣнѣ
 Безмѣрность онаго откроешь во мгновенье.
 Впери въ премѣны тѣ перяющіяся глазѣ;
 Но долженъ я сказать, скупой рукой вокругъ насъ
 Великолѣція шакого сѣюшь рода
 Искусство, человекъ, и время, и природа.

Долины Греціи! Авзоніи поля!
 Уму любезная, дышающая земля!
 Сколь часто въ горизонтѣ прекраснѣйшій вспунал,
 Художникъ мечетъ взглядъ и духъ свой воспаляя,
 Беретъ поспѣшно кисть, сей отдаленный видъ,
 Моря и острова, и пристани чершишь,
 И горы пламенны, днесъ плодъ производи
 И лавы горъ еще стремленіемъ грозящи,
 Возникши зданія на зданіяхъ другихъ,
 Которы видимы въ развалинахъ своихъ;
 Въ семъ долговременномъ земли и водѣ боренѣ
 Зришь міра древняго въ мірѣ новый прерожденье.
 Увы! прелестнаго жилища я не зрѣлъ
 И мѣстѣ блаженныхъ, гдѣ сполькратъ Виргилій пѣлъ;
 Но пѣнемъ его и имъ самимъ қянуся,
 Чрезъ Аппенинскія вершины пренесуся;
 Полнѣ именемъ его, стихами упоенъ,
 Пойду чашашъ ихъ шамъ, гдѣ былъ онъ вдохновецъ.

А вы пѣнные береговъ сихъ красошами,
 На мѣсто чшббъ амѣшь предъ вашими садами

И пышность чуждую даетъ ихъ красотамъ,
 Древамъ гласитъ законъ, предѣлъ кладетъ волнамъ;
 Онъ есть деспотъ, что взоръ къ рабамъ надменный
 мечетъ,
 Пріятствомъ менѣе, величьемъ больше блещетъ.

Другой, природы другъ почтительный, прямой,
 Убранства, безъ прикрасъ излишнихъ, въ ней самой
 Къ усугубленію пріятствъ ея находимъ,
 Ко прихотямъ ея любезнѣйшимъ снисходитъ,
 На благородную небрежность крошко зримъ
 И шествіе ея неправильное чшимъ;
 Изъ безпорядка онъ, гдѣ даже и не чаемъ,
 Съ искусствомъ красоты плѣняющи рождаетъ.

Но каждый есть изъ двухъ владыка правъ своихъ,
 Какъ Кеншъ, 14) такъ и Ле Нопръ; я не сужу межъ ихъ.
 Всякъ красоты свои имѣетъ и законы;
 Тотъ созданъ для вельможъ блистать и для короны.

14) Кеншъ, Архитекторъ и знаменитый списатель видовъ
 въ Англіи, былъ первый испытавшій съ успѣхомъ
 вольный родъ садовъ, кошорый начинаеть распро-
 страняться во всей Европѣ. Первые же онаго изо-
 брѣшатели безъ сомнѣнія Кишайды. Описаніе садовъ
 ихъ сдѣлалъ славный Англинскій художникъ Г. Шам-
 беръ, путешествовавшій въ Кишай. Опрывокъ сочи-
 ненія любопытный, и книгу, изъ кошорой онъ взялъ,
 рѣдко достать можно. — Переводчикъ не разсудилъ
 его внести сюда; онъ много занялъ бы мѣста. См.
 въ подлинныхъ примѣчаніяхъ Г. де Лилля, въ концѣ
 сей его поэмы.

Къ великолѣпію Цари осуждены.
 Вкругъ ихъ могущества всю власць внимашь должны.
 Тамъ щцашся удивись и напишашь всѣ чувства
 Чудесной роскошью и пышностью искусства.
 И шакъ искусствомъ лѣзя природу покорись ;
 Но должно, покоривъ, ея превыше бышь.
 Глскъ онаго его законы составляешъ,
 Бывъ хищникъ, но великъ, прощенье получаетъ.

Чпожъ въ жадныхъ сижъ садажъ, игрушкѣ полевой,
 Въ жилищахъ скучныхъ сижъ? Пусть скучной и пустой
 Хозяинъ ихъ шебъ съ воспоргомъ выхваляешъ
 Древа, копоры онъ не худо прибираешъ,
 Бесѣдки малыя, что онъ изъ древъ скропаль,
 И кои щцательнo подспритъ и уравниаль,
 Въ сразмѣрности свой планъ довольно справедливой,
 Гдѣ нѣшъ аллеи, нѣшъ куршины особливой,
 Но каждая съ сеспрой, съ подругою своей.
 Пусть хвалишъ свой цвѣшникъ съ наспрочкой песч-
 рой сей,
 Стези, что скучили снурку повиновашься,
 И скудны ручейки, чуть смбющи скипашься,
 Сей букъ содѣланный въ подобье пирамидъ,
 Имбющій шара или сосуда видъ,
 И спѣпуйки сіи изрядно изсѣченны,
 На основаньи ихъ довольно возвышенны.
 Дай бѣдной роскошью хвалишья имъ своей:
 Мнѣ дикія поля шакихъ садовъ милѣй.

Ошъ мѣлкихъ сижъ чудесъ, ошъ слабыхъ начертаній
 Иди, лепи за мной въ спрану очарованій,
 Въ роскошную Версаль, съ смбющійся Марли,
 Что Лудвигъ, масперсшво, природа возвели.

Искусство смѣлое, величье несказанно
 Ты узришь всюду шамъ. Тамъ всю очарованно.
 Армидинъ шо черпогъ, Альциновъ эпо садъ,
 Иль болѣе скажашь, героя, шьму преградъ
 Среди спокойствія разрушиши грозяща,
 Въ уединеніи еще побѣдъ жоюща,
 Вкругъ коего всегда зримъ новы чудеса.
 Ты воды видишь ли, и землю, и лѣса,
 Чредой своей его законамъ покоренны,
 Древа съ двѣнадцашью черпоговъ сопряженны,
 Спроеніемъ своимъ плѣняющихъ весь свѣтъ?
 Ты видишь ли сію одушевленну мѣдъ,
 И рѣки оныя средь воздуха висящи,
 Съ кипящей пѣною и съ шумомъ внизъ лепящи
 И погружающисъ въ каналахъ гордыхъ сихъ;
 Тамъ распилаемы холспомъ чрезъ праги ихъ,
 Здѣсь выходящія густыми вверхъ снопами,
 Чшо солнца вспламенясь чиспѣйшими огнями,
 Своими каплями, когда онѣ падупъ,
 Являюшъ злаша блескъ, лазурь и изумрудъ?
 А въ шемныхъ рощахъ сихъ пѣнь Фавны и Силь-
ваны

Повсюду развели, присущствіе Діаны
 Съ Венерой придало симъ прелести мѣшамъ.
 Тамъ каждый мраморъ богъ, а сѣнь древесна храмъ;
 И Лудвигъ громъ побѣдъ въ концы разсыпавъ міра,
 Казалось, созвалъ весь Олимпъ къ себѣ для пира.

Но удивленіе умъ можешъ опягчить.
 Я чшу орашора, въ комъ мысли возвышенны,
 Въ шеченьи пышныя, со шщаньемъ размѣренны;
 Но крашокъ сей воспоргъ. Орашоръ не плѣнишъ

Какъ другъ, который мнѣ отъ сердца говоритъ. 15)
 Сей мраморъ, мѣдъ сія, что роскошь изощраетъ,
 Искусства сей уборъ глазъ скоро удручаетъ;
 Но сѣнь прохладная, и роши, и вода
 И вся невинная ихъ роскошь никогда.

Такъ будь въ садахъ красотъ естественныхъ лю-
 битель.

Ихъ первый образецъ явилъ намъ самъ Зиждипель.
 Въ Мильшонѣ зри. 16) Когда всемогущею своей
 Жилище спроехъ Богъ для первенцовъ людей,

- 15) Эпошь стихъ, какъ извѣстно, Расиновъ. Сочинитель сей поэмы употребилъ его для описанія пріятношей сада въ родѣ неправильномъ и естественномъ, который менѣе являетъ блеску при первомъ на него взглядѣ, но безъ сомнѣнія показываетъ болѣе разнообразія, и удовольствіе отъ него продолжительнѣе.
- 16) Многіе Англичане думаютъ, что прекрасное его описаніе земнаго рая и нѣсколько ошривковъ Шпенцера дали понятіе о садахъ неправильныхъ; и коша въро-яшно, какъ я уже сказалъ, что сей родъ садовъ произошелъ отъ Кишайдевъ, но я предпочелъ высокія поэтическія мысли Мильшона. Сверхъ сего думаю, что съ удовольствіемъ будушь взирать на славу величайшаго изъ Царей вселенныя, на чудеса искусствъ, приведенныя для показанія разноши съ прелестями рождающейся природы, на невинность первыхъ созданій, коими она украшалась, и на блаженство первой любви. Я ни переводилъ Мильшона, ниже подражалъ ему: его описаніе Эдема длиннѣе моего. — Оно не внесено здѣсь по вышеобъявленной причинѣ. — См. въ подл. примѣч: де Лилля, въ концѣ сей его Поэмы.

По правиламъ ли Онѣ спези начертываетъ,
 И воды плѣнныя въ печенѣи принуждаетъ?
 Ты видишь, чуждоюль снабжаетъ красоюй
 Онѣ первую весну земли еще молодой?,
 Природа безъ искусствъ, не зная принужденъ,
 Открыла чистаго начатки наслажденъ.
 Плѣняющая смѣсь долинъ, холмовъ, полей;
 По волѣ съ тихостью бродящій шамъ ручей,
 Спезей излучистыхъ пупи для глазъ безвѣстны,
 Нестройство милое, незапноши прелестны;
 Предметы въ выборѣ сомнительны глазамъ
 Съ премѣной, съ рѣздыхомъ восторгъ ихъ дили шамъ.
 На бархатныхъ цвѣсахъ, гдѣ свѣжій злакъ и чистый,
 Несчетныя древа, тѣхъ мѣстъ уборъ волнистый,
 Что обонанье, вкусъ и зрѣніе малятъ,
 Въ пріятныхъ купахъ, иль небрежно врозь стоятъ,
 Когда одно съ другимъ сближаясь, раздѣлялись,
 Незапные вдали имъ виды открывались;
 То преклонясь къ землѣ, въ объятіяхъ своихъ
 Съ пріятностью сіюпы занупывали ихъ;
 Иль надъ главой вися зелеными вѣнками,
 При шествиі власы песприли ихъ цвѣшками.
 Сказать ли мнѣ еще о пьмѣ молодыхъ древесъ,
 Кустовъ, являющихъ обширный взору лѣсъ,
 Бесѣдки изъ себя, альковы, своды вьющихъ,
 О пышныхъ вѣшвіяхъ и шеблахъ ихъ цвѣшущихъ?

Прекрасна Ева, въ сихъ владычица мѣснахъ
 Являя нѣжную задумчивость въ очахъ,
 Тамъ руку юному супругу посвящаетъ;
 Живѣйшій розы цвѣтъ въ лицѣ ея играетъ,

Оно румянится какъ утренняя заря.
 Возвеселилася вся шварь, ихъ радость зря.
 Въ то время небеса свой блескъ усугубляли,
 Изпочиники въ брегахъ пріянище журчали;
 Казалось, тогда прелещуща земля
 Ихъ чувствуетъ воспоргъ, и вздохамъ ихъ немля,
 Зефиры въ глубинѣ дровесъ ихъ опзываютъ;
 Колеблемы цвѣшки свой стебель наклоняютъ,
 И посылая весь на воздухъ ароматъ,
 Имъ ложе брачное сижъ первенцовъ кропятъ.

О несканная сего блаженства сладость!
 Супруги, коихъ жизнь покой, утѣхи, радость!
 Блаженъ въ своихъ садахъ, спокрапно поитъ блаженъ,
 Кто такъ живешь, какъ вы, печалей удаленъ,
 Ловящвы гордости! обиленъ онъ цвѣпами,
 Невинностью своей, веселиемъ, плодами.

Конецъ первой пѣсни.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

О естълибъ сладкую шу лиру я имѣлъ,
 Которой гласъ на Гемъ лѣса и горы вель,
 Взыгралъ бы; и древа въ единое мгновенье
 Просперли бы свое на видахъ осѣненье.
 Дубъ, липа, вязъ и кедръ, и сонмы древъ иныхъ
 Размѣрнобъ шли въ поляхъ uproипись моижъ:
 Но древнее чудесъ согласіе лишилось,
 Безъ власпи лира, горъ вниманье припупилось:
 Уже сладчайшій звукъ не движетъ дерева;
 Искусство лишь и шрудъ рождають чудеса.

Искусствомъ и познай шу ловкость, шо усилъе,
 Какъ разнымъ дашь дрѣвамъ пріятность и обилье:

Сіи плоды, сей цвѣтъ, красивый сей покровъ
 Естъ въ дрѣвѣ лучшее убранство для садовъ.
 Чшобъ больше нрависься, всѣ виды принимаешъ:
 Тамъ пышно вѣлвья несстройны пропягаешъ,
 Тупъ ешеблъ его легко спремишся въ вжсошу;
 Здѣсь важность, памъ его люблю я красопу:
 Чуть дунешъ вѣшерокъ, препещешъ; вихрь взнесетъся,
 Желвасный пенъ его и крѣпкій верьхъ упрешся.
 Покрышо жоспкою иль гладкою корей,
 Склоняя вѣшвья, иль ижъ держа шрѣлош,

Въ расшеняхъ почнаго Прошея представляеть;
 Для украшенія природы премѣняетъ
 Свой спань, цвѣтъ, зелень, плодъ. Зря разность
 дѣйствій сихъ,
 Сокровища свои искусство найдетъ въ нихъ,
 Которы вкусъ препитъ братъ въ дѣло безъ разбору.

Еще подъ разными видѣніями взору
 Обширность разныхъ садбъ являетъ образъ свой.
 То дикой, мрачной лѣсѣ, глубокой и густой
 Неизмѣриму шбнь въ долину распилаетъ;
 То садба лучшихъ древъ, гдѣ меньше ихъ бываетъ,
 Веселу рожицу изображаетъ намъ.
 То на разбѣяны изящны купы шамъ
 Въ цвѣшущемъ видѣ мѣстѣ, плѣненъ, смолрю пря-
 лѣжно.

А индѣ на свое величїе надежно
 Едино древо спавъ, всю скрасило спрану.
 Коль можетъ миръ полей привестъ на мысль войну,
 Огромно войско такъ предъ наши спавипъ взгляды
 Густыя полчища, разбѣяны опряды;
 А шамъ гордъ силою, дѣлами именипъ
 Одинъ герой явясъ, всіо войско замѣнипъ.
 Законы разные для разныхъ садбъ реченныхъ.

Но роскошь нѣкогда древъ оныхъ отдѣленныхъ
 Въ искусственныхъ садахъ убранствомъ небрегла:
 Въ садахъ естественныхъ днесъ вольность ихъ мила.
 Удачной прихотью и такъ умно случитсѣ,
 Чтѣ взоръ неспройными ихъ садбами плѣнипъся.
 Различны должны бытъ ихъ разспоянъе, видъ;
 Пускай величина шеблѣ каждый оплаципъ,

Или хопъ красота; а дерево постыдно
 Пусть въ кучѣ скрывшися, не будетъ больше видно.
 Когда же древній дубъ иль кленъ, опецъ лѣсовъ
 Подъземлетъ важное чело до облакоуъ;
 Да окрестъ онаго всіо племя учредися,
 Составя дворъ его, съ почтенемъ опдалися.

Съ прекраснымъ выборомъ и съ большимъ вкусомъ
 намъ

Тѣ кучы пьму карпинъ изобразятъ собою.
 Изъ разныхъ древъ числомъ или величиною
 Составъ ихъ гущину иль легки чащи ихъ:
 Глазъ любитъ издали зрѣтъ племя брашневъ сихъ.
 Они шо премѣняютъ ихъ могутъ положенья,
 Сближаютъ, отбрасывать поспѣшно опдаленья,
 Соединитъ, развлечъ, завѣсу тѣней дасть,
 И распустишь ее на видахъ иль собратъ.

Вотъ образъ кучъ: къ лѣсамъ мнѣ время обратитесь;
 Хопъ мало должно имъ искусству научитесь.

Почтенные лѣса, миръ вамъ! ужъ Барда гласъ
 Въ сихъ сводахъ пѣсенныхъ не ужасаетъ насъ;
 Но сладкая мечта пустыни населяетъ,
 И вашихъ мракъ пещеръ спихамъ насъ научаетъ;
 Священны сѣни! вы вдыхаете мнѣ ихъ:
 Позвольте щцанемъ рукъ почтительныхъ моихъ,
 Не изкажая васъ, украситъ васъ достойно;
 Опъ васъ жочу занятъ убранство вамъ приспойно.

Лѣса въ безчисленныхъ намъ видахъ предстоятъ,
 Здѣсь ни стѣсенные ихъ больше тѣнь стуспятъ;

Тамъ нѣкій свѣтъ лѣя въ жилищѣ семь предъ очи,
 Сославъ пріятное сраженіе дня и ночи.
 А далѣ дай древамъ въ прогалинахъ играшь,
 Къ землѣ ихъ легкіе листочки преклоняшь.
 Колеблясь межъ собой, не смѣя прикасаться,
 То вдругъ себя искашь, то спанушь удаляешься.
 Симъ образомъ свою перьятъ грубость лѣсъ;
 Но должно, чѣмъ его видѣ важный не изчезѣ,
 На мѣлочи или пусыя предспавленья
 Изъ купности его не дѣлай раздробленья.
 Пусть будетъ онъ одинъ, просѣ и великъ; умѣй,
 Чѣмъ нѣсколько былъ грубъ онъ въ пышности своей,
 Яви разбишы пни; чрезъ рышвины глубоки
 Блудящи черныя хочю я видѣшь шоки.
 Лѣтъ, воздуха и водѣ слѣдовъ не изпребляй;
 Нависшихъ оныхъ скалъ прещеңе уважай.
 Да печатлѣнно здѣсь величія рукою
 Всѣ дышетъ мужествомъ и дикою красотою,
 Вотъ лѣсъ плѣняющій изящностью проспой.

Оспрадная, не столь гордящаясь собой
 Веселы роцица каршины предспавляетъ;
 Мѣспа, окресности пріятны избираетъ,
 То скроеся, то вдругъ появится въ глазахъ,
 И заблуждается въ йзлучистыхъ спезяхъ;
 Прохаживается межъ разными цвѣтами,
 Между роскошными и чиспыми водами;
 И я здѣсь чаю зрѣшь, духъ нѣгой нацишавъ,
 Что Епикуръ гласилъ ученіе забавъ.

Но роца или лѣсъ плѣнятъ несовершенно,
 Когда богатство то въ ихъ нѣдрахъ сокровенно;

Со щцаніемъ пы ихъ и виѣшность украшай.
 Соразмѣряя ихъ края, не сокрывай
 Большихъ семействъ лѣсовъ за жалки палисады
 И за зеленыя несносныя ограды:
 Дай видѣшь ихъ; хочу, пронзая въ глубь лѣса,
 Зрѣшь разны вдругъ сіи распущи дерева.
 Тѣ въ свѣжей юности и крѣпости созрѣли,
 Сіи отъ старости въ буграхъ и одряклѣли;
 Тѣ пресмыкающся; шѣ гордые лѣсовъ
 Тираны, въ даць себѣ пьютъ жадно сокъ рабовъ.
 Обширно зрѣлище! оно изображаетъ
 Жизнь, нравы, возрасты, и разумъ шѣмъ плѣняетъ.

При важныхъ поль вещахъ не огорчишь ли взглядъ
 Несносный для него зеленыхъ видъ оградъ,
 Гдѣ нѣтъ незапности, ни разности явленья?
 Теки богатая премѣна, радость зрѣнья,
 Приди, прерви, разрушь досадные для глазъ
 Снурокъ и угломѣръ и жалкій ваперпасъ.
 Краямъ лѣсовъ милѣй, приличнѣй украшенье
 Заливовъ и ручьевъ удачное смѣшенье.
 Единообразныхъ садбѣ прошивенъ оку видъ,
 Оно стремишельно къ предѣламъ ихъ спѣшишь;
 Премѣнныхъ же краевъ видѣніе незапно
 Въ безмѣрности своей общечъ ему пріятно;
 Въ извивахъ многихъ сихъ играетъ, шрапишь слѣдъ,
 То съ ними скроется, то ихъ оцашъ найдешъ;
 На разности каршинъ, что цѣпь ихъ соспавляетъ,
 Отъ мѣстѣ до мѣстѣ оно въ весельи опдыхаетъ:
 Лѣсъ разширяся, въ обходахъ длинныхъ сихъ
 Различенъ въ красотѣ, въ извиціяхъ своихъ.

Изобразижь его; и; межъ древами сими
 Бесплодны ошобравъ, пожершвуй вкусу ими.
 Однако не спѣши; невольнo осуждай:
 Твой спрoгий приговоръ свершишь гoтовясь, знай,
 Чшо времени онѣ супъ медлѣнно шворенье,
 Чшо тѣни ихъ цвое не купишь всѣ имѣнье,
 Чшо свѣжій ихъ покровъ шибѣ докой всегда.

Неблагодарный же владѣлецъ иногда
 Безъ нуждъ, грызения избѣмлетъ ихъ сѣкирой,
 Поверженны на грудь земли прискорбной, сирой,
 Кошчающся; бѣгутъ опъ мертвыхъ сихъ лѣсовъ
 И дума сладкая, и скромная любовь.
 Для сихъ священныхъ древъ, чшо листьевъ густошою
 Пускали часно тѣнь надъ пляской полевою,
 Для кровоевъ вѣшвисныхъ ты праощевъ своихъ
 Не шронь, губишель, пней благочеспивыхъ сихъ;
 Зря крѣпощъ шпеблѣвъ ихъ опъ лѣпъ неповреж-
 денну,
 Брегися посягнушь на шарощъ ихъ почпенну:
 Придетъ скоро день, унылымъ сумъ лѣсамъ,
 Чшобъ власть свою ошдашь юнѣйшимъ древесамъ,
 Пашть цодъ сѣкирою, и зрѣщъ въ пыли презрѣнной
 Увядшу древню чешъ главы своей надменной,
 Великимъ Лудвигомъ возникшее на свѣтѣ
 Творенье рѣдкое Ле Нoтра, мнoгихъ лѣпѣ,
 О жалкая Версаль! о роши! садъ прекрасный!
 Сѣкира предъ шобой, насталь швой часъ ужасный!
 Древа, чшо гордощью спремилась къ облакамъ,
 Поражены въ корню; верхи ихъ горды шамъ
 Желѣзомъ пошрясясь, колеблясь унадающъ,
 Лѣсиами шпези далеко ушлиающъ,

Надъ коимъ висѣлъ ихъ пышныхъ вѣщевій сводъ.
 Изшреблены лѣса, сей вѣкомъ росшій плодъ,
 Изчезли, и чело ихъ важное увядо,
 Что Лудвига чело героико сбѣняло;
 Палъ сей шоржешественный наукъ роскошныхъ крамъ,
 Не видны праздноспива побѣдъ ихъ кропкихъ шамъ.
 Любовь, что спало по убѣжище прекрасно,
 Гдѣ Монтеспанина вздыкала гордость страстно?
 Что спала сбнь, гдѣ гласъ Вальеры дарагой,
 Гласъ, коимъ былъ прельщенъ и уловленъ герой,
 Извлекъ души его всю шайну сокровенну,
 Къ владычицъ своей прекрасной усремленну,
 Которая любви не чая опъ него,
 Въ немъ пробѣдшеля признала своего?
 Всіо гибнетъ, всіо падетъ: зри, шумъ опустощенья
 Изгналъ лѣсныхъ гостей, изгналъ безъ возвращенья.
 Пшицъ гордыхъ племена селенемъ роци сей,
 Что пѣли спрасъ свою въ убѣжицѣ царей,
 Опъ старыцъ гнездъ своихъ невольцо удалилъ,
 Кумиры, кои въ сбнь древесну поселились,
 Въ зеленый прежде бывъ покровъ облечены,
 А нынѣ нагопой своей усыжены,
 Восплакали о ней; Венера изумилась,
 Какъ зримой бытъ спрашась, незнаю обнажилась.
 Распите, дайте пѣнь, вновь множсь на чоляхъ
 Вы, юны дерева; а падшіе во прахъ
 Упѣшсь. Зрители бывъ нашихъ бѣдспвѣ и плѣна,
 Вы видѣли конецъ Корнеля и Тиррена:
 Вамъ сопая весна; весна же нашихъ лѣтѣ
 Увянувъ первая, увы! на вѣкѣ минетъ.

Блаженъ наслѣдившій лѣсѣ вѣкомъ возвращенный;
 Но свой лѣсокъ создавъ, зришь рай въ немъ совершенный:

Даръ видя времени убранство дровъ своихъ,
Онъ говоритъ какъ Киръ: „я насадитель ихъ.,,

А вы, коль опрали у васъ еще оспались,
Не допускайте ихъ, чтобъ скоро распускались.
Какъ живописца кисть нескромная молчитъ,
Доколь онъ въ умъ рисунокъ свой чертитъ,
Такъ вы своихъ картинъ въ устройство углубитесь.
Различныхъ силу мѣстъ и видовъ знать пощитесь,
Пріятности лѣсовъ повиснувшихъ съ холмовъ,
Просперто въ равнинѣ величіе лѣсовъ;
Какъ виды и цвѣты между собою сродны,
Старайтесь цвѣты и виды знать несродны.
Пусть ясенъ въпльями взнесенна къ облакамъ
Набенну въпльями превыситъ иву шамъ.
Здѣсь пополь въ зелени дубъ гордый препираетъ,
Но про ихъ ловкое искусство умягчаетъ,
И въ ихъ согласіи участникъ дорогой
Тупъ древо среднее миритъ ихъ межъ собой.
Такъ двухъ цвѣтовъ Вернетъ шумитъ Антипатию,
Искусно подобравъ масъ къ маси въ симетрію.
Различну зелень шу употребитъ умѣй:
Яркаль она имъ нѣтъ, темнѣй или свѣплѣй,
Сихъ видами премѣнъ средь мѣстоположенья
Ты можешь премѣнять со вкусомъ осбенья,
То сильны дѣйствія, шо нѣжныя родитъ,
Восхититъ разношой, согласіемъ плѣнитъ.

Дай паче видѣть ихъ, какъ блѣдна осень спанетъ
Вънецъ свой украшать, когда уже онъ вянетъ.
Какой премѣнный блескъ, величіе и свѣтъ!
Багряный, ранжевый, опаль и алый цвѣтъ

Обиліе свое повсюду изливаєтъ.

Увы! весь эпопѣ блескъ конецъ ихъ означаетъ.
 Таковъ есть общій рокъ. Вихрь скоро возшумишь,
 Содранной ризой съ древъ ложины завалишь;
 И желтыхъ листьевъ ихъ съ часу на часъ паденье
 Прерветъ глубокое пустытника забвенье.
 Но мило самое рушенье мнѣ сіе.
 Коль сердце грустью злой пишается мое,
 Коль вспомнивъ что нибудь, я раны въ немъ от-

крою,

Люблю природы скорбь мѣшаешь съ моей поскою.
 Изсохшихъ оныхъ древъ, увядшихъ вѣтвѣвъ сѣхъ
 Люблю поцпашъ обвалъ-одинъ-бродя межъ ихъ.
 Прошли дни рѣзвосты, веселія и шума:
 Приди, хочю тебѣ опдаться сладка дума;
 Приди, не мрачныхъ пучь являя спрашный жракъ,
 Не съ видомъ, въ коемъ скрытъ ужасной скорби мракъ,
 Полуошверзпыми взгляни ко мнѣ очами,
 Какъ въ осень сквозь пары играешъ день лучами:
 Въ челѣ задумчивость, въ очахъ дай зрѣшь покой,
 Готовыхъ сладкою наполнишь слезой.

Но въ потѣ же часъ, когда сей мыслію пишаюсь,
 Я къ тысячѣ племенъ цвѣшущихъ обращаюсь
 Древъ юныхъ и кустовъ. Прелестный родъ! вашъ видъ
 Межъ древа и цвѣшка опшѣнку лишь хранишь;
 Украсьте зрѣлице пріятностыми своими.
 О! естли бы, влекомъ предметами моими,
 Я съ меньшей быспропой къ мешъ своей лешѣль,
 Съ какой бы радостью въ порядокъ васъ привель!
 Въ несчетны виды вы погдабъ преобразились;
 Подъ сѣнью вашей бы изсточники капились;

Въ сводѣ, въ куполѣ ваши бы я вѣшави сѣдинилъ
 И лозы мягкіе вкругѣ вязиковѣ обвилъ;
 На твердой ихъ корѣ извивѣ сей взору милой
 Эмблема нѣжности соединенной съ силой:
 Я ваши краски бы различныя смѣшалъ;
 При чистой бѣлизнѣ цвѣтѣ алый бы блисталъ
 И свѣтлая лазурь и темногубая,
 Упшанныхъ очей ушѣхи премѣняя;
 Всѣ ваши разные уборы и цвѣты
 Спеклись бы наперывѣ составишь красоты
 И блескъ моихъ работѣ въ карпинахъ совершенныхъ,
 На зависть самаго Ван-Гейзума рожденныхъ.

Вы, коимъ распочилъ богатство ихъ климатѣ,
 Умѣйте сохраняти прелестный ихъ нарядѣ:
 Дѣлите ихъ дары на времена годичны;
 Принесши каждое свой запахъ, цвѣтѣ приличный,
 Пусть явится оцять, когда придетѣ череда,
 И годѣ увѣнчанный пускай цвѣтетѣ всегда.
 Такъ съ временемъ сады свой видѣ перемѣняютѣ;
 Что мѣсяцѣ, то свои въ немъ рожицы бывающѣ,
 И въ каждой рожицѣ своя весна цвѣтетѣ;
 Весна сія пошчасѣ уянетѣ, пропадетѣ!
 Но въ крашкостіи ея богатствомъ наслажденя
 Упѣшитѣ васѣ еще плодѣ вашего умѣня.
 Да умнымъ щцаіемъ весь сей древесный родѣ,
 Коль будетѣ безѣ цвѣткѣ, не будетѣ безѣ красотѣ.
 Такъ лѣтѣ молодыхъ въ концѣ искусная Аглая
 Пльняецѣ насѣ еще, власть прежню продолжая.

И небо самое, какѣ воздухѣ ни суровѣ,
 Не всѣхъ своихъ зимой лишило насѣ даровѣ.

Есть много дровъ еще, которы презирають
 Мяшежныхъ вѣтровъ гнѣвъ, и листые сохраняють.
 Смори, какъ шисъ и ель, смолиста сосна, плющъ,
 Сей пернъ свѣщійся весь въ иглахъ и колючъ,
 Сей лавръ божественный, цвѣщущій вѣчны годы,
 Свой плащатъ долгъ землѣ и мстятъ за смерть природы.
 зри червленъ ихъ плодовъ, кораллы ихъ пупковъ,
 Въ зеленыхъ вѣшьяхъ ихъ смѣсь яркую цвѣшовъ.
 Я средь нагихъ полей убранствомъ ихъ пльняюсь,
 Чемъ меньше жду его, тѣмъ больше восхищаюсь.
 Укрась же, насади свой ими зимній садъ.
 Тамъ, вижу я, лучи дня краснаго блестятъ;
 Тамъ пщичка, какъ земля совсѣмъ ужъ обнажись,
 Межъ зелени еще лепая, веселись,
 И мѣстомъ обольсьясь, временъ не узнаешь,
 Мнишь, ясны дни пришли, и шамъ весну поешь.
 Такой садокъ пльнишь, не бывъ поддланъ, чувствя.

Но царскіе сады, гдѣ болѣе искусства,
 Гдѣ больше пышности, попрали лютость зимъ.
 Мусо, въ швоихъ садахъ мы вѣчну зелень зримъ. 17)
 Древамъ опсущеннымъ шамъ стебловъ подражанье;
 Прелестныхъ грошовъ шамъ, аллей очарованье,
 Всю вдругъ шебя пльнишь. Годичнымъ временамъ
 Не покорясь, межъ льдовъ родисься роза шамъ:
 Знашь чудесамъ климатъ и время ушупили,
 И обаянія волшебства изтощили.

17) Зимній садъ Герцога Шаршрскаго дѣйствительно по-
 ходишь на настоящее волшебство. Наипаче теплица
 въ ономъ еше изъ числа наипрекраснѣйшихъ, какія
 полько извѣсны.

Но прелестъ онаго, искусство, чудеса
 Не лучшее садовъ убранство и краса.
 Привычка скоро къ нимъ приспрасье изпре-
 бляеть.
 Не рѣдко, какъ чужой подѣ шѣнь ихъ прибѣгаетъ,
 Уже владѣлецъ ихъ помился и груститъ.
 Иль прелестъ пайная намъ средствѣ не явитъ,
 Чтобъ больше ихъ красой и вѣчно восхищаться?
 Могуль обычаемъ Лапонцовъ не плѣняться?
 Какъ знаютъ обольщать сурову зиму ихъ!
 Не шерпящъ холоду полей враждебныхъ сихъ
 Нашъ крѣпкій вязъ и кленъ, и липа распушена:
 Тамъ зелень скудную густая ель и темна
 Чуть промежутками сквозь иней зрѣть даетъ;
 Но древа малаго, что сей климатъ брежетъ,
 Нѣжнѣйшая краса мила имъ совершенно:
 Для сына, для ошца, для друга насажденно,
 Для госпя, коего отбѣздъ имъ грусть навлекъ,
 Приемлетъ имя ихъ, любезно имя вѣкъ.

Ты, жипель щасливый спраны благословенной,
 Пріятнѣйшихъ небесъ лучами озаренной,
 Ты можешь оному искусству подражать,
 Которое всему умѣетъ душу дать.
 Тогда твои древа и рощицы прекрасны
 Не будутъ болѣе ни пусты, ни безгласны;
 Воспоминанія ихъ нѣжны населятъ,
 Ошсушственны друзья ихъ шѣнь разнеселятъ.
 Что воспрешипъ еще, когда небсна благость
 Желаннымъ совершипъ пвою младенцемъ радость,
 Изъ юныхъ дрѣвъ лѣсокъ иль рощу насадишь

И день сей вѣчному веселью посвяшишь? *)

Упѣху наконецъ ты полную вкушаешь,
 Покровомъ дровъ твоихъ взоръ, сердце услаждаешь.
 Къ забавѣ хочешь ли ты славу приобщить?
 Искусства твоего побѣду совершишь?
 Нося уже садовъ украсителя званье,
 Къ сей чести приобщаи творца имянованье.
 Движеніе пайное замѣшь въ природѣ всей;
 Какаябъ нужда бышь въ волненьи вѣчномъ ей.
 Не должно-ль ей помочь? кто вѣдаетъ всѣ роды
 Богатствъ хранящихся въ сокровищѣ природы
 Для рукъ рачительныхъ? Равно какъ водный шокъ,
 Искусство направляешь по волѣ можешь сокъ.
 Обильной влагой сей яви пуши иные,
 Опкрой въ печеніи каналы ей другіе.
 Въ поляхъ твоихъ вездѣ древа сочешавай,
 Смѣсь дѣвственныхъ еще ихъ соковъ испытай,
 Способствуй въ общей ихъ мѣнѣ произведеній.
 Сколь много видимъ дровъ, плодовъ, цвѣтовъ, распеній!
 Искусство хитросплетью и щцаньемъ рукъ своихъ
 Умѣло премѣнишь вкусъ, цвѣтъ и запахъ ихъ.

*) Послѣ этого Стихотворецъ сдѣлалъ опущеніе, обративъ свои мысли къ рожденію наследника короны Французской, кошорое воспѣлъ онъ въ 28 стихахъ. переводчику не разсудилось вмѣстѣ ихъ здѣсь: такое опущеніе прилично и пріятно было на одинъ только пошъ случай; а въ связи Поэмы оно совсѣмъ не нужно. По чему, дабы не прерывашъ ее, держался онъ печенія мыслей единственно о садахъ, сдѣлавъ небольшое сіе опущеніе.

Такъ персикѣ преродясь, спалъ рѣдкой плодѣ, любимой.
 Тройною розы шакѣ плѣняющѣ діадимой,
 Такъ блестящѣ песпропой гвоздичка, возгордась.
 Дерзай. Богѣ создалъ свѣшѣ; а шы его уирасѣ.

Коль подвиговѣ шакѣхѣ не смѣшѣ изпышашѣ,
 Сокровищѣ можешѣ пѣму въ другѣхѣ спранахѣ спя-
 жапѣ.

Похишѣ богашѣства шѣ. Такѣ правый похишѣшель,
 Опважный Римлягѣицѣ, кропчайшѣй побѣдѣшель,
 Взавѣ новые плоды, въ Авзонію принѣсѣ
 Дамаскѣй черносливѣ, Армянскѣй абрикосѣ,
 И грушу Гальскую и многѣя другѣя.
 Вотѣ опѣ вселенныя спяжанѣя прямѣя.
 Когда надѣ Азіей Лукуллѣ шоржешѣвовалѣ,
 На мраморѣ, злато, мѣдѣ Римѣ сѣ жадносѣпѣю взѣралѣ;
 А мудрый мужѣ въ шолпѣ народа веселился,
 Какѣ сѣ вишнеѣ кѣ Римлянамѣ въ шпріумфѣ онѣ явился.
 Не самый ли сей Римѣ и нашихѣ прѣдковѣ зрѣлѣ
 Ходившихѣ рапѣями во щаспѣливый прѣдѣлѣ
 Сыскапѣ шамѣ виноградѣ, какѣ Вакху посвящѣенныхѣ
 Знаменѣ ихѣ цвѣшѣ багрѣлѣ нектаромѣ побѣдѣенныхѣ?
 Плодѣ подвиговѣ шакѣхѣ ихѣ войски возжигалѣ,
 Ихѣ пѣсней звукѣ сіи шпрофеи възвѣщѣалѣ.
 Вѣнки шого плода гѣлавы ихѣ украшалѣ,
 И вѣшѣви онаго ихѣ копѣя обвивѣали.
 Гангескѣй шакѣ герой шелѣ въ шоржешѣствѣ сѣ побѣдѣ.
 По доламѣ, по холмамѣ за нимѣ лешѣли въ слѣдѣ
 Прѣяшны прѣзднѣства собранѣя винограда.
 Повсюду смѣлосѣть шамѣ, весельѣ и опрадѣ,
 Гдѣ шолько шропекѣлѣ волшебный нектарѣ сѣй.
 Да будושѣ Галлы шѣ примѣрѣ для ихѣ дѣшей!

Оспоримъ, увлечемъ корыспи полевыя.
 Вы зрите многа расшенія чужія
 Въ надменныхъ сихъ своимъ подвласпіемъ садахъ,
 Царю, имѣвшему Ѡемидинъ скиптръ въ рукахъ;
 Ламоаньоновъ родъ, Мальгербъ краснорѣчивый
 Съ избыткомъ ими нашъ снабдили край щасливый.
 Межь собраннымъ шамъ древъ со всѣхъ концевъ
 земныхъ,
 Съ вершинъ высокихъ гѣръ и съ береговъ морскихъ,
 Опшоль, гдѣ всходитъ фебъ, опшоль, куда заходитъ,
 Межь тѣхъ, что жаркій Югъ, что Сѣверъ производитъ,
 Что солнцемъ рождены, что рождены въ снѣгахъ,
 Я сто климатовъ зрю на нѣсколькихъ шагахъ.
 Тогда, какъ въ сонѣ ихъ избранномъ обрящаюсь,
 Я изъ Америки въ Европу преселяюсь,
 То вдругъ изъ Африки зрю въ Азіи себя.
 Межь старыхъ здѣшнихъ древъ, нашъ воздухъ люблю,
 Цвѣтущъ съ пріятностію; опчизны удаленный
 Здѣсь шѣнь своихъ береговъ узнавъ иноплеменный,
 Зря милый образъ ихъ, не знаетъ, гдѣ онъ, съ кѣмъ,
 И сладка мысль о нихъ смягчаетъ сердце въ немъ.
 Младой Попавери 18) свидѣтель предъ очами:

18) Имя одного Ошанскаго жителя, котораго привезъ во Францію Г. Бугенвиль, знаменитый опличнаго рода мужествомъ и довольно извѣстный какъ по званію война, такъ и путешественника. То, что я расказываю здѣсь о семъ Ошанянцѣ, очень извѣстно и весьма любопытно. Я перемѣнилъ только мѣсто явленія, предшавя оное въ Королевскомъ саду произрашеній. Я хотѣлъ въ моихъ стихахъ изобразить всю чувствительность, которая излучалась въ нѣсколькихъ словахъ, произнесенныхъ имъ тогда,

Межь Ошаипскими воспипанный полями,
 Которы съ юныхъ лѣтъ любимы спраспно имъ,
 Въ безспыдной гдѣ любви мы и невинность зримъ, 19)
 Когда внупръ нашихъ спѣнъ сей дикій преселился,

когда онъ обнималъ узнанное имъ дерево, приведшее ему на мысль его опечесство. *Это Отаити*, говорилъ онъ; и взглянувъ на другія деревья, *это не Отаити*. Сѣи деревья и его опечесство были одно и то же въ его пониманіи. . Думаю, что шоль. новое и шроташель. нре произшесствѣе можешъ служишь щасшавною Эля. зодою.

- 19) Во всякомъ народѣ, гдѣ въ общежитіи мало прѣбрѣшено во всемъ успѣховъ, замѣчена нѣкоторая невинность во нравахъ, весьма различная опъ скромности и спыдлиности, кои всегда сопущспвующъ добродѣтели въ женщинахъ народовъ просвѣщенныхъ. Въ Оспровѣ Ошаипскомъ, въ бѣльшей части другихъ оспирововъ южнаго моря, въ Мадагаскарѣ и проч. замужнія женщины считающъ себя обязанными единственно мужьямъ своимъ, и рѣдко измѣняютъ въ супружеской вѣрности: не замужнія же ни мало не совѣсшяшя предавашя и на краткое время склонностямъ, которыя вдыхающъ въ нихъ мужчины. Опѣ ихъ совѣмъ не считающъ за преспуленіе, ниже за спыдъ. Ни въ разговорахъ своихъ, ни въ одѣянїи, ни въ поступкахъ и обращенїи не слѣдующъ тому, что мы считаемъ за обязанности необходимыя ихъ полу. У нихъ опниодъ не починаешя сѣ развращенїемъ, а простотою. Опѣ не цренсбрегающъ правилъ благоприсшойности; опѣ ихъ не знатощъ. Въ сихъ шпоронахъ природа груба, но не развращена. Вошь что полусился я сказашь симъ спихомъ.

О сладкой вольности сердечно онъ крушился,
 На память приводилъ веселый оспровъ свой,
 Забавы вольныя, всѣ радости, покой.
 Прельсаясь, но ошативъ градовъ сихъ блескомъ очи,
 Взывалъ: „опдайше мнѣ мои лѣса и рощи!“,
 Однажды, въ сихъ садахъ, какъ въ ихъ одинъ округъ
 Великою цѣной Лудовикъ собралъ вдругъ
 Сей прозябеній родъ изъ разныхъ спранъ вселенной,
 Распушимъ вмѣстѣ здѣсь ихъ сонмомъ удивленной,
 Которыя мѣста и время премѣнивъ,
 Всѣ воздали Жюсыю почтенье непрерывъ,
 Индѣецъ пробѣгалъ ряды племенъ древесныхъ;
 Внезапно, между сихъ зеленыхъ садѣвъ, прелестныхъ
 То древо, кое зналъ онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ,
 Сразило взоръ его. Вдругъ громко вопіеть,
 Лезишь его обнять, слезами обливаешь,
 И поцѣлуями спократно осыпаетъ.
 Предметовъ тысячу исполненныхъ красотъ,
 Прекрасныя поля, небесный чистый сводъ,
 Что видѣли его средь щастья и покою,
 Рѣку, что разсѣкалъ онъ сильною рукою,
 Лѣсъ, коего красой былъ дикій гость лѣвенъ,
 Банани, *) что даютъ богатый плодъ и шѣнь,
 И кровъ опеческій, и рощицы окрестны,
 Гдѣ опзывалися его любовны пѣсни,
 Еще онъ видѣлъ мнищѣ; и умиленъ душой
 Хотя на часъ себя въ опчизнѣ зримъ своей.

*) Такъ называется плодъ сего Индѣйскаго растенія,
 которое есть родъ шросника. Особаго названія на
 русскомъ языкѣ не имѣетъ, а довольно извѣстно въ
 нашихъ богатыхъ оранжереяхъ.

Конецъ вшорой пѣсни.

Издатель почитаетъ себя обязаннымъ изъ-
явить искреннюю свою благодарность тѣмъ
особамъ, коимъ угодно было спослѣшествовать
въ издании его сочиненій и переводовъ. Къ сожа-
лѣнью не всѣ доставлены къ нему имена ихъ,
коими хотѣлъ онъ его украсить; въ ожидании
того нѣсколько уже замедлилъ доставленемъ
экземпляровъ. При напечатаньи второй книжки,
которая будетъ служить продолженемъ сей,
проситъ онъ позволенія внести ихъ имена, въ
доказательство того, что есть довольно люби-
телемъ нашей словесности, поощряющихъ и сла-
бые таланты.
